

М. ШИШИГИН

ОКНА В ПРОШЛОЕ

М. ШИШИГИН

ОКНА В ПРОШЛОЕ

ВЛКСМ

*П*освящаю своим любимым женщинам:

жене Дине, дочери Светлане,

внучке Наташе

Марат Шишигин

**О К Н А
В ПРОШЛОЕ**

МОСКВА
«КНИГА и БИЗНЕС»
2005

ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Ш65

*Книга издана при поддержке
Олимпийского комитета России*

Художественное оформление и макет
Н. Дубовик

Шишигин М. В.

Ш65 Окна в прошлое. — М.: Книга и бизнес, 2005. —
416 с.: ил.

ISBN 5-212-00970-7

Эта книга воспоминаний написана известным в стране и за ее пределами специалистом в области книгоиздания, в которое автор пришел из комсомола и спортивной журналистики. Книжному делу отдано без малого 45 лет: директор-реформатор издательства «Физкультура и спорт», организатор Всесоюзного агентства по авторским правам (ВААП), творческий чиновник Госкомиздата СССР и покровитель книгоиздания в братских союзных республиках, создатель и первый президент Ассоциации книгоиздателей (АСКИ).

Эта книга не похожа на традиционные мемуары, неторопливо-подробно повествующие о событиях, происходивших из года в год. Это скорее калейдоскоп ярких впечатлений, незабываемых встреч, важных событий, сложных моментов, людских лиц и судеб, зафиксированных человеческой памятью. Фестивали, Олимпиады, книжные выставки-ярмарки, страны и континенты, а самое главное — люди, с которыми сводила судьба, добрые отношения и профессиональные контакты.

Перу автора принадлежат также сборники очерков «Олимпиада, олимпиада...», «Путь к Олимпу», «Герои белых Олимпиад» и монографии по проблемам СМИ.

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 5-212-00970-7

© Текст М. Шишигин, 2005

© Оформление Н. Дубовик, 2005

От автора

Два года тому назад я впервые сел за стол, чтобы попытаться написать о своей жизни. Идея эта возникла и раньше, а вот решимости всё не хватало.

К тому же думалось, кому нужны эти «мои воспоминания, нередко заквашенные на дрожжах самомнения и самолюбия, обильно украшенные позументами». Полки магазинов и уличных развалов и так завалены мемуарами «сверху донизу». Даже беглый взгляд на эти развалы говорит об удивительно большом количестве мемуаристов и «воспоминателей», мало кому известных несостоявшихся и провалившихся разведчиков, «попов-расстриг», «воров в законе», жертв сталинских репрессий и т. д. Есть и мемуары людей, вполне добросовестно достигших, с их точки зрения, определённых высот и пожелавших понежиться в обильной пене собственных воспоминаний. А чтобы эта нега выглядела подлинной, некоторые расписывают свою прошлую «дворянскую» жизнь с посещениями званых обедов, «дворянских собраний»; нашлись и такие, которые «заверстали» в свои книги копии свидетельств о присвоении им

титолов графов и даже княжеских званий. Один, к сожалению, мой коллега не удержался от такого искушения и согласился со званием «князь». Князь, да и всё тут. Попробуй, опровергни. Отбери, попробуй. Поразительно: раньше от всех дворянских, тем более графских званий с нередким остервенением отказывались, даже родственные связи с каким-нибудь церковным старостой из неизвестной деревушки и то старательно скрывали. А сейчас – иначе.

Такой рынок мемуаристики тоже не подталкивал сесть за письменный стол. Но на полках лежало немало изданий отечественной истории, без которых она была бы полуправдой.

Скажу откровенно, если бы не покойный Борис Иванович Стукалин, я бы так никогда и не решился написать книгу воспоминаний. При каждой встрече он говорил мне почти одно и то же: «Марат, сядь за стол и напиши книгу о себе и наиболее важных событиях в твоей жизни. Я знаю, ты много видел, был участником многих замечательных событий, хорошо владеешь пером. За двадцать с лишним лет, которые мы прошли вместе, как ты думаешь, изучил я тебя?». Борис Иванович действительно прекрасно знал меня около тридцати лет.

Так складывалась жизнь: он был моим руководителем, мы немало работали вместе над важными для развития книгоиздания документами, дважды расста-

вались, но потом опять были вместе до последних дней. Борис Иванович аристократ от природы, не выпестованный гувернёрами и гувернантками, приглашёнными из-за рубежа; истинный до мозга костей русский человек – интеллигент, прекрасный знаток истории; профессиональный ум, светлая добрая душа, скромность, влюблённость в природу. В последние годы, после его возвращения из Венгрии, наши отношения постепенно перерастали в дружеские. Я с радостью принимал его дружбу, считаю его своим духовным наставником. Он всегда говорил мне: «Не бойся трудностей, ни в коем случае не бросай перо, если даже из-под него идут избитые, плоские слова и фразы. Талантливый писатель свободен в реализации своего художественного замысла. Вымысел, полет фантазии – это его стихия. Мы с тобой связаны по рукам и ногам фактами прошлой жизни».

Но когда я стал работать над своими воспоминаниями, понял, насколько он был прав. Процесс написания воспоминаний чем-то похож на работу в каменоломне: память откапывает, отыскивает в груде разрозненного материала те или иные наиболее значительные жизненные события, затем их нужно «обмозговать», заново прочувствовать. Но этот процесс, в котором активно участвуют память, мозг, чувства, всё твоё человеческое существо не может сопровождаться приукрашиванием, облагораживанием ушедшего в историю факта. Но как сделать, чтобы этого не произошло? Совесть, только она спо-

собна подстраховать разум и память, сбалансировать и примерить их.

Жизнь относилась ко мне благосклонно, а подчас даже и щедро. Я благодарен ей за это, как благодарен всем, кто создавал атмосферу моего служебного житейского комфорта. Естественно, она не состояла из одних радостей и приятных встреч. В ней были физические и моральные утраты, ошибки и разочарования. Я прожил эту жизнь в окружении семьи, близких, друзей, приятелей, коллектива сослуживцев. Всегда стремился к взаимной доброте и платил жизни за всю её доброту сполна. Моя самая большая слабость (и сила, наверное, в ней) – это любовь к друзьям, умение находить их и радоваться этому. Я живу в постоянном чувстве, когда кажется, что что-то кому-то не успел сделать. Я как бы вечный должник. В семье мне часто говорили: «Друзья – это слабость Марата». Может быть, это определялось моей самостоятельностью: рано остался без отца, долго жил в разлуке с матерью – всё это заставляло меня самому принимать решения, тянуться к добрым людям. Я горжусь тем, что всю эту длинную жизнь прожил без всякой поддержки мощной всемогущей «руки», которая смогла бы помочь и «протолкнуть». Всё, чего в этой жизни я добился, получил от неё, добился собственным горбом, энергией, трудолюбием, может быть, некоторым обаянием и умом. Но, пусть об этом скажут близкие и читатели.

В своих воспоминаниях мне хотелось показать, как «делается» жизнь не генерала, не министра, а просто-го русского человека, как он сам её «делал», не опираясь на чьи-то могучие плечи.

Мне не хотелось бы называть свои воспоминания мемуарами. В нашей литературе сложилось каноническое правило: мемуары – это труды крупных государственных деятелей, военачальников, учёных, известных артистов, музыкантов.

Сознавая свою роль в обществе, в «русской революции», я избрал жанр «воспоминаний»: они мне кажутся менее претенциозными как с общественной, так и с литературной точек зрения. Более того, я пошёл дальше и назвал свои воспоминания «Окна в прошлое». Что, как мне кажется, освобождает меня: во-первых, от хронологически последовательного изложения материала; во-вторых, даёт мне моральное право отбирать события и даты из своей жизни со своей личной точки зрения.

Цель моих воспоминаний – это стремление сократить число русских «Иванов, не помнящих своего родства». К сожалению, таких «Иванов», в России огромное множество. Не плохо бы помнить о том, что история России – коллективная история.

Ставлю последнюю точку в своём вступлении. Испытываю при этом чувство удовлетворения и некото-

рое разочарование. Я не смог, не успел написать сердечных добрых слов о многих людях, с которыми меня сводила судьба. От каждого из них я получал частицу их добра и тепла. Но я всех Вас помню и благодарю.

Самый ценный и большой подарок для меня – отзывчивость, которую проявили большое количество моих друзей, товарищей и просто знающих меня людей. Огромное спасибо моим добрым помощникам: машинисткам, корректорам, дизайнерам, верстальщикам, всем-всем, кто приложил свою добрую руку к этому родному мне изданию.

Ваш Марат Шишигин

Иван-да-Анна

печальная повесть

Глава первая

Ночь была обыкновенной. Темный вечер по-южному быстро и густо окутал землю, залил ее темно-синими чернилами. Шоссе издали было похоже на гирлянду новогодних елочных украшений, они ярко горели, то затихали, то вспыхивали еще ярче. Машины шуршали протекторами, фыркали на подъемах, скрипели сцеплениями и тормозами. Стоял август. Летний сезон на Черноморском побережье был в разгаре. В этом потоке шли и «Жигули» Ивана Яковлевича и Анны Федоровны. Они не были туристами, они возвращались с воскресного отдыха домой, в Феодосию. Вот уже несколько лет у них было правило: на субботу и воскресенье рано утром до жары уезжать в облюбованный ими тихий уголок за так называемым «Золотым пляжем». А вечером, когда спрячется солнце, возвращаться домой. Облюбованный уголок им очень нравился. Здесь был такой же, как на «Золотом пляже», крупнозернистый желтоватый песок, только еще более чистый. Людей здесь почти не было, они старались сконцентрироваться на оборудован-

ном пляже: там можно получить лежачок и шезлонг, взять напрокат ракетки для тенниса и, при желании, перекусить в шашлычной, кафе, ресторане. От пляжа до города регулярно курсировали паромы, это был самый удобный вид транспорта. Больше всего Ивана и Анну привлекало, что в тридцати-сорока метрах от

Анна Федоровна и Иван Яковлевич, гвардии подполковник, прошедший войну от первого до последнего дня, кавалер боевых орденов и медалей. В мои трудные годы они проявили удивительные черты русского великодушия и сердечности. Они не делились, а отдавали все, чтобы я, их племянник, смог закончить московский институт. Я посвящаю им эту повесть, как последний поклон

моря на берегу, в степном безбрежье сохранилась небольшая куща леса, в которой была тень, воздух не застаивался, продувался степными и морскими ветрами. «Жигули» здесь тоже себя чувствовали хорошо: не раскалялись от солнечного зноя.

Анна в годы войны перенесла сложнейшую операцию – ей было удалено левое легкое: туберкулез в 25 лет! На это были причины. В 30-е годы Анна работала на «Уралмаше»; не имея специальности, вначале возила тачки с землей из котлована, а через месяц ей выделили старенький токарный станок и усталый бригадир, потрепав по плечу, благословил: «Ну, давай, Анна». Так она стала ученицей слесаря. По 12 часов у станка, холод, недоедания. Сначала просто кашель, потом кашель с кровью – у Анны начался туберкулез легких.

Всю войну с первого и до последнего дня Анна прожила одна. Иван за два месяца до начала войны был призван в армию и до последнего дня был на фронте, командовал авторотой, затем батальоном. Пайка хлеба, один килограмм мяса, 400 граммов масла на месяц – это все, что имела одинокая больная женщина.

С тех пор прошло тридцать лет. У Анны к старым болячкам прибавилась новая – гипертония в тяжелой форме. Иван Яковлевич вышел на пенсию, но еще работал: вел занятия в автошколе. Суббота и воскресенье для них были святыми днями. Они обязательно выезжали из города. Для Ивана это была не только поездка на природу, где он мог поплавать, отдохнуть.

Для него это было чем-то более значительным: это было возвращение в молодость. Открывая дверцу кабины «Жигулей», он блаженно откидывался на спинку сиденья, широко расставив локти, брался за баранку и напряженно вытягивался, как бы проверяя свои силы. Для него это был миг счастья, блаженства, сознания, что он еще не так стар, он молод и его воле полностью подчиняется этот автомобиль. Это не было чувство владельца автомобиля, который получает наслаждение от того, что автомобиль принадлежит ему, что это его собственность.

Иван не помнил себя без автомашины. Вместе с родителями он в двадцатые годы приехал в Свердловск на строительство «Уралмаша». Строили, копали лопатами котлованы, на тачках отвозили землю. Уставали, руки роговели от лопаты и тачки. Хотелось бы, все силы исчерпаны, хотелось прийти в общепитие, плюхнуться на кровать – отключиться до утра. С каким восторгом смотрел Иван на «фордзоны», АМО. Лопата падала из рук, лицо расплывалось в улыбке. Ему так хотелось узнать тайны этих машин, понять, почему они движутся. Это чувство стало для него страстью, смыслом жизни. Как-то в рабочей столовой он услышал разговор об открытии аэроклуба. В комитете комсомола ему сказали, к кому нужно обратиться. Седовласый моложавый мужчина, в кожаной куртке, тяжелых ботинках, модных в те годы блестящих кожаных крагах коричневого цвета, испытующе посмотрел на коренастого паренька и сказал:

– Ну что, на самолете хочешь летать?

У Ивана язык прильнул к небу. Он промямлил что-то в ответ, поддавшись весь вперед.

– Хочешь летать, а знаешь, что рожденный ползать летать не может?

Иван не знал этого, он просто очень хотел летать. Не дожидаясь ответа человек в блестящих крагах продолжал:

– Начнем поэтому с обучения летать... Сначала с парашютом с вышки. Посмотрим, как у тебя получится. Не струсил – будешь прыгать с самолета, а затем начнем изучать двигатель внутреннего сгорания. Понял?

– Когда приходиться? – вырвалось у Ивана вместо ответа.

После этого были десятки прыжков. Бывало, что и тошнило не то от страха, не то от качки. Больше всего Ивану нравились занятия по материальной части самолета, с особым упоением он постигал тайны двигателя внутреннего сгорания. В тридцатые годы Иван блестяще освоил вождение «эмкой», знал все ее повадки и особенности. А в годы войны перепробовал все машины: и «газы», и «виллисы», и «опель» и «студебеккеры».

«Жигули» для него были продолжением активной жизни. Когда он садился за руль, то у него было такое чувство, что тормоза и колеса – это продолжение, часть его ног, а баранка – продолжение рук, он чувствовал, как в собственном теле, каждый возникающий в машине стук, скрип и сразу же реагировал на него.

Движение в вечерние часы было особенно интенсивным: возвращался грузовой транспорт, автобусы развозили по санаториям отдыхающих, «частники» тоже возвращались после отдыха по домам. Иван с привычной осторожностью вел свою машину в середине этого двухстороннего потока. Переключал дальнейшее освещение на ближнее, убирал яркий свет, чтобы не ослеплять навстречу едущего водителя. Притормаживал, когда нужна была дистанция, подбавлял газу, если впереди никого не было. Анна сидела справа от него на переднем сиденье, по привычке, выработанной за многие годы, повторяла за мужем все его движения: «тормозила», «увеличивала скорость», «переключала скорости», следила за машинами, идущими сзади. Сегодня они хорошо провели время в своей дубраве, и сейчас у них было спокойное благодушное состояние хорошо отдохнувших людей. До города оставалось 15-20 километров.

Вдруг что-то тяжелое и мягкое ударило о радиатор, затем о ветровое стекло. Зазвенели стекла разбитой фары. Иван резко затормозил. Анна ударилась головой в ветровое стекло, вскрикнула и стала тихо сползать с сиденья. Иван выскочил из машины. Лоб кровоточил, руки между большим и указательным пальцами вспухли, ныло колено правой ноги. Иван бросился вперед. Фары не горели, ручной фонарь он впопыхах забыл взять. Идущая на обгон грузовая автомашина высветила впереди кусок асфальта и обочины. Там он увидел лежащего человека. Иван подбежал к нему, нагнулся, коленом почувствовал

что-то сырое. Это была кровь. Человек тихо стонал, голова его свисала в кювет, ноги оставались на асфальте. Иван вскочил, выбежал на середину шоссе и с криком о помощи поднял обе руки вверх. Одна за другой проходили грузовые и легковые машины, круто объезжая его и не сбавляя ходу. Наконец, прямо перед ним резко затормозила «Волга». Из нее высунулся брюнет с большой копной черных волос и вопрошающе посмотрел на Ивана.

«Человека сбил, он при смерти, жена без сознания в машине. Помогите, довезите до города». Черноволосая голова тут же исчезла в кабине, «Волга» с места рванулась вперед и умчалась, издевательски подмигивая задними фарами. Ивана охватила дрожь бессилия. А проезжавшие машины, ловко объезжая его, удалялись в сторону города. Он готов был сам броситься под следующую машину. Но машина – это был военный автобус – резко притормозила, и из кабины ловко выскочил молодцеватый старший сержант.

– В чем дело, что случилось?»

– Помогите, браток, беда, большая беда, человек умирает на дороге и жена без сознания.

– Гнатюк, Сафаров! Ко мне! – крикнул на ходу старший сержант и подбежал к месту аварии. Шофер автобуса развернулся и осветил фарами асфальт.

– Гнатюк и Сафаров, положите потерпевшего на плащ-палатку – и быстро в автобус, – скомандовал старший сержант, а сам, сделав несколько шагов вперед, наклонился и поднял с дороги мужской ботинок.

Затем резко шагнул на обочину и взволнованно крикнул:

– Здесь еще лежит один!

Иван помог солдатам отнести в автобус сбитого человека и, услышав крик старшего сержанта, бросился к нему. На обочине, метров в пяти-шести от «Жигулей», лежал человек. Дыхание его еле улавливалось, изо рта текла струйка крови. Солдаты быстро перенесли его в автобус. Теперь нужно было спасти Анну. Иван бережно взял ее на руки. Отнес к автобусу и передал на руки солдатам, которые перенесли ее в глубь автобуса и положили на сиденье.

– Прошу тебя, браток, отвези их в больницу, а встретишь инспектора ГАИ, пусть срочно едет сюда.

Язык не слушался, оцепенение не проходило, эти тридцать минут прошли как во сне. Старший сержант молча кивнул, вскочил в кабину, и автобус, выжимая предельную скорость, ринулся в город.

Только теперь, оставшись один, Иван понял, что произошло что-то страшное, непоправимое, кошмарное. Он был похож на мотылька, который бьется из последних сил о стекло, и силы оставляют его. Что делать дальше, он сейчас не представлял. Какие действия, шаги были самые правильные для него и тех, пострадавших? Он встрепенулся, когда рядом с ним резво затормозил мотоцикл. Краснощекий инспектор ГАИ соскочил с мотоцикла, по ходу бросил:

– Гапоненко.

Из коляски выбрался полноватый старший лейтенант, следовательно горотдела милиции. Инспектор по-

ставил за «Жигулями» оградительный щит, взял в руки переносной фонарь. Начался осмотр места происшествия. Инспектор и следователь скрупулезно вымеряли расстояние от радиатора до места, где лежали потерпевшие. Тщательно измеряли длину тормозного следа. Записывали, измеряли снова, затем тут же допросили Ивана. Иван отвечал путано, противоречиво, непродуманно. Навязчиво мозг сверлила мысль: «Второго я не сбивал, сбил только одного, я не виноват, скорость не превышал, потерпевший оказался на проезжей части неизвестно откуда. Я не видел его впереди, услышал только удар о радиатор и ветровое стекло. Второго сбила другая машина!»

Вначале следователь и инспектор объяснения слушали настороженно, а затем стали проявлять раздражительность и откровенную неприязнь к Ивану.

Глава вторая

Анна с трудом подняла веки, они были будто свинцовые и еле-еле повиновались ей.

– Ваня, Ванюша, Ванечка, – позвала она. Странно, она не услышала своего голоса. Язык плохо подчинялся ей, у нее было такое чувство, будто он растворился и полностью заполнил собой рот.

– Ванюша, где ты? – еще раз позвала Анна и вновь не услышала своего голоса. Губы произносили слова, но их не было слышно. «Где я?» – с тревогой подумала она и обвела глазами большой белый потолок. Он

показался ей незнакомым. «Неужели это больница? – с еще большей тревогой подумала Анна. – Причем тут больница, я дома и вполне здорова. Просто еще не проснулась как следует». Она попыталась приподняться, опираясь на правую руку, и оглядеться вокруг. Но правая рука не слушалась: ее как будто не было. Попробовала пошевелить правой ногой – не получилось. «Где моя рука?» – подумала Анна и левой рукой судорожно вцепилась в правую. Странно: левая рука чувствовала правую, а вот правая не чувствовала прикосновения левой. «Что произошло со мной? Почему нет Ивана?» – заколотились мысли в голове Анны. В это время дверь в комнату открылась и вошла полноватая, белокурая женщина в белом халате.

– Ну вот, вы и проснулись, – ободряюще начала она разговор.

Трое суток Анна не приходила в себя после происшествия, случившегося на шоссе. Теперь она начала понимать, что находится в больнице.

– Здравствуйте, сестра, – сказала она. Но опять не услышала своего голоса. Язык по-прежнему заполнял весь рот и плохо повиновался. Сестра, увидев, как Анна старается что-то вымолвить, сказала:

– Не волнуйтесь, пожалуйста, Анна Федоровна, вы находитесь в больнице, ничего страшного с вами не произошло.

– Не произошло? – И тут Анна вдруг все вспомнила: как завизжали тормоза, и машина резко затормозила, ветровое стекло лопнуло, колючие его остатки

впились в ее лицо, соленые струи крови потекли по щекам, шее. Потом стало темно, все вокруг исчезло и затихло. Она потеряла сознание.

И вот только теперь, спустя три дня, память возвращалась к ней. Анна впадала в забытие, потом приходила в себя. Рядом с ней по-прежнему стояла молодая сестра в белом халате, в высокой накрахмаленной наколке, из-под которой на плечи падали золотистые пряди волос.

– А что с моим мужем, Иваном Яковлевичем? – спросила Анна.

– Ваш муж жив и здоров, приходил к вам, когда вы спали.

Анна облегченно вздохнула. По щекам скатывались на шею слезинки. Она беззвучно плакала.

– Завтра ваш муж обязательно придет к вам, – стремясь утешить Анну, говорила сестра.

– Он звонит нам каждый вечер, справляется о вашем здоровье.

На следующий день, после обхода врача, Иван Яковлевич пришел в больницу. Он был встревожен. Следователь, который сегодня утром в третий раз его допрашивал, сказал:

– Материалы следствия доказывают, что вы нанесли тяжкие телесные повреждения двум рабочим соседнего виноградарского совхоза, в результате чего они в тот же день, не приходя в сознание, скончались.

– Один из них, – добавил он, – имел троих детей, другой – двоих. Пятеро сирот – понимаете? – многозначительно и угрожающе закончил следователь.

– Пятеро сирот, пятеро сирот, – эта мысль колотилась в голове Ивана, как бешеная, подчиняя себе все другие. Даже тяжелую болезнь Анны – паралич всей правой стороны – он воспринял как-то необычно, с несвойственной ему отрешенностью. Прежде чем пойти в палату, где лежала Анна, он терпеливо дождался лечащего врача – Киру Николаевну. Он увидел ее в конце коридора и пошел навстречу.

– Скажите, ну как Анна Федоровна?

– Наконец пришла в сознание, но правая сторона парализована. Инсульт – кровоизлияние в сосудах мозга. Придется делать пункцию в позвоночнике, брать жидкость на исследование из спинного мозга! Избежать этого нельзя. Будем надеяться на лучшее. Я вам сказала все как есть. Надеюсь на ваше мужское самообладание.

– Инсульт?! – отрешенно произнес Иван Яковлевич. – Кровоизлияние в мозг?!

Кира Николаевна видела перед собой остановившееся, заступоренное лицо, глаза Ивана Яковлевича, смотревшие на нее, но не видящие ее.

– Пятеро сирот, пятеро сирот, – колотилась бешено мысль в голове Ивана. Он подошел к палате, остановился. Сжал до посинения пальцы в кулаки. «Как скрыть от нее волнение, как выглядеть спокойным, как хоть на некоторое время отогнать, прогнать прочь навязчивые мысли о случившемся?» Его волнения могли передаваться Анне, быть для нее в ее состоянии роковыми. Он понимал это и, собравшись, толкнул дверь. Анна лежала с закрытыми глазами. Он сделал

два шага к кровати и увидел, как она встrepенулась, открыла глаза:

– Ваня, Ванюша, ты живой?! – слезы покaтились, лицо исказила гримаса боли, отчаяния.

Он не слушал ее слов и, подбежав к ней, схватил за руки и поцеловал глазницы, полные солонovатой жидкости.

– Успокойся, успокойся, Аннушка. Я жив, здоров, – как только возможно бодрым голосом ответил он.

– Что будет с тобой, ты сбил человека!?

Она содрогнулась всем телом, силясь что-то сказать, беззвучно задвигала губами. Иван выбежал из палаты, разыскал дежурную сестру. Когда они вошли, Анна лежала с закрытыми глазами, грудь ее судорожно колотилась. Она теряла сознание...

В последние трое суток она находилась в полубес-сознательном состоянии. Она силилась проснуться, пыталась снять с себя пелену тяжелого, обволакивающего сна. Ей снились сны, точнее это были сны – воспоминания прошлого.

...Мария, сестра Анны, обняла ее, поцеловала трое-кратно, всхлипывая, сказала:

– Анна, береги себя, не надрывайся, тачки тяжелые не вози и пиши мне.

Паровоз визгливо и протяжно завыл, все бросились к вагонам. Мария бежала за сестрой, помогла ей взобраться на ступеньки, сунула на ходу узелок с харчем. Все-таки дорога от Кунгура до Свердловска часа четыре, а то и вовсе все шесть. Да и в городе сразу без еды нельзя. Анна высунула из окна голову, замахала

рукой, пыталась улыбнуться, но вместо улыбки лицо передернула гримаса, глаза наполнились слезами.

В заводоуправлении Анна долго ходила по коридорам, стесняясь спросить у спящих туда-сюда людей, где отдел кадров. Наконец, она увидела на стене табличку «Отдел кадров». Робко постучала в дверь и, не дожидаясь приглашения, вошла в комнату. В комнате за столами сидели мужчина и две женщины. Мужчина поднял глаза и приветливо спросил:

– К нам, на «Уралмаш» работать приехали?!

– Работать, – вымолвила Анна.

– Ну, садись, расскажи мне, что можешь делать, – ободряюще сказал мужчина. Потом добавил:

– А ты не робей, – он показал на деревянный табурет. – Садись, садись и рассказывай.

– Семь классов кончила, самая большая в семье – 8 братьев и сестер, мал мала меньше. Трудно маме: она одна нас воспитывала. А здесь, в городе, у меня старшая сестра, она и посоветовала сюда приехать. «Уралмаш» вся страна строит, и я хочу вместе со всеми, – и Анна умолкла, считая, что и так лишнего наговорила.

– Правильно решила, у нас здесь работы хоть отбавляй, первая очередь завода во всю работает, но одновременно идет строительство новых цехов, экскаваторы выпускать будем, оборудование для металлургических заводов. Учиться у нас сможешь – на рабфак пойдешь, общежитие получишь, правда, не сразу. Трудно пока. Но в поселке завода сейчас строим два больших общежития. Работать будешь на

строительстве литейного цеха, котлован под его фундамент сейчас роет. Согласна?

Через день Анна была зачислена в молодежную бригаду Татьяны Завалихиной. Не только бригадир – вся бригада была женской. К концу рабочего дня у Анны руки уже не слушались: она катила тачку, наполненную глиной, по дощатым мосткам, а колесо-то в одну, то в другую сторону, рукоятки тачки выскальзывали из рук. Вот-вот-и тачка с грунтом полетит с мостков.

Осенью Анна поступила на рабфак, через год, когда котлован был вырыт, стала учеником токаря, вступила в комсомол...

На седьмые сутки, не приходя в сознание, Анна скончалась.

Глава третья

Иван совершил роковую, непоправимую ошибку. Не сказав следователю, он решил поехать в Харьков, где, как он узнал, ведется повторная экспертиза обстоятельств его наезда. Иван считал первое заключение необъективным и требовал экспертизы. В Харькове он два дня добивался встречи с экспертом. Коханенко, эксперт по автодорожным происшествиям, уклонялся от встреч с Иваном. В его обязанности не входило давать разъяснения по материалам экспертизы следственным: это дело следователя, который обязан ознакомить с результатами экспертизы. Но ему стало

жаль этого раздавленного обстоятельствами, беспомощного человека, и он встретился с Иваном.

– Скажите, я не виновен, – твердил Иван. – Я старый автомобилист, я на автомобиле прошел всю войну с первого дня до последнего победного, в Берлине.

– Виновны вы или не виновны, я сказать не могу. Это скажет суд. Я же изучил представленные протоколы осмотра места происшествия, схемы замеров тормозного пути, другие материалы. И сделал один вывод, что вы на своей машине сбили двух человек.

– Как двух? – Иван вскочил, лицо его было бледным, руки тряслись. – Я обнаружил только одного, другого сбила другая машина, другого сбила другая машина... – повторял Иван Яковлевич.

Он сразу сник, обмяк, плечи опустились, голова втянулась в плечи. Последние его надежды рухнули. Эксперт участливо смотрел на него:

– Мое утверждение, что именно ваша машина сбила двоих, еще не означает, что вы были виновны в этом. Может быть, в ходе следствия будет установлено, что они погибли в результате собственной халатности.

Но Иван Яковлевич уже не слушал этих обнадеживающих слов. Он поднялся со стула и вышел из комнаты. Он так рассчитывал на эту экспертизу. А теперь он почувствовал, что дверь западни захлопнулась и выхода нет.

– Что делать? – думал он, двигаясь по людной улице, наталкивался на прохожих, которых он не видел, не видел толпу, которая обтекала его. Он шел, как во сне.

Дома, в почтовом ящике Иван среди газет обнаружил две повестки о срочной явке к следователю Сергиенко. Сердце екнуло, сжалось в предчувствии недоброго. За три дня, пока он ездил в Харьков, пришло две повестки. «Торопится, видимо, следователь, не иначе, – раздумывал Иван. – Завтра пойду к нему, и все станет ясно.

Утром, на следующий день, он еще был в постели, когда в дверь позвонили». «Кто бы это мог быть?» – подумал Иван Яковлевич, неохотно откинув одеяло, направился к двери.

Он повернул ключ в замке и приоткрыл дверь, предполагая, что пришла верхняя соседка Ирина Евгеньевна, что бы рассказать о состоянии здоровья Анны. Ирина Евгеньевна, добрейшая душа, сама каждый день ходила к Анне и своих соседок-подруг организовала. Кто бульон свежий принесет, покормит Анну, кто компот приготовит.

Не было дня, чтобы Анну не навестили подруги Ирины Евгеньевны. Ее нужно было кормить с ложки: сама она была не в состоянии.

Однако за дверью стоял коренастый, розовощекий старшина милиции в полной форме, с кобурой на поясе. Иван обмер, хотел было захлопнуть дверь. Старшина прервал его замешательство:

– Вы гражданин Коровин? – и, не дожидаясь ответа, продолжал: – Одевайтесь, я пришел за вами.

Иван попятился внутрь коридора, опустил в старое кресло и стиснул голову ладонями рук, плечи его дрожали, откуда-то из самой глубины его существа

вырывалось рыдание. «За мной пришел милиционер... Я преступник... Что со мной будет... Меня ждет тюрьма».

– Товарищ Коровин, гражданин Коровин, – поправился старшина, – одевайтесь, возьмите с собой мыло, безопасную бритву, пару белья. Я должен доставить вас в следственный изолятор. Следователь Сергиенко имеет разрешение прокурора на ваш арест. Так что не теряйте время, мы трое суток вас разыскиваем, думали, что отправился в бега. Вот Сергиенко и решил, чтобы не искать вас больше, посадить в камеру. Камера для вас удобнее. Сами виноваты: где-то три дня пропадали, от следствия уклонялись.

Иван встал, открыл шкаф для одежды, безразлично оглядел висящие в нем вещи. Два штатских костюма, китель с погонами подполковника, на нем пять рядов наградных орденских планок и Гвардейский знак, который он получил в трудном 1942 году, командуя мотострелковой ротой. Снял с плечиков старый, поношенный китель без погон. В солдатский вещмешок, с которым вернулся с фронта, бросил пару нижнего белья, рубашку-ковбойку, мыло, зубную щетку. Завязал мешок, огляделся по сторонам. Сердце защемило: «А как же Анна?». Только тут он осознал, что его разлучают с ней неизвестно насколько. «Но что ей сказать? Как объяснить его отсутствие? Сказать правду, что он арестован: в ее тяжелом состоянии это могло привести к самому страшному – смерти. Что придумать?» Теперь он уже не думал о себе. Он посмотрел на старшину:

– Сделайте мне одолжение, разрешите подняться на третий этаж сказать соседке, где меня искать, передать ей ключи от квартиры. Жена у меня в тяжелом состоянии в больнице, нельзя ей говорить, что я арестован. Это будет для нее концом.

Старшина был службистом, не отступал от инструкций, не хотел разрешать Ивану сходить к соседке, но слова о болезни жены тронули его, смягчили его строгость и официальность. «Идите, Коровин, но только побыстрей, у меня работы хоть отбавляй». Иван Яковлевич как только мог быстро, поднялся на третий этаж и торопливо нажал на кнопку звонка. Дверь быстро открылась, на пороге стояла Ирина Евгеньевна, как всегда она, была подтянута, причесана, серо-голубые глаза, еле заметно подчеркнутые корректным слоем тонирующего крема, участливо смотрели на Ивана.

– Что-нибудь случилось? – внешне спокойно, с умело скрытым волнением спросила она.

– Да, случилось, внизу меня ждет милиционер, меня везут в тюрьму, я арестован. Но что будет с Аннушкой, когда она узнает! Придумайте, пожалуйста, что-нибудь, как ее спасти! Она не переживет моего ареста. Ирина Евгеньевна, прошу вас, возьмите вот эти деньги, – и он протянул пачку сторублевок. – Она нуждается в хорошем питании. У нас нет в городе близких людей. Помогите, пожалуйста.

– Иван Яковлевич, не буду лгать, положение действительно сложное. Но обещаю вам, что я и мои подруги, мой Сергей Александрович, мы каждый день

будем навещать Анну Федоровну. О вас тоже будем помнить. Пока я придумала одно – будем говорить Анне Федоровне, что вы срочно улетели в Москву, для встречи с адвокатом. Пусть эта святая ложь поможет ей встать на ноги.

У подъезда Ивана Яковлевича поджидал милицейский «газик». Старшина открыл дверь, потом пригласил Ивана в машину, сел рядом и бросил шоферу:

– Давай на Морскую, в следственную.

Через пятнадцать минут «газик» уткнулся в железные ворота тюрьмы, шофер трижды просигналил. Прошло несколько секунд, ворота медленно поползли в стороны, машина двинулась в образовавшийся проем, и когда Иван оглянулся, ворота медленно, со скрежетом закрывались. «Вот она, западня, только уже реальная, а не словесная. Мог ли я когда-нибудь подумать, что попаду в тюрьму. Не даром в пословице говорится: «От сумы да от тюрьмы не отказывайся никогда».

Старшина приказал Ивану следовать за ним. Они вошли в большую комнату, разделенную барьером на две половины. По ту сторону барьера была дверь, через которую был виден длинный коридор с камерами по обе стороны.

Старшина передал старшему лейтенанту какие-то документы. Тот внимательно их прочитал, изучающе посмотрел на Ивана, задал ему несколько вопросов, что-то записал. Затем проверил содержимое вещмешка. Снова что-то записал.

– Сержант, отведите новенького в 315-ю камеру.

Если бы не люди в погонах, не решетки на окнах, не длинный коридор с камерами по обе стороны, то все, что сейчас происходило, чем-то напоминало, как ни странно, приемное отделение в больнице, когда там оформляют поступившего больного. Сержант звякнул связкой ключей и приказал Ивану следовать за ним.

Они вошли в коридор, над железными дверями камер горели лампочки, а в середине каждой из них было маленькое окошечко с задвижкой. Сержант остановился у камеры в конце коридора на левой стороне, со скрипом сунул ключ в скважину замка, с шумом повернул его два раза и открыл дверь. Сидевшие в камере нехотя поднялись.

– Граждане, принимайте третьего, на воле могли бы сообразить «на троих». Теперь подождать придется, что суд скажет.

Дверь за спиной у Ивана с шумом закрылась, замок дважды прорычал: «Трах-трах». Какое-то время все трое разглядывали друг друга. Один из сидящих в камере был сутуловатый, с бледно-желтоватым цветом лица мужчина лет пятидесяти, руки его висели как плети и были несуразно длинными. Глядя на него сразу же появлялось чувство, что он здесь по недоразумению, по неясной случайности. Другой – прямая противоположность. Молодой, широкогрудый, тонкий в талии, длинноволосый, весь его вид был нагло-нахальный. Нельзя было сказать, что лицо у него было тупым, нет, оно было самонадеянным, динамичным.

– Ну что, старичок, попался, небось взятки брал крупные или денежки государственные присвоил, детям, внукам на молочко или дачу захотел построить, авто купить? Так что ли? – с такими словами он обратился к Ивану.

– Вот стоит недотепа старая, кивнул он с сторону пожилого, – он сам жил на свою зарплату главбуха, самая большая радость у него в субботу четвертинку выпить, а вот его к ответу тянут, почему в своем СМУ контроль государственный не осуществлял, с приписками не боролся. Начальники его премии незаконно получали, стройматериалы «садоводам» продавали. А вот старикашка наш здесь сидит и отдувается за всех, смехота! Вот я, например, коммерсант, заключаю внешнеторговые сделки от собственного имени, на частном уровне, есть тут, конечно, нарушения государственной монополии. Ну, а если она, эта монополия, – наглогато-цинично подмигнул он, – не обеспечивает нашу молодежь фирменными джинсами, то как ей не прийти на помощь. Кассеты тоже в цене. Лещенко, Пугачева – все это можно купить в магазине. А вот слышал, старичок, Высоцкий, Челентано, есть певец такой итальянский, их в магазине не купишь, а у меня, пожалуйста, и джинсы, и Высоцкий, и Челентано, и еще кое-что, чем мужчины особенно интересуются активно. Что, собственно, я делаю плохого. Я в поте лица работаю в сфере удовлетворения все возрастающих... Не просто, ой, как все это не просто, но делаю ради людей. В Ялту приходится ездить, в Одессу. Расходы! Доходы тоже

есть, конечно, в среднем пятнадцать-двадцать сотен в месяц имею. Я тут не долго просижу, дело мое у следователя разваливается. Свидетели, покупатели мои, показаний давать не хотят. Берегут меня: джинсы износят, а кто другие предложит? Нужен я им. Поняли, старикашки? Давайте, новичок, познакомимся – Эдик, псевдоним – Коммерсант.

Иван машинально подал руку и тут же отдернул ее брезгливо. В камере компанию выбирать не придется: кто есть, с тем и сосуществуй. Тюремное крепление состоялось.

Иван всю ночь переворачивался с боку на бок. Постель была непривычно жесткой. Но сна не было не по этой причине. Причина была в другом. За себя, если он и переживал, то все-таки не так, как за Анну. «Если она узнает, что я в тюрьме, она не вынесет, к двум смертям прибавится третья. И во всех трех буду виноват я. Что делать, что делать?» – сверлила его одна и та же мысль. Здесь, в четырех стенах камеры, он был беспомощен. Где-то там, в городской больнице, тоже в четырех стенах лежала парализованная жена. Она приходила в себя и ждала Ивана. Но его не было.

Иван встал с нар, прошелся по камере: четыре шага вперед, четыре назад. Коммерсант безмятежно похрапывал, широко раскинув руки.

Ивану поскорее хотелось встретиться со следователем и выяснить, почему его до суда лишили свободы и упрятали в тюрьму. До девяти часов было еще целых три часа. Четыре шага вперед, четыре назад. Сколько можно кружить по камере? Час-два? Три не-

возможно. Иван снова забрался на нары, закрыл глаза. Заснуть он не мог. Первая ночь в камере была бессонной. После 8 утра усталость и сон взяли свое. Иван впал в забытие. И в это время что-то лязгнуло в замке, дверь загрохотала и отворилась. В камеру вошел молодцеватый старший сержант:

– Коровин, к следователю на допрос, и побыстрее.

Кабинет, куда старший сержант привел Ивана, был просторный: метров 12 квадратных, в одном углу, противоположном от входа, стоял маленький однотумбовый стол, а ближе к двери – табурет. Вот и все убранство этой комнаты. Ну, естественно, решетки на окнах. Следователь Сергиенко уже сидел за столом и что-то быстро писал, не обращая внимания на вошедших. Старший сержант переминался с ноги на ногу, затем покашлял и отрапортовал:

– Подследственный гражданин Коровин доставлен, старший сержант Оноприенко.

Сергиенко на какой-то момент поднял голову, безразлично посмотрел на вошедших и бросил:

– Коровин, садитесь, пожалуйста, – холодноофициально сказал он.

– А вы пока свободны, – посмотрел он на сержанта.

Иван опустился на табуретку, попытался подтянуть ее под себя поудобнее, но она почему-то не слушалась и не двигалась. Он посмотрел вниз и увидел, что она привинчена к полу. Иван стал разглядывать своего следователя. В его облике было что-то лисье. Узкое бледное лицо, хитроватые, безразлично-холодоватые глаза. Он дописал что-то на бумаге и, отло-

жив в сторону ручку и листы бумаги, поднял голову, распрямился и сказал:

– Ну что же вы, Иван Яковлевич, нас волнуете, из города уезжали на неделю без разрешения. Это непорядок – вы находитесь под следствием и обязаны находиться только дома. Вот теперь мы за вами бегать больше не будем. Прокурор подписал ордер на ваш арест и до суда будете находиться здесь, в следственной тюрьме. И мешать следствию не будете, – с нескрываемой угрозой в голосе продолжал он, – а то вы и в Харьков ездите, с экспертом встречаетесь, то в Москву к родственникам – за советами и помощью. Вот и кончились ваши путешествия – удовлетворенно и несколько ехидно сказал следователь.

Ивану все стало ясно. Формальный повод – нарушение подписки о невыезде. А по существу – стремление поставить на место, одернуть, заставить отказаться от защиты, поскорее закончить дело. Иван понимал, что следователя интересует только одно – соединить в неразрывное целое факт гибели двух колхозников, пятерых осиротевших ребят с действиями Ивана, доказать, что именно он виновен в их смерти и никто другой.

– Ну, а теперь перейдем к делу. – следователь сделал глубокомысленную паузу. – С какой скоростью вы вели автомобиль?»

– Движение по шоссе в это время интенсивное, люди возвращаются по домам, после отдыха. Навстречу шли непрерывным потоком автомашины. Некоторые водители включили дальний свет, слепили

глаза. По-этому я шел со скоростью 60-70 км/ч. В молодости был гонщиком, а теперь стал пенсионером, по-пенсионерски и машину вожу.

– Что-то непохоже, что скорость была такой, – недоверчиво прервал следователь. – Что же вы тогда не тормозили? Сбили сначала одного и, не сбавив хода, сбили другого. Вот как получается, а вы говорите ехали по-пенсионерски. Совершили наезд, пятерых сиротами оставили. Правду надо говорить, правду, – назидательно с укором сказал следователь. – Отвечать надо. Никто не позволит нам допустить безнаказанность, нарушить соцзаконность. – Как бы оправдываясь, следователь добавил:

– Попробуй я в такой ситуации прекратить дело за отсутствием состава преступления. Затаскают, объяснения сам устанешь писать и начальство утомишь ими, – произнес следователь что-то вроде лирического отступления, правда, по тону больше похожее на драматическое. Как бы спохватившись, следователь продолжал:

– На отдыхе не употребляли?

– Не пью я, инфаркт перенес два года назад. Да и пил когда, за руль после рюмки не садился. Я профессионал, хоть и с любительскими правами. С 31 года на машине. Слышали про наши первые АМО, я на них на строительстве «Уралмаша» работал, – теперь Иван снисходительно посмотрел на следователя. – Потом на Эмку пересел, не к легкой жизни стремился, не по своей воле, а по просьбе директора завода. Как ему откажешь! А он прочитал в многотиражке:

Иван Коровин – лучший водитель строительства. Нормы выполняет на 150 %, занимается автомобильным спортом, значкист – «Ворошиловский стрелок», за прыжки с парашютом получил значок Осавиахима. Пригласил к себе, не приказал – попросил. С ним на машине с утра до вечера, по объектам, по заводу, территория его – это целый город. В кабинете тогда не модно было сидеть. В 1940-м был призван в армию. Как сел тогда за баранку, так как будто и не выпускал ее из рук до самой победы. Пять лет...

Следователь во время рассказа ерзал на стуле, хотел прервать его, сказать, что все это не имеет отношения к делу. Но что-то каждый раз останавливало его. Он не мог понять, почему его оставила в эти минуты привычная решительность в разговоре с подследственным. Видимо, эта привычная решительность оставила его потому, что он не видел войны, знал о ней по рассказам и книжкам, которых и прочел одну-две не более. Его останавливало не искреннее чувство уважения к этому человеку, прошедшему войну, выжившему в ней, а скорее формальная, заученная, привитая необходимость уважительного отношения к фронтовикам. Не более.

– Увлёкся я своими воспоминаниями. Вы призываете говорить правду, и я говорю ее. – Я почувствовал в тот вечер только один удар, когда на радиатор упал человек, и я резко затормозил. Второго удара не было, значит, и не было второй жертвы.

– Но откуда же появился второй? Кто его подбросил в кювет? Нечистая сила? – победоносно вопрошал следователь.

– Но второго могла сбить другая машина, идущая впереди – возразил Иван.

– Это ваше предположение, а факт – два трупa на шоссе. Вот и все. Другая машина, другой водитель нам неизвестны, известны только вы. Да и эксперт подтверждает, что оба были сбиты вашей машиной.

Иван вдруг понял в чем дело. Погибли действительно двое. И обнаружили вторую жертву после того как осматривали место происшествия. Второй лежал в метрах 4-5 от первого.

Если даже одного действительно сбила и исчезла другая машина, то в этой ситуации это не желательно для милиции и прокуратуры. Есть потерпевшие, есть дело, а виноватого нет. Где он ищи-свищи. Дело не раскрыто, жалобы родственников, приказы начальства, а тут ситуация удобная для следователя – есть водитель, который не отрицает, что сбил одного пешехода, а почему не двух, тем более они из одной деревни, как показывают свидетели, их видели вместе.

– Мне известно, что оба потерпевшие были пьяные. Это действительно так? – спросил Иван у следователя.

– Они были в шоковом состоянии, реакцию Раппопорта не сделаешь. Но патологоанатом и судебный эксперт не исключают, что они были в опьянении, – уклончиво ответил следователь.

Иван отчетливо вспомнил, как ударил ему в нос запах винного перегара, когда он наклонился к лежащему на обочине пешеходу.

– Иван Яковлевич, – с нотками наигранного со-

чувствия Сергиенко обратился к Ивану. – Я должен, обязан предъявить вам обвинение в наезде на граждан Ящука и Слипченко, в результате которого оба скончались в больнице, не приходя в сознание, то есть в неосторожном убийстве.

– Убийстве? – Иван вздрогнул, как будто через него пропустили электрический ток. – Я никого не убивал... я не виновен. Они были пьяные... Один из них сам выскочил с обочины на радиатор, внезапно для меня. В чем же я виноват? Это случилось не на переходе, не на обочине, а на проезжей части. Не я, а он, погибший, виноват в своей смерти.

– Гражданин Коровин, – Сергиенко сознательно подчеркивал слово «гражданин», как будто он имел дело с уже осужденным человеком, – вам предъявляется обвинение, а окончательное решение примет суд. «Вы о себе думаете, вам не хочется быть обвиняемым, а вы подумали о том, что погибли два советских труженика, у них осталось пятеро малолетних детей: у одного – двое, у другого – трое. Кто им вернет родителей, кто воспитает их, об этом подумали?» – зловеще и назидательно сказал Сергиенко.

Иван вдруг понял, почувствовал, что вести неравноправный диалог не имеет смысла, обстоятельства были против него, опровергнуть их было трудно или невозможно.

Причины происшедшей трагедии, поведение пострадавших, отношение обвиняемого к происшедшему – все это заслонялось объективными обстоятельствам – смертью на шоссе двух человек.

Словно во сне Иван услышал, как по звонку следователя явился старшина Оноприенко. Он произнес:

– Коровин, прошу встать и следовать в камеру, допрос окончен. Иван встал и двинулся к двери.

– С добрым утром, старичок. Уверен, что тебя вызывали для того, чтобы извиниться по поводу незаконного задержания и отпустить в родные пенаты. Не так ли? – Коммерсант нахально-иронически улыбнулся, высунув голову со второго яруса нар.

– Такое было приятное знакомство и вдруг расставание. Грустно, очень грустно, – продолжал Коммерсант. – Останемся мы вдвоем в камере вот с этим скучным бухгалтером-неудачником-покровителем руководителей, любящих сладкую жизнь. Правда, я тоже его скоро покину. Ибо меня ждут мои клиенты, что они делают без меня, подумать страшно. Бедные овечки, кто им принесет в клювике джинсовый костюм, модную пластиночку. Пусть пострадают и поймут, что такое «сервис», «индивидуальное удовлетворение запросов трудящихся».

Ивану было противно слушать эту циничную болтовню, но он сдерживал себя. «Подумать только настоящий преступник, спекулянт, циник до мозга костей с уверенностью говорит о том, что скоро уйдет отсюда, как вольная птичка. А вот он, Иван, не чувствуя за собой никакой вины, обвиняется в убийстве. И на следующей неделе предстанет перед судом и, наверняка, судя по настроению следователя, получит срок. Коммерсант, нагло рассказывая о своих аферах, уверен, что будет на свободе: обстоятельства

на его стороне – «клиентура» все отрицает и выгораживает его. Преступник будет на свободе продолжать свои махинации, заниматься «фарцовкой», а он, без вины виноватый, отправится в лагерь. Почему так происходит», – думал Иван, забиваясь в дальний угол нар.

– Старичок, ты послушай, послушай меня, дело говорю тебе, совет дать хочу. Двух человек угробил на своем лимузине, слышал я. Это для владельца личного автомобиля убийством называется. Кто ножичком пырнет – на тот свет отправит, а ты машиной своей стукнул, и двое – в мир иной. Неосторожное убийство – минимум лет шесть получишь, как раз дотянешь, чтобы за государственный счет похоронили с лагерными почестями. Хочешь на воле остаться, слушай меня.

– Потерпевший пьяный был, его качнуло, и он с обочины-то сразу и на капот. Так было дело!? Ты его в темноте не видел и видеть не мог, – продолжал Коммерсант. – Второго, тверди, не сбивал и знать ничего не знаешь. Стой на этом, тверди одно и то же. Вот это я уже тебе, старичок, серьезно, без юмора говорю. Понял? Что молчишь-то, советами гнушаешься? В лагере вспомнишь, да поздно будет. – Иван вобрал голову в плечи и молчал, стиснув зубы, не желая вступать в разговоры с этим проходимцем.

– Не горюй, – не успокаивался Коммерсант, скоро амнистия будет. 30 лет победы! У нас последнее время, что ни годовщина, то амнистия нашему брату. Лафа! Потеха! Встать, суд идет! Именем Российской

Советской Федеративной Социалистической Республики Сидоров, Петров, Иванов приговариваются к исправительно-трудовым лагерям сроком на пять лет. Через 2-3 года – идут по родному городу, как ни в чем не бывало, а знакомые шарахаются, узнавать не хотят, смотрят, как на пришельцев с того света, в страх неопикуемый приходят. Пять лет дали, все слышали, а вот 2 года прошло – и они уже на свободе гуляют. Гуляют и думают, чтобы еще такое сотворить поинтереснее, чтобы годиков на шесть упрятали, а через три годочка опять бы заявили на удивление всему народу. Интрига, ситуация! У тебя верняк, ты, старичок, фронтовик, а у нас к вам всеобщее уважение и почет. Ну, посидишь, конечно, месяца три-четыре, а в апреле, перед Днем победы – домой. Вот увидишь, так и будет, вспомнишь потом умные речи сокамерника по прозвищу Коммерсант.

Глава четвертая

Гроб с телом Анны стоял во дворе. В доме жили в основном военные, прошедшие войну. Когда умирали мужчины – с ними прощались по месту службы, в воинских частях. Другое дело неработающие жены: с ними приходили прощаться во двор. Там устанавливали стол, а на него гроб. В этом неизвестно кем заведенном обычае было что-то непривычное, но и трогательное одновременно. Люди жили десятки лет в одном доме, каждый день встречались на скамеечках около подъ-

езда, обсуждали новости, иногда ссорились, но всегда чувствовали себя связанными не кирпичной коробкой дома, а чем-то другим – может быть, во многом похожей судьбой. И все радостное – свадьбы, юбилеи, и грустное – смерти, болезни – были событиями не только одной семьи, но всего дома. Так и похороны волновали весь дом. Даже те, кто и в дружбе с умершим не состоял, подходили к гробу, горестно задумывались, наклонялись к голове покойного. Все это продолжалось два-три часа.

Ярко, по-южному неистово светило солнце. Сегодня оно казалось неуместным, настырным, бестактным. Оно было так же неуместным, как неуместны улыбки, веселый говор на панихиде. Но, может, в этот час оно выполняло другую функцию – оно как бы говорило: жизнь идет, живущие, радуйтесь ей, берегите ее, цените каждую ее минуту, пока живы.

Поминки готовили всем миром, всем подъездом. Приносили кто что мог. Стол получился щедрый, каждый старался принести что-нибудь повкуснее. Ну а о спиртном позаботились племянники. Три племянника Анны прилетели, узнав о ее смерти. Правда, какой толк от них в чужом городе на похоронах. Когда и местный-то житель с трудом решает вопросы, связанные с похоронами. Помог с ними справиться Сергей Иванович, сосед по подъезду, директор городского кладбища. На поминках он сидел на почетном месте, во главе стола. Не глядя в глаза, поднимал свой стакан с портвейном и хрипло приговаривал:

– Не чокаться, не чокаться.

Я присмотрелся к нему. Опустившийся человек, которого потрепала жизнь, сломала его. Не выдержал. Крупная красивая седая голова. Невысказанная, утихшая, но когда-то клокотавшая обида. Ушел в себя, замкнулся, на поверхности – только тихая грусть. Я сидел рядом и, когда застолье несколько отвлекалось от поминальной темы, заговорил с ним. Он насторожился, а затем постепенно разговорился. Смерть очищает человека, располагает к исповеди.

– Анна была хорошим человеком. Ради нее пришел. Многие осуждают меня. Стал кладбищенским начальником, командиром похоронной команды. Что мне их осуждения! Если бы кто-нибудь знал, как я сам себя травлю ... Никто не знает.

Сергей Иванович залпом выпил стакан портвейна. Кадык яростно дергался, как у человека, припавшего в жаркий день к ключевой воде.

– Сегодня утром, – продолжал, – собрал свою похоронную команду, попросил их выбрать место по светлее для могилы Анны. Они сделали все, как я просил их. Вы видели? – обратился он ко мне.

– Да, ребята ваши сделали все, как надо. Спасибо и вам, и им.

– Вы знаете, они все, мои ребята, неудачники. Они прожили сложную жизнь. Кое у кого душа кровоточит. Но я замечаю, что они как бы очищаются, укладывая людей в могилу, как бы расплачиваются за свои прошлые грехи. Они у них есть, я знаю. И поверьте, они не делают свою работу механически, тупо. Они чувствуют всегда, что за человека хоронят.

Поминки в это время шли своим порядком. Кое-где уже раздавался смех, чувствовалось оживление, неумолимые законы застолья отодвигали на второй план тему сбора.

Валентина, жена моего собеседника, раскрасневшаяся и взбудораженная от выпитого, тараторила:

– Небось, Иван Яковлевич-то не будет долго ходить во вдовцах, присмотрит себе кого-нибудь, если еще при жизни Анны не присмотрел. Любитель он баб, большой любитель, – загадочно твердила она. Соседка по площадке Серафима Ивановна, всхлипывая, сказала:

– О чем ты, Валентина, ему еще свой срок отсидеть нужно, а ты ему уже и бабу присмотрела. Нехорошо как-то, только с погоста вернулись. Он вот даже и не знает, что вдовцом сделался. Как сообщить, написать ему, об этом надо бы подумать. Может быть, одному из племянников поехать в лагерь, где он сидит, и рассказать все, как есть, – обратилась она к племянникам. Компании эта идея понравилась.

Глава пятая

Коммерсант, сокамерник Ивана по следственной тюрьме, оказался прав: в мае был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР об очередной амнистии в связи с 30 годовщиной разгрома фашистской Германии, по которому освобождались из мест лишения свободы участники Великой Отечест-

венной войны, не совершившие особо тяжкие преступления.

В конце мая Ивана назначили дневальным по барaku. Газет он в то время не читал, радио старался не слушать, в зоне была привычная для этого времени тишина: заключенные были на работе. Иван расхаживал между рядами двухярусных нар, периодически выходил на крыльцо, чтобы глотнуть воздуха, погреться на ласковом весеннем солнце. Тут он увидел, как к его барaku направляется надзиратель Сергеев.

– Ну что стоишь, как столб, не радуешься, свободу тебе дали! Или отвык от свободы-то, прижился, притерпелся к компании «зеков»? Быстро, «аллюр три креста» к начальнику колонии, он вызывает тебя. – Иван слышал, что сказал надзиратель, но до сознания его информация-команда не доходила. Он переминался с ноги на ногу, пытался улыбнуться, но улыбка не получалась.

– Правду говоришь, гражданин надзиратель, или пошутить со мной решил, да я в этой жизни разных шуток навидался досыта, хватит с меня, – с явным недовольством реагировал Иван на слова надзирателя.

– Осина ты стоеросовая, радость тебе принес, а ты еще и недоволен. Начальник собирался поехать по объектам, так что поменьше раздумывай, а беги как молодой.

Теперь Иван подумал, что с ним не шутят, и быстрым шагом направился к зданию администрации колонии. Робко постучал в дверь начальника и, услышав:

– Войдите! – шагнул через порог. За столом сидел седоватый с обвисшим лицом подполковник.

– Гражданин начальник, заключенный Коровин по вашему вызову прибыл – отпрапоровал Иван, стремясь сделать это как кадровый военный.

Подполковник встал из-за стола, не приглашая сесть Ивана, и торжественно зачитал ему судебное решение об освобождении заключенного Коровина из колонии в соответствии с Указом об амнистии. Затем подполковник протянул ему белый лист бумаги:

– Вот Вам справка об освобождении от наказания и полной реабилитации, собирайте вещи и – домой. – «Полная реабилитация, полная... Вот будет рада Аннушка». – К горлу подкатил комок, заколотилось сердце, невнятно Иван пробормотал «спасибо» и выскочил из кабинета.

В бараке он быстро, судорожно побросал свои вещички во фронтовой вещмешок, поминутно заглядываясь по сторонам, боясь, что кто-нибудь помешает его сборам. Все еще не веря во все то, что произошло с ним, опрометью кинулся к вахте. Там он дрожащею от волнения рукой предъявил дежурному по вахте только что выданный начальником колонии документ о его освобождении. Тот ни слова не говоря, сверил его с каким-то листом бумаги, лежащим перед ним, внимательно посмотрел на Ивана, взял связку ключей. «Трах-трах» – лязгнул замок. Иван вспомнил такой же лязг ключа в замке, когда за ним закрылась дверь следственной камеры. Теперь же дверь открылась перед ним, по-прежнему не веря в проис-

ходящее он шагнул через порог и очутился на безлюдной улице окраины города. И только тогда, когда услышал за спиной лязг закрываемой двери, он наконец-то понял, что все это не сон. «Я на свободе, я свободный человек!» – колотилось в голове.

Иван быстро добрался до автобусного вокзала, немного потолкался в очереди за билетом и, очутившись в автобусном кресле, обмяк, расслабился, превратился в «выжатый лимон». Это был нервный ступор. Автобус тронулся, зашелестел шинами, запрыгал на выбоинах в асфальте. Вместе с дорожной тряской беспорядочно закружились в голове мысли: «Где Аннушка, цела ли квартира, что будет с ней и со мной? На какие деньги станем жить?»

– Симферопольская улица! – прервал его мысли голос кондукторши. Это была улица его дома. Он быстро пробрался к выходу и оказался перед своим домом. Казалось, здесь ничего не изменилось за время его отсутствия – все те же четыре подъезда, длинные ряды окон восьмиэтажного дома, вот и его три окна. За каждым своя жизнь, судьба...

Иван поднялся на второй этаж, осторожно нажал на кнопку звонка своей квартиры, будто не хотел внезапным звонком разбудить Анну. Никто не откликнулся, за дверью было молчанье. Иван нажал на кнопку в полную силу, молчанье становилось зловещим. «Где Аннушка, что с ней?» – с этими мыслями Иван бросился на третий этаж, где жила Кира Николаевна, подруга Анны.

– Входите, пожалуйста, Иван Яковлевич, рада вас

видеть здоровым – как всегда приветливо, но сейчас с едва уловимой тревогой в глазах и голосе, встретила Ивана Ирина Евгеньевна.

– Проходите в комнату, а я пойду чай приготовлю, он не помешает вам с дороги.

Через несколько минут они сидели друг напротив друга за журнальным столиком. Предчувствие большой беды сковало его, язык не повиновался ему.

– Иван Яковлевич, вы мужественный человек, прошли большую сложную жизнь, вот и сейчас вернулись по существу с того света, поэтому выслушайте меня и, пожалуйста, я умоляю вас стойко, по-мужски. Анна Федоровна скончалась, не выходя из больницы, – тяжелейший инсульт, гипертония в тяжелой форме, старые болячки, да недобрые предчувствия, связанные с вашим арестом, сделали свое роковое дело. Нет с нами больше Аннушки, светлого, умного человека, горячо любящего вас до последнего вздоха.

Голос у Ирины Евгеньевны от волнения осип, стал хриплым, глаза наполнились слезами. Она смолкла. Иван слушал, натянувшийся как струна, кисти его рук посинели, сжимая подлокотники кресла. Голова его упала на грудь, из которой вырвался стон, а затем плечи задрожали от рыданий.

– Мужайтесь, крепитесь, держите себя в руках – заклинала Ирина Евгеньевна, сама огромными усилиями воли сдерживавшая рыдания. Она ушла на кухню выпила мензурку валерьянки, вновь наполнила ее и настойчиво предложила Ивану Яковлевичу. Тот отрешенно машинально выпил ее, плечи его по-

прежнему содрогались от рыданий, по щекам катились слезы.

– Иван Яковлевич, каждую неделю вы получали в колонии письма, как бы от живой Анны, которые в действительности были написаны мной. Если вы помните, в первом письме я объяснила вам, что Анна Федоровна не владеет правой рукой в результате поражения правой части тела инсультом. Для меня это было тяжким душевным испытанием, делом по форме безнравственным, поверьте, я это все отчетливо осознавала. Я, мой муж, подруги Анны считали, что эта святая ложь спасет вашу жизнь, ибо чистая правда в условиях колонии могла стать для вас роковой, в лучшем случае обернуться тяжелой болезнью. Простите нас, Иван Яковлевич, если мы поступили неправильно.

Иван взял в свои руки ладони Ирины Евгеньевны, стал судорожно целовать их, слезы скатывались по ним на салфетку журнального столика.

– Теперь я советую вам спуститься в свою квартиру, там все прибрано, в холодильнике есть все необходимое, вот ваши ключи. Вечером мы с мужем навестим Вас, обсудим ваше положение, поищем наиболее подходящее для вашей ситуации решение. Согласны? – Иван кивнул головой, попрощался с этой благороднейшей, светлой женщиной и спустился в свою квартиру, в которой не был всю мрачную колониистскую вечность.

На следующий день он по-лагерному проснулся в шесть часов утра, принял душ, побрился, надел чис-

тое белье, выходной костюм и пошел на могилу Анны. Он хотел побыть с ней вдвоем. Он быстро отыскал могилу. Она была обнесена полуметровой железной оградой, на небольшой мраморной плите золотились буквы «Коровина Анна Федоровна». Вначале Иван даже не осознавал, кто же мог и на какие деньги обустроить последний приют Анны. Только позже он понял, что это все сделали добрые соседи, как тогда это было принято, «в складчину». На кладбище царило благоговение – тишина, в этот ранний час ни одной души.

Иван открыл калитку, ладонью стер упавшие на надгробье листья, сел на деревянную скамеечку, закрыл ладонями лицо и углубился в раздумье. Слез не было, в душе пустота, в голове зайчиками прыгали воспоминания о прошлом, о жизни Анны, которую без малейших натяжек можно было назвать святой. «Святая Анна...»

За спиной послышались шаги, Иван обернулся: у ограды стоял сосед Сергей Иванович, директор кладбища. Они молча пожали друг другу руки.

– Всем миром обустроили могилу Анны Федоровны, поминки отмечали как полагается, одна осталась, куда денешься, – начал разговор директор. – Редкой души женщина, такие не часто встречаются. Всегда видел ее с книжкой. Не зря читала – одно могу сказать. Людей вокруг себя видела. Другие читают, в квартире все стены шкапами с книгами уставлены, рассказать о прочитанном норовят, даже если их не спрашиваешь. А люди – никудышные. Добро сделают

только тогда, когда оно им ничего не стоит, а еще лучше – за счет других. Ну, а за свой счет добра от них не жди. Жди только пакости. С такими «книжниками» я еще в армии сталкивался. На фронте все было ясно. Честность и преданность там не были понятиями отвлеченными, о которых мы сейчас часами на собраниях постоянно долдоним, а потом поглядишь – у одного своя честность, у другого – своя, а настоящей нет ни у того, ни у другого. От боевых вылетов не отлыниваешь, штурвал в руках крепко держишь – значит, предан, честен. Три года на фронте, три года непрерывных полетов. Ранения, госпиталь – и снова в небо. После войны был назначен начальником штаба авиационного полка, служил здесь, в вашем городе. Все, что получил на фронте, отдавал молодым летчикам.

Командир полка у нас был. Из молодых, только академию окончил. Теоретически подготовлен прекрасно. Но вот жизненной школы ему явно не доставало. Людей ценил не за истинное отношение к делу, а за то, как они ему о деле докладывали. Ему и на инспекторских проверках важнее всего было – во что бы то ни стало получить хорошую оценку по боевой подготовке полка. Мог он здесь пойти и на показуху: где не хватало боевой подготовки, заменял ее дипломатией, хорошим приемом, обходительным отношением к проверяющим.

У меня же подход был другой, без прикрас. Если звено или эскадрилья плохо справлялась с учебными полетами, стрельбами, имелись аварии, я так и

оценивал, требовал с командиров. Знал я только одно: не оценки нам нужны на бумаге, а честные, знающие летчики, у которых в руках штурвал не дрогнет и в военное время. Кончилось тем, что во время первого же сокращения, которые в те годы по указанию Никиты Хрущева проводились в армии, меня демобилизовали. Хотел протестовать, а потом подумал: может, сейчас авиации действительно другие люди нужны, умеющие в рапортах и отчетах хорошо воевать. Подумал и отказался от всякой борьбы за справедливость. Значит, не нужен я такой, какой есть, значит, в чем-то устарел, отстал. Но горечь, обида остались. С авиацией я всегда был «на ты», честен перед ней, как перед богом. Но что-то сломалось у меня внутри, что-то съехало.

В горкоме партии предложили работу начальником вокзала. Напутствовали: «Пассажиры жалуются, что поезда отправляются с опозданием, носильщиков не доищешься, пьянствуют. Вы человек военный, мы надеемся, наведете там порядок». Принялся горячо, требовал, чтобы тщательно подметали подъездные пути, перрон, наказывал подвыпивших носильщиков, казалось бы, все делал как надо, как советовали. Что-то сдвинулось, пошло к лучшему. Но были и такие, которым это «лучшее» было «худшим». Они-то всегда знают, что делать. Посыпались письма с жалобами в горком: «Грубиян, не уважает коллектив, не считается с ним».

Однажды захожу в зал ожидания, у кассы очередь вытянулась – человек пятьдесят, не меньше. Подхо-

жу, окошечко закрыто. Пытаюсь выяснить, где кассир: время-то рабочее. Никто сказать не может. 10-15 минут проходят, появляется красавица с набитой доверху сумкой: продуктами в гастрономе запаслась. Ну, не выдержал я, отчитал ее и на следующий день строгий выговор в приказе объявил. Нашлись у нее заступники, начали меня вызывать, выяснять. Не выдержал, написал заявление об уходе. Может, погорячился, но написал. Ситуация яснее ясного. Пятьдесят человек ждут, чтобы за собственные деньги билеты приобрести и уехать кто куда – в отпуск, к родным, на похороны, а кассир в это время сумки продуктами наполняет. Так оказывается не ясно. Нужно объяснять свои поступки, свой приказ, выкручиваться. И все из-за того, что вздумал по долгу службы вступить за права тех, кто стоял в очереди, – Сергей Иванович умолк.

Кладбище располагает человека к исповеди. Рассказ Сергея Ивановича тронул Ивана своей искренностью:

– Спасибо Вам за хорошие слова об Анне Федоровне, за то, что так много делали для нас с ней. За что так жестоко судьба наказала нас обоих? В чем мы провинились перед ней? С пятнадцати лет она честно работала, была добрым, сердечным человеком, всегда помогала людям, если могла. Я в этой жизни не вилял, не подличал, жил честно, отдавал себя делу без остатка. Войну прошел от звонка до звонка, взводом, авторотой, батальоном командовал, до Берлина дошел. Пять боевых орденов, семь медалей не в штабе, а

в боях, окопах, на военных дорогах заслужил. За баранкой «эмок», «газов», «виллисов», «студобеккеров», «фордов», бронетранспортеров пробирался по разбитым дорогам, точнее, по российскому бездорожью к Победе. Оказалось никому до этого дела нет, государству это не в счет. Как нормальное государство может допустить, чтобы боевой офицер, защитник Родины два с лишним года валялся на нарах с уголовниками? Не понимаю я и не пойму никогда! Закон существует для всех – это ясно. Но у нас закон часто становится произволом в руках бездушных, беспринципных приспособленцев, думающих только о своем покое и угодничестве. Им правда не нужна, им нужен собственный покой.

Иван Яковлевич замолк. У могилы стояли два подполковника русской Советской армии. Оба заслуженные офицеры. Их судьбы были во многом похожие, они были наивными романтиками 30-х годов, они полагали, что их преданность делу, честность, бескомпромиссность – это и есть столбовая дорога их жизни.

А на деле оба они стали жертвами неуважения, формального отношения к их индивидуальным характеристикам, обстоятельствам их жизни. Они стали жертвами не злоумышленников, а равнодушия людей, выбравших компромисс своей жизненной позицией. Такой раз уступил совести, подчинился обстоятельствам, сподличал – так и пошло. В сделках с совестью, в стремлении видеть и не замечать житейские обстоятельства, в стремлении жить целесообразно и удобно

– одни из причин человеческих трагедий, жестокости нашей жизни.

Жизнь Анны Федоровны и Ивана Яковлевича подтверждение этому.

Дезертиры

Весь сентябрь 1943 года учащиеся старших классов работали в колхозе. Убирали картошку, капусту, свеклу. Работали, куда пошлют, где рабочих рук не хватало. А их не хватало повсюду. Мобилизация прошла по деревням и селам не по одному разу. Оставила лишь женщин, стариков, подростков. С конца 1942 года в деревне стали все чаще появляться демобилизованные: тяжелораненые, калеки – кто без ноги или руки, а кто и без ног, контуженные.

Но дома им покоя не давали. Да и сами они не стремились к нему. Бывшие солдаты и старшины стосковались по мирной земле и теперь нетерпеливо, с жадной набрасывались на работу. Кого бригадиром, кого заведующим МТС назначали, а более здоровых и опытных односельчане охотно избирали бригадирами, председателями колхозов. Душа ликовала, радовалась: остался живым! А остаться в живых было совсем непросто, они это знали хорошо. Бабы оживились: «Мужиком в деревне запахло, значит, пойдет дело, не пропадем».

Занятия в Пышминской школе начались 1 октября. Проучились неделю. А в субботу перед последним уроком в 8 «А» класс зашла Клара Георгиевна, класс-

ная руководительница, и попросила всех остаться после уроков. Класс недоумевал: «Что случилось? Может, кто-нибудь что-то натворил?». Клара Георгиевна пришла сразу же после звонка и деловито сказала:

– Ребята, завтра утром поедете в Пожарское, там осталось несколько гектаров неубранной картошки, может под снег уйти. Допустить этого нельзя, знаете: каждая картофелина на учете. Пока не уберете, в школу не возвращайтесь. Такова просьба райкома комсомола. Оденьтесь потеплее. Старшим будет Виктор Попов. Вот все. Вопросов не задавали, привыкли: надо – значит надо. Оставить в поле неубранным хоть один кусок картофеля в те годы считалось недопустимым, безнравственным.

Вечером Попов забежал домой к своему закадычному другу Марату.

– Что надевать на ноги думаешь? Мне мать велит ехать в старых валенках. Как думаешь, не развезет, не поплывем в валенках-то?

– Кто его знает, но в октябре оттепели бывают редко. Давай поедем в валенках, теплее, – предложил я. Так и решили.

Утром, в назначенное время, ребята собрались у школы. Виктор Попов опоздал. Пришел, когда уже все были в сборе.

– Привет командиру. Спать горазд, какие сны-сновидения снились? Сместим с должности, несмотря на приказ Клары, Васильева назначим, смотри у нас, – веселым галдежом встретили собравшиеся появление Попова.

– Салют картофельной команде! – широко раскрыв руки, он вплотную подошел к ним, как бы пытаясь обнять сразу всех своих одноклассников. Оделись, утепились, как могли. Ребята в «ватниках», солдатских бушлатах, в подстеганных ватой брюках. Такая одежда в годы войны была самой ходовой и в тылу, и на фронте. Девочки – в теплых платках, некоторых заботливо мамы закутали для октябрьской поры слишком основательно – в шерстяные шали, перехлестнув их крест-накрест на груди и завязав на спине. Из-под платков и шалей торчали носы, да глаза поблескивали. Среди всех выделялся Олег Ставский. На нем был черный матросский суконный бушлат с пуговицами в два ряда, перетянутый широким ремнем с массивной медной пряжкой. На груди пестрела тельняшка. На голове – щегольская кепка набекрень. Его никогда никто не видел в другой одежде; в своем бушлате и тельняшке он ходил и в дождливую осень, и в морозную зиму. Для него этот бушлат не был просто одеждой, это была память о городе, в котором он родился и провел детство. Олег в 1941 году был эвакуирован с семьей из Ленинграда и попал на Урал. Весельчак и балагур, исполнитель веселых песен и озорных частушек, романтик, он полуживым добрался до Пышмы. За две-три недели ленинградский паренек отогрелся, ожил на картошке и пришел в школу. С хитровой улыбкой, не дожидаясь реакции окружающих его ребят, он выпалил:

– Ну, принимай, братва, питерского хулигана. Раз ожил, долго жить буду. Ну, что смотрите? Тельняшка

и пояс флотские. Без них в Питере только маменькины сыночки да девчонки обходятся. Если что... – и он сбросил с себя пояс, намотал на руку, кулак угрожающе сверкнул медной бляхой. – Песни знаю. И в подтверждение запел:

– Ты, одессит, Мишка, а это значит, что не страшны тебе ни горе, ни беда: ведь ты моряк, Мишка, моряк не плачет и не теряет бодрость духа никогда...

С этого дня мы были всегда вместе. Собирали картошку в замерзшей земле, жгли костры в лесу, ловили рыбу, ходили встречать поезда, когда они шли на Запад и когда шли на Восток. Олег Ставский всегда был уверен, что вернется в город и там обязательно пойдет учиться в Высшее мореходное училище, или, как он мечтательно и гордо называл, – в «Мореходку».

Напротив школы стояли четыре подводы, присланные из колхоза.

– Девчата – по телегам, мужики – пешком! Вперед, картофельная команда. Нас ждет Пожарское, – командовал Виктор Попов, и все двинулись.

Ох, уж эта езда на телеге по замерзшей проселочной дороге! Одно мучение. Телега подсакивает, дребезжит и спотыкается, грохочет по колдобинам. Половину дороги ребята едут, половину – идут. Толкаются, устраивают сеансы борьбы, играют в салочки, чтоб согреться.

Смеркалось. Октябрьский вечер приходит быстро. Часам к 8 вечера ребята добрались до Пожарского. Остановились у здания правления колхоза. Не успел

Попов войти в правление, как на пороге появился мужчина, одетый в телогрейку защитного цвета, галифе, хромовые офицерские сапоги. Правый рукав телогрейки при каждом движении безжизненно болтался. Под распахнутой телогрейкой – гимнастерка, на ней Гвардейский знак, две красные и одна желтая нашивки. Значит, у него было три ранения: два тяжелых и одно легкое. Верхняя часть лица стоявшего на крыльце была прикрыта козырьком низко надвинутой на глаза фуражки. Подбородок задиристо выдвинут вперед, кадык нависал над стоячим воротником гимнастерки и энергично двигался, словно старался вырваться на свободу.

– Ну что, парнишки, девчонки, приехали? Милости просим к нам, в Пожарское, – наигранно шутливо приветствовал он приехавших. – Вижу, обмундирование ваше хилое, но помочь не берусь, интенданты с обозами поотстали и призадержались. Кто из вас старший?

– Я, – Попов двинулся к крыльцу.

– Как звать-величать?

– Попов Виктор, – представился Витька.

– Будешь моим заместителем. Согласен?

– Согласен, – без энтузиазма ответил Попов.

– А я бывший командир взвода автоматчиков. Теперь, как видите, однорукый инвалид. Третий месяц пошел, как председателем избрали. Командую тридцатью семью бабами, пятнадцатью стариками, да несколькими такими же, как сам, инвалидами. Как видите, войско мое невеликое. Разгуляев Петр Ива-

нович – моя фамилия. Здесь, в Пожарском, родился, отсюда на фронт ушел. Вот и вся моя биография. С солдатских времен знаю, что с голодным человеком серьезный разговор о деле вести нельзя. В избе наискосок будете ужинать. После ужина придут бабы и разведут вас по своим домам, – закончил председатель колхоза.

Ребята, обгоняя и подталкивая друг друга в дверях, двинулись в избу, где находилась колхозная столовая. В ней было хорошо натоплено, пахло свежеспеченным хлебом.

– О! Да нам тут накрыли королевский ужин, – сказал, оглядев стол, Олег Ставский. На деревянном до желтизны выскобленном длинном столе лежали половинки пшеничных калачей, рядом стояли алюминиевые кружки с молоком. Все быстро расселись за столом. Иван Анохин положил калач на ладонь, покачал его, как на весах, и деловито сказал:

– Грамм двести будет, не меньше. Из чистой пшеницы, без примесей, – аппетитно жуя, добавил он. Олег бережно отламывал небольшой кусок калача, запивал его холодным молоком и, закрыв от удовольствия глаза, говорил:

– Вкусотища-то, братва, какая! Последний раз нормальный хлеб я ел перед войной. Помню, после уроков мы с ребятами частенько шли на Невский, заходили в булочную и покупали там весенние булочки. Это, скажу вам, объедение! Аромат, вкус какой! Фантастика! Олег на минуту умолк, отрешенно жуя кусочек калача, затем мечтательно продолжал:

– Чего только не было в этой булочной. Хлеб ситный, бородинский, докторский, печенье развесное, в пачках, коробках, а пряников разных – сортов десять, не меньше. С получки отец приносил домой торт «Норд», его продавали на Невском, в кафе. Увижу ли я все это снова? Кто из вас ел «Норд»? – и, не дожидаясь ответа, замолчал.

Пышминским ребятам трудно было представить, каким был на вид и на вкус торт «Норд», у них даже в лучшие предвоенные годы ни тортов, ни пирожных не продавали.

– Марат, а ты помнишь, как мы с тобой летом 1941 года, еще до введения карточек, накупили мятных пряников? – подхватил разговор Виктор Попов.

– Помню, как не помнить, – откликнулся я.

Зашли мы как-то в продовольственный магазин, а там, на полках рядами банки с крабами и печенью трески. Красивые банки, особенно с крабами. Но их почему-то никто не покупал: отравиться боялись. Смотрим, стоит рядом с продавщицей ящик с пряниками. Побежали домой, выпросили у матерей денег – и назад. Накупили килограмма по три. Думали, до конца войны хватит. Может, и хватило бы, да вот война затянулась.

Настоящий хлеб в те годы был лакомством. Многие, да пожалуй, большинство людей в наши дни не представляют себе, что такое 200 граммов хлеба. Сейчас в магазине слышишь: «Дайте мне «половинку», «четвертинку» круглого, бородинского, орловского и т. д.» Такая существует в наше время мера хлеба. А

сколько граммов в этих «половинках» и «четвертинках», знает далеко не каждый, даже не все продавцы булочных. Хорошо знают это пожилые люди, старушки, любящие ходить в булочную, не потерявшие чувства особого уважения к хлебу, любви к его аромату. Хождение в булочную для многих из них никогда не в тягость, а приятное дело, каждодневный ритуал, без которого прожить день никак нельзя (без этого день днем не будет). Они-то помнят, как хлеб продавался на граммы, как две пары глаз по обе стороны прилавка напряженно следили за колебаниями двух чашечек весов, на одной из которых лежала гиря, на другой – кусок хлеба. Когда крючки баланса весов на мгновение замирали друг против друга, продавец и покупатель облегченно вздыхали.

А уж дети, родившиеся после войны, об этом и представления не имеют, даже не задумываются: хлеб для них не имеет ни веса, ни особого значения, он, как воздух, вода, был, есть и будет всегда.

А в годы войны все было иначе. 200-300 граммов черного хлеба с отрубями, мякиной – «пайка» хлеба, как тогда называли, выдавалась на целый день. И эти 200 граммов – не к столу, где есть мясо и колбаса, овощи и фрукты. Три ломтика хлеба (не больше!) – нередко основная часть дневного рациона для иждивенцев, школьников военных лет.

Правда, в школе, помимо пайка, дополнительно выдавали на завтрак по 50 граммов хлеба и полторы чайных ложки сахарного песка с красноватым отливом. Хлеб и сахар выдавали на класс, и учащиеся са-

ми делили этот паек. Самой точной и справедливой мерой были не весы (их, естественно, в школе не было), а обычная школьная линейка. Наиболее авторитетный и справедливый ученик в классе тщательно с помощью линейки отмерял и нарезал маленькие кусочки. Эти кусочки помогали детям продержаться, отсидеть в школе кажущиеся удивительно длинными пять-шесть уроков.

Как трудно сейчас поголодать час-два! А в то военное время голодали, недоедали неделями, месяцами, годами. Но жили.

По утрам приносили из магазина «пайки» хлеба, и тогда начинались настоящие муки, как его съесть: поделить на части или весь сразу, но впереди целый день и ничего больше. Может быть, только картошка в мундире, иногда без соли, или горьковатые оладьи из тертой картошки вместе с очистками. Летом – суп из щавеля или крапивы, чуть-чуть приправленный молоком. К концу зимы, ранней весной, было совсем худо. Запасы картошки в семьях кончались, оставалось ведра два-три, которые были неприкосновенны: придет пора посадки, а у тебя ни картошинки. Не посадить картошку означало попасть в тяжелое положение. В те годы картошку сажали в землю не целыми клубнями, а разрезали на две-три части и бросали в каждую лунку по одной. Эта «экономия» давала возможность семье неделю-другую иметь небольшой приварок.

Искали и другие способы добывать еду. Весной собирали на полях колоски и мерзлую картошку. Это

были серьезные промыслы. Собирать колоски по старому сжатому полю ходили компаниями и взрослые, и подростки. Как только весеннее солнце чуть-чуть подсушит поле, сведет белые снежные островки, так и отправлялись. Голод гнал в поле как можно раньше. Но те, кто отправлялись рано, возвращались без добычи, злые, усталые, по колено в грязи: поле еще не просохло. Опытные «добытчики» выбирали для начала более высокие места.

Методика была простая: шли по жнивью и собирали оставшиеся на земле колосья прошлого урожая. Собранные колоски клали в специально приспособленный мешок – торбу, которая висела на шее или через плечо – на бедре. Собранные колосья дома высушивали, зерна сушили, толкли в железной ступке, варили кашу, пекли лепешки.

Другим подспорьем была мерзлая картошка. За ней ходили весной на картофельные поля со специально приспособленными палками с железными наконечниками на конце. С их помощью находили пролежавший всю зиму в земле клубень. Вся жидкость из клубня вымерзла, и он превратился в сморщенный мешочек пепельно-коричневого цвета. Дома эти мешочки промывали в воде и получали чистейший крахмал. Из него пекли оладьи, делали кисели.

...В избу одна за другой приходили женщины и уводили с собой ребят и девчат. Мы вышли с Виктором Поповым из избы последними. Нас повела к себе молодая женщина лет 30, не больше. Как бы оправдываясь, говорила:

– Трое у меня детей, мал мала меньше, пока их спать проукладывала, чуть вас забрать не опоздала. Ну, ничего, у меня будете в тепле. Полати, печка большая – на выбор.

Чувствовалось, что она из тех женщин, которые счастливы и довольны, когда заботятся о человеке, дают ночлег, согревают, делятся последним куском.

– Встаю в пять-полшестого, приготавливаю ребятишкам своим еду на день, а в семь – уже на работе. Возвращаюсь домой в семь вечера, а то и позже: на ферме работы много. Старший мой, Степка, весь день за моими погодками Верой и Дарьей присматривает. Молодец он у меня, так мне помогает, не по годам серьезный. Жизнь заставляет быть серьезным. Сено вместе с ним косим, в стог складываем, я снизу подаю, а он наверху принимает. И дров наколет, и воды принесет. Несет ведра на коромысле, а его и не видать совсем, одни ведра, да коромысло.

– Ну, вот и дошли, – открывая калитку, сказала наша хозяйка. – Проходите, не стесняйтесь.

В больших сенях на стенах висели связки лекарственных трав: ромашки, зверобоя, полыни, стояла большая кадушка для воды. Посреди кухни, занимая больше ее половины, стояла русская печь. Как только постояльцы вошли, с печки высунулась белокурая голова подростка.

– Вот он, мой Степка, помощник, мужичок мой, – с гордостью сказала Любовь Ивановна. Так звали хозяйку. Она проворно сбросила с себя стеганый ватник, сняла кирзовые сапоги. Любовь Ивановна – статная,

полногрудая молодая женщина, с четко обозначенной талией, крутыми бедрами и сильными, длинными, чуть полноватыми руками. От нее пахло здоровьем, женской чистотой, как будто она только что вернулась из бани, пропахшая запахами березового веника.

– Если хотите, – хлопотала Любовь Ивановна, – полезайте к Степану на печку, там четверо легко уместятся. А уж как тепло-то там! Особенно хорошо после работы да холода спину и бока погреть. Усталость и хворь как рукой снимает. Недавно постелила там новую кошму. Не хотите ложиться на печь – вот напротив полати. Мой отец всегда говорил: «Печка да баня – лучшее лекарство, другое может не помочь, а они – обязательно. А уж, если не помогают – значит, плохи дела».

Мы с Виктором решили устроиться на полатах, чтобы не стеснять Степана, двух дочек и мать. Там было тепло, пахло сосновыми досками. Мы забрались под стеганое одеяло, сшитое из ситцевых квадратиков и треугольников, и через несколько минут уже спали.

Любовь Ивановна по привычке встала в половине шестого. Настрогала от сухого полена лучин. Теперь надо их зажечь. Но сделать это не так просто. Спичек нет. Огонь добывали тогда с помощью кремня, куска обточенного напильника, ваты или фитиля из керосиновой лампы. Любовь Ивановна ударяла куском напильника по кремню, яркие искры разлетались в стороны, на какой-то миг, освещая кухню. Быстрее всего разгорается кусочек фитиля из керосиновой

лампы, особенно если его конец чуть-чуть обуглен. Искры попадают на фитиль, и как только он начинает тлеть, нужно, не теряя времени, раздуть его. Разгорится фитиль – быстро подставляй кусок сухой березовой коры, бумаги или тонкую смолистую сосновую щепку.

Услышав знакомые удары по кремню, я тут же проснулся. Вставать не хотелось. Рядом безмятежно посапывал Витька. Уже хотел было слезать с полатей и помочь Любви Ивановне зажечь огонь, но тут кухня озарилась пламенем, по стенам запрыгали, заматались блики-зайчики. Теперь можно еще полежать под теплым одеялом. Уже года два прошло с тех пор, как в магазинах исчезли спички. Дома у меня была обязанность по утрам «добывать огонь». Именно так говорили в те годы – «добывать огонь». Мать, Мария Федоровна, никак не могла научиться этому искусству. Я «добывал огонь» ловко и быстро. В те годы у подростков было своеобразное соревнование – кто быстрее с помощью кремня разожжет костер. И я не раз выходил в нем победителем.

В печке весело потрескивали сухие сосновые поленья, кухня наполнялась теплом и светом. Я отбросил одеяло, сел, протер глаза, надел брюки и спрыгнул с полатей. Любовь Ивановна ловко подхватила на ухват чугунок с картошкой и поставила его в печку, поближе к яркому и сильному огню. Затем поставила самовар.

– Что же ты так рано-то поднялся! Спал бы себе, – встретила она мое появление.

– А я привык вставать в шесть утра. Моя мама без меня никак печку растопить не может. И я в полусне, не открывая глаз, зажгу огонь, а снова ложиться спать не хочется.

– Ну, иди умывайся, коль привык. Картошка сварится, по лепешке испеку. Будем завтракать – и на работу. На печке зашевелился Степка.

– Вставай, вставай, сыночек. Я скоро убегу на ферму, сестренку покормишь, корове сена дашь, напоишь ее, а уж потом и в школу. Дел много. Но ты у меня славный, работающий мужичок, – ласково говорила Любовь Ивановна, сноровисто собирая на стол завтрак.

– Командир, ты что разоспался, ну-ка быстро вставай, – с напускной ворчливостью я заглянул на полати, схватил одеяло и потянул вниз. Витька вцепился в одеяло, не давая стянуть его с себя. Он дрыгал ногами, пытался столкнуть меня с лестницы.

– А еще командир, любимчик Клары Георгиевны! Вот ты кто. Вот вернемся, пожалуйось ей, что спал много, а работал мало. Она в следующий раз и освободит тебя с этой «доходной должности». Вставай, хватит дрыхнуть!

Минут через пятнадцать они уже сидели за чисто выскобленным, розовато-свежим, пахнущим смолой столом. Любовь Ивановна положила против каждого по две больших картофелины в мундире, поставила по граненому стакану молока.

– Вот только соль кончилась, нету соли, – извиняюще объяснила она. – Больше месяца как в сельпо не

привозили. На прошлой неделе люди из города приезжали менять вещи на картошку, и я выменяла у одной женщины полстакана соли на пяток яиц. Так обессолились, что за неделю полстакана съели, и соли как не бывало. Правда, еще соседка заходила, так я ей пару щепоток дала. Ну, ладно, вы тут заканчивайте, собирайтесь, а я побегу. Меня мои буренушки ждут, небось, за ночь стосковались, напоить, накормить и подоить надо.

Ездить в деревню менять вещи на продукты было в годы войны для многих горожан делом вынужденным. В городе люди недоедали и голодали больше, чем в деревне, так как жили на скудные карточные пайки. На селе же большинство жителей имело огород, корову, кур. На зиму запасали картошки, других овощей до нового урожая. Нужда гнала горожан в деревню, чтобы на последние вещи выменять немного мяса, яиц, картошки, муки для детей, больных, стариков, дистрофиков. Жизнь вносила свои коррективы в марксову формулу «товар – деньги – товар». Подножки, тормозные площадки пассажирских, товарных поездов по субботам и воскресеньям были буквально облеплены едущими в деревню. Везли все, что только было можно: щегольские кепи и модные в 30-х годах кожаные краги, пальто, костюмы, патефоны и сервизы... В те годы в деревне можно было встретить молодого «щеголя» в модной кепи, двубортном драповом пальто и стеганых ватных брюках – «ватниках».

Картофельное поле находилось в 3-4 километрах от деревни. Около восьми утра ребята добрались до

него. Пока два пожилых колхозника впрягали лошадей в плуг, ребята собирали хворост для костра. Без костра нельзя. Нужно руки отогревать, а то они быстро коченеют, не сгибаются, земля холодная, уже промерзла сантиметра на два-три. Ну и, конечно, костер нужен тоже, чтобы испечь на углях картошку или, как тогда называли, «печенки». Сашка Радомыслов разжигает костер. Он специалист по данному делу. Через десять-пятнадцать минут огонь забегал, заметался, сучья запотрескивали.

Школьники разделились на две группы: одна идет собирать картошку – за первым плугом, другая за вторым. Собирали в большие плетеные ивовые корзинки с двумя ручками по бокам. В одну корзину вмещается два-три ведра картошки. Как только корзина наполнится, по очереди несут ее и ссыпают в кучи, а часть – в большие мешки. Земля мерзлая, холодная, руки коченеют. Как станет невтерпёж и пальцы перестают сгибаться, ребята по очереди бегут к костру.

В три часа у костра общий сбор. Первыми приходили девочки, они сильно уставали: понаклоняйся-ка шесть часов подряд, выбирая картошку. Спину ломит, поясница ноет. Верховодит у них Рая Быкова, высокая, худая, энергичная, умная, жесткая в оценках и определенная в поступках девушка. От этих качеств терялась женственность, но не уменьшалось уважение к ней. Прямая противоположность Раисы – две Нины, Блинова и Бабинцева. Если у Раисы доминирует рассудительность, то у них – чувства, эмоции. Нины – подруги. Но неосознанно соперничают меж-

ду собой. И той и другой нравился будто бы я. Весь класс знает, что у меня с Ниной Блиновой «любовь». Нина белокурая, с тонкими чертами лица, большими серыми глазами, немногословная. Другая Нина повыше своей подруги, длинноногая, статная, с красивой походкой.

А вот – Тамара Карпенко, эвакуированная из Донецка. В семье, кроме нее, два брата и сестренка. Мать работает одна, живут трудно, голодно. Тамара всегда придавлена нуждой, заботами, вечным недоеданием и неустроенностью. Недаром говорят: беда к беде идет. Однажды пришла Тамара в класс заплаканная, почерневшая. Села за парту, опустила голову и разрыдалась. Подруги к ней: «Тома, что случилось, не плачь, успокойся!» – «Ой, девочки, осиротели мы совсем. Вот что осталось от папы нашего – похоронка: «погиб смертью храбрых». Она вытащила из портфеля и протянула подругам официальное извещение. Соученикам было трудно оказать Тамаре материальную помощь, но внимание и участливость она встречала на каждом шагу. Любили ее за умение собраться, взять себя в руки, укротить чувства. В такие минуты она была компанейская, веселая, острая на язык.

...Затем появляется у костра Олег Ставский. Кепчонка набок, чуть-чуть сдвинута на глаза, а в них, как всегда, чертики бегают. Олег все может отдать другим, кроме морского бушлата, ремня и тельняшки. С ним он не расстается никогда.

Устраиваются вокруг костра, кто на мешке с картошкой, кто на ведре, кто на корзине. Саша Радомыс-

лов к приходу ребят подготовился: напек «печенок» столько, чтобы каждому хватило. Специально выструганной палкой с заточенным концом он нащупывает в золе картофелину, ловко нанизывает ее на кончик палки и по очереди протягивает каждому. Ребята берут ее в руки – она жжет. Перебрасывают с руки на руку. (Размышляют, она рассыпчатая, искрится.) Обжигаясь, жадно глотают кусок за куском. Особенно вкусны поджаристые корочки. Обеденье! Лица испачкались золой, углем. Смех, шутки.

– Олег, расскажи, как ты родительские «неприкосновенные запасы» со своими дружками съел, – обращается к нему Рая Быкова. Эту историю все слышали по несколько раз, но, зная актерские способности Олега, всегда просят рассказать еще. Олег и сам любит ее рассказывать.

– Давай, давай, – загалдели все. Начинает рассказывать он нарочито серьезно:

– Событие, о котором вы сейчас услышите, произошло в канун 7 ноября 1942 года. Мои предки ушли на торжественное заседание, оставив меня дома в гордом одиночестве. Я слонялся по комнате: туда – пять шагов, обратно – пять шагов. Подсасывало, как всегда, хотелось есть. Когда я в одиночестве, чувство голода усиливается еще больше. Для меня самое основное средство против голода – общество. Поэтому никогда не остаюсь один. Открыл шкаф, думаю, посмотрю, нет ли где заваливающей корочки хлеба, подвигал чайные чашки – нет ничего. И вдруг вижу: за чашками, в глубине шкафа, лежит какой-то сверток,

перевязанный тесемкой. Я такого свертка раньше не видел. Вытаскиваю и чувствую давно забытый приятный запах колбасы, – проглотив слюну, Олег продолжал:

– Трясущимися от волнения руками, развязываю свертки и обнаруживаю в нем... (что бы вы думали?) кусочек копченой колбасы и баночку кетовой икры. Обалдел от неожиданности. Откуда, думаю, эти реликты, музейные редкости, не сон ли мне снится на почве голодухи. Каким чудом эти продукты далекого прошлого оказались здесь, как могли сохраниться? Такое по карточкам не выдают. Положить свертки в шкаф не было никаких сил. В голове мелькнула шальная мысль: а что если позвать своих дружков Виктора Попова, Марата Шишигина и Геннадия Мышкина и всем вместе устроить пиршество. Тем более, завтра 7 ноября! А какой праздник без застолья? Накинул я на плечи бушлат, надел валенки и ходу. Через двадцать минут компания была в сборе. «Садитесь, – говорю, – господа, я пригласил вас, чтобы сообщить об уникальнейшей находке века, которую я обнаружил в этом старом шкафу». А мои друзья-приятели в ответ: «Кончай-де, мол, голову морочить, чего позвал-то, балагур несчастный! Лучше пошли по улицам прошвырнемся. Говорят, после торжественного собрания киношку покажут». А я и ухом не веду: «Остановитесь, несчастные, иначе вы лишите себя блаженства. Вот полюбуйте, что я покажу». Я дернул за конец бумаги, свертки развернулись и на стол вывалился кусок копченой колбасы и баночка с кето-

вой икрой. Мои мальчишки остолбенели: «Откуда все это у тебя?» – «Секрет фирмы! А теперь слушайте и повинуйтесь. У кого из вас дома есть хлеб, сознавайтесь. И если он найдется, я разрешу каждому из вас подержать его над этой колбасой, пусть он пропитается этим великолепным запахом. Я не возьму с вас за это ни одной монеты в отличие от восточного скряги, который, если вы помните, требовал от нищего платы за то, что тот подержал кусок хлеба над жаровней, где жарилось мясо. Так кто же из вас дополнит мой стол, уставленный яствами, небольшим куском хлеба? Нужен только кусок хлеба – и пиршество начинается».

И что бы вы думали, сидящий среди нас «Быстроногий олень» Виктор Попов через десять минут прибежал с нетронутой дневной «пайкой» хлеба. Как вам известно, мой друг в те дни, когда его мать работает в пекарне, становится обладателем двух хлебных пайков. Я взял хлеб и разрезал его на четыре равные доли, затем каждую разделил на пять квадратных кусочков. Затем я положил на каждый квадратик по несколько икринок. Мои сотрапезники судорожно глотали слюни и нервно двигались вокруг стола. «Раз пошла такая пьянка», я отрезал по тонюсенькому ломтику колбасы и положил на хлебные квадратики. Я и мои распрекрасные эпикурейцы (так древние греки называли любителей пожрать), спохватились только тогда, когда на дне баночки осталось несколько икринок, а на столе – небольшой кусочек колбасы. Вижу: перепугались мои собутыльники. А я им говорю: «Братва, где наша не пропадала,

прикончим и это. Двум смертям не бывать, а одной не миновать». Вот так содержательно провели мы этот памятный вечер. Мне он запомнился особенно, потому что отец отлупил меня, и здорово отлупил, моим же собственным, вот этим ремнем – показал Олег на свой ремень.

– А теперь, девушки-красавицы, позвольте за неимением икры предложить вам жареных рябчиков в специальном приготовлении столичного шеф-повара Александра Радомы – слова! Только сегодня и никогда больше, спешите! – Олег церемонно вручил каждой девушке по картофелине. – Затем вам будет предложено блеманже из ананасов.

Что такое блеманже, он толком не знал, но где-то слышал или вычитал в книге. Девочки смеются. А наш весельчак, притопывая промерзшими ногами, уже напевал:

– Шаланды, полные кефали,
В Одессу Костя приводил,
И все биндюжники вставали,
Когда в пивную он входил...
Я вам не скажу про всю Одессу,
Вся Одесса очень велика,
Но и Молдаванка и Пересыпь
Обожали Костю моряка.

Отдых длится недолго, снова надо идти за плугом. К вечеру ребята совсем выбились из сил. Теперь уже волоком подтаскивали за собой наполненную картошкой корзину: носить ее становилось трудно. Воз-

вращались в деревню часам к семи. В столовой получали по половине калача, миску картофельного супа с мясом и пол-литра молока. Молча разбрелись по домам.

Я и Виктор Попов вернулись в дом Любви Ивановны часов в восемь. На столе пыхтел большой ведерный самовар. Степка ставил на стол граненые стаканы с блюдцами. Посредине стола стояла большая глиняная миска, доверху наполненная крупной ярко-бордовой брусникой.

– Промерзли, помощники наши, знаю, как в октябре картошку из мерзлой земли выбирать. Руки коченеют, пальцы как крючья, перестают гнуться. Вот я и решила к вашему приходу самовар вскипятить, отогреть вас, – участливо встретила меня и Виктора Любовь Ивановна. – Умывайтесь и садитесь за стол.

Любовь Ивановна выкрутила фитиль в керосиновой лампе до конца. Лампа вспыхнула, осветив приготовленный для чаепития стол.

– С сахаром чай, не помню, когда пили. Пьем с молоком и брусникой, – извиняюще продолжала хозяйка дома. – Нам со Степкой нравится, каждый вечер попиваем. Как, Степан, думаешь? – обратилась Любовь Ивановна к сыну.

– Как думаю? Конечно, с сахаром или конфетами было бы лучше. Но со сладкой брусникой тоже неплохо. Правда, я и не знаю толком, какие конфеты-то бывают. Папа до войны приносил их из сельпо, да я не очень интересовался ими. Где он, наш папка, сейчас? – Степка уставился в блюдо, задумался.

– Воюет отец твой Павел Васильевич, – с какой-то особой теплотой и уважительностью сказала Любовь Ивановна. – Месяц назад письмо пришло, в артиллерии он, заряжающий. Так, кажется, называется? А где он, сказать невозможно, на треугольнике – полевая почта, одни цифры. Вот и догадывайся, на севере он или на юге, холодно ему или жарко, сыт он или голоден. Живым бы остался, хоть без руки, без ноги, но живой. Вон наш председатель колхоза без руки вернулся, а мужик какой справедливый, работающий, уважаем мы, бабы, его.

– На всю зиму заготовили брусники, замочили полную кадуюшку, – продолжала Любовь Ивановна, стремясь перевести разговор на старую тему. – Это Степкина заслуга, он со своими товарищами ходил в бор собирать ее.

После холода, ужина в колхозной столовой было так приятно посидеть за этим чистым, уютным столом, «чай» с брусникой и молоком были великолепны. Хотя какой это был чай, чая не было, был кипяток с молоком и брусникой – «брусничный чай». После первого стакана я разомлел, расслабился, меня потянуло ко сну. Да и Виктора тоже.

Выпив по второму стакану, ребята поблагодарили хозяйку и полезли на полати.

Утро следующего дня было туманным, сырым. Земля по-прежнему была схвачена морозом. Но к полудню туман рассеялся, небо очистилось от низких, сырых облаков, выглянуло солнце. Ребята поначалу обрадовались. Но потом поняли, что радовались на-

прасно. Под солнечными лучами земля стала оттаивать, набухать влагой. Постепенно поле превратилось в черное месиво. Валенки, которые накануне спасали от холода, пропитались водой, нижняя часть их покрылась толстым слоем грязи, становилось все труднее и труднее вытаскивать их из земли. Каждый валенок теперь весил килограмм пять, не меньше. Нога выскакивала из него при каждом очередном шаге. Требовались усилия, чтобы вытащить валенок из хлюпающего месива. Ребята чаще и чаще бегали к горящему костру. Там они стаскивали с ног валенки, снимали носки или портянки и развешивали их на палку, переброшенную через костер. Пока они сушились, счищали с валенок налипшую землю, ноги, лежащие на соломе, или пустых мешках, быстро начинали коченеть. Приходилось натягивать на них нагретые на костре сырые носки, от которых шел пар. Пока ребята шли от костра к плугу, валенки вновь набухали. Двигаться в них становилось все тяжелее и тяжелее. Но все работали.

Вся надежда была на ночь. Но мороз не пришел и ночью. К утру ребята сумели просушить носки, портянки, валенки. У меня в кровь была сбита пятка правой ноги, пальцы левой ноги покрылись пузырьками мозолей. В этот день ребята смогли работать только 12 часов. Пошел мелкий дождик. Поле превратилось в болото. Работать стало невозможно.

Я спал в эту ночь плохо. Все время просыпался, прислушивался. В пронзительной тишине было слышно, как за окнами шуршит, барабанит по крыше

дождь. Я вновь впал в забытие, через некоторое время просыпался и вновь прислушивался. Дождь продолжался. Проснулся, как только Любовь Ивановна спустилась с печи и стала добывать огонь, ударяя куском напильника по кремню.

– Витька, вставай, – толкнул я своего друга в бок.

– Чего будем делать, всю ночь шел дождь, как пойдем на поле?

Я спустился с полатей, достал из-за трубы русской печки валенки. Они были влажные и непривычно теплые. «Принимай решение, командир, – обратился я к Виктору, когда мы, сидя на лавке, натягивали носки на стертые ноги.

– Плохи наши дела, в такую погоду картошку убирать нельзя, да еще в нашем обмундировании, – угрюмо глядя в пол, ответил Виктор. – Пойдем в столовую, там обсудим с ребятами, что делать дальше. Спасибо нашим мамам, которые очень хотели, чтобы мы не простудились и ехали в валенках».

В 8 утра все собрались в колхозной столовой.

– Что будем делать, ребята? – спросил Виктор Попов, оглядывая собравшихся. Все молчали, опустив головы. – Работать ни сегодня, ни завтра не сможем, в поле воды по колено. Да и не только в нас дело. Лошадь плуг за собой не утащит, он увязнет в раскисшей земле. Кто одет в сапоги или в ботинки?

– Я, – откликнулась Рая Быкова.

– И я, – это был Иван Аникин.

Итак, двое из пятнадцати, остальные в валенках. Виктору надо было решать, и он принял решение:

– Выход один: идти домой, сменить обувь и возвращаться сюда. Помните, что сказала Клара Георгиевна: «Пока не уберете картошку, в школу не возвращайтесь»? Быстро собирайтесь и пошлепаем восвояси. Попытаемся дойти к ночи, если дождь не усилится.

Дорога из Пожарского была разбита вдрызг. В колее стояла вода, ноги разъезжались, идти было трудно. Валенки прилипали к глине и отрывались от нее с большим трудом. Ребята прошли 4 км от деревни, когда услышали, как сзади захлопали копыта скачущей лошади. «Черт возьми, куда вы направились, дезертиры трудового фронта! Беглецы, трусы!» Ребята остановились. Прямо на них скакал на лошади председатель колхоза Петр Иванович Разгуляев. Его фуражка была надвинута на глаза, правый рукав бушлата отлетел назад, левой рукой он держал поводья.

– Куда подались, трусы несчастные, кто будет убирать картошку?! В городах люди пухнут с голоду. На фронте за такие штучки, знаете, что полагается? Штрафной батальон, трибунал, расстрел! – Он цедил эти злые слова, плотно сжав губы. Кадык яростно рвал ворот гимнастерки. – Немедленно возвращайтесь – и завтра с утра в поле! – выкрикнул он.

Ребята молчали, не двигались с места. Председатель внимательно оглядел их. На размытой в конце осенними дождями, раздрызганной дороге перед ним стояли, опустив головы, мальчишки и девчонки, которым было по 14-15 лет от роду. Они с ног до головы были забрызганы грязью, их валенки по щиколотки

увязли в глине, набрякли от воды; платки на головах у девочек промокли и прилипли к щекам, материнские и отцовские ватники и бушлаты, отяжелев от дождя, сползли с плеч. Положение ребят было отчаянное. Председатель понял, что требовать от них возвращения в колхоз было полнейшей бессмыслицей. Он резко дернул поводья в левую сторону, развернулся, судорожно вонзил каблуки сапог в бока лошади, наклонился и, не оглядываясь и не говоря больше ни слова, поскакал в сторону Пожарского. Ребята еще некоторое время молча стояли, смотрели вслед всаднику. И только когда он скрылся из виду, повернулись и двинулись дальше. Им предстояло одолеть еще 25 километров этой трудной дороги. Домой ребята пришли только на следующий день, к обеду. Ночевали в деревне Крутоярье у пожилой женщины, которая пожалела выбившихся из сил беглецов, обогрела их, высушила обувь и одежду, накормила, чем могла.

А через два дня погода установилась. Ударил легкий морозец. Ребята 8-го «А» вернулись в Пожарское и убрали оставшиеся полтора гектара картошки.

Искушение

Как-то утром, когда я отламывал кусок за кусочком от быстро уменьшающейся пайки хлеба, раздумывая, сразу ее съесть или растянуть на два-три раза, меня вдруг потянуло к стоявшему рядом шкафу. Неожиданно я вспомнил, что наш постоялец – командировочный из областного центра Игорь Николаевич – уезжая, оставил у нас в шкафу подсолнечное масло.

Я открыл дверцу шкафа, осторожно снял с полки коричневый кувшин, на котором были изображены виноградные гроздья, и приоткрыл крышку. В кувшине чуть-чуть покачивалась желтая ароматная жидкость. Как она пахла, как благоухала! Голова у меня немного закружилась, рот наполнился слюной, в животе заклокотало, заподсасывало. Соблазн был велик, голод еще больше. «Масло чужое, – думал я, – Игорь Николаевич может приехать в любое время, он бывал у нас два-три раза в полгода».

Я долго в оцепенении разглядывал масло, вдыхал его аромат. Затем как-то машинально отломил кусочек хлеба, осторожно окунул его в масло и тут же судорожно отдернул руку, сунул кусочек хлеба, пахнущего маслом, в рот, облизнул пальцы. Как было вкусно! Какое я испытывал блаженство, и передать

трудно. Но тут же я быстро закрыл кувшин и отпрянул от шкафа, озираясь по сторонам, будто кто-то подсматривал за мной. В это мгновение я чувствовал себя мерзко. «Это чужое масло, Игорь Николаевич получил его по карточкам. Что мы ему ответим, как объясним, когда он снова приедет к нам на ночлег?» – судорожно метались мысли в голове. Но Игорь Николаевич не приезжал.

В этот день как всегда я проснулся от чувства голода. Еще из постели я увидел, что на столе лежала пайка хлеба, оставленная матерью. Но сегодня она была меньше обычной – хлеб был сырой и колючий – из него торчала мякина. Меня снова потянуло к шкафу. Приоткрыл крышку, густая темно-желтая жидкость била своим ароматом в ноздри. Рот наполнился слюной, желудок болезненно сводило. Некоторое время я смотрел на масло, наслаждаясь его запахами, и не заметил, как кусок хлеба опустился в маслянистую жидкость. На этот раз я не спешил отдернуть руку. Хлеб пропитывался маслом, набухал. Вдруг я почувствовал, что он ускользает из моих пальцев и ползет вниз. Я с трудом вытащил его и сунул в рот. Несколько крошек, отломившись, медленно опустились на дно кувшина. Жую и облизываясь, я отскочил от шкафа и замер. Чувство страха охватило меня. Это был не страх перед опасностью, это был страх от сознания совершенного поступка. Через несколько минут, оправившись от волнения, я подошел к шкафу, заглянул в кувшин и обнаружил, что масло опустилось от краев на полтора пальца. «Что делать?» – думал я. Подлить

воды, чтобы не было заметно, нельзя – вода и масло не смешиваются, это я знал еще по школьным учебникам. Что оставалось делать, только рассчитывать на то, что Игорь Николаевич больше к нам не приедет, а если и приедет, то простит.

Он действительно больше не приезжал к нам. Когда я рассказал матери об этой истории, она не ругала меня, а только всхлипнула, жалеючи посмотрела на меня и, видимо, желая успокоить, сказала: «Может, он и оставил масло для нас с тобой».

Маленький праздник в 1942-м...

Были в те годы у нас и пиршества. Мой закадычный друг Витька Попов еще за день до такого пиршества говорил мне:

– Ну, Марат, завтра уроки сделаешь, приходи ко мне, мать приглашала.

Я уже догадывался, что будет, и радостно мотал головой:

– Приду, конечно, приду.

После уроков брал в руки учебники, но ничего не шло в голову. Все время поглядывал на часы-ходики – не пора? В учебнике географии читал о плодородии черноземных областей, богатых урожаях. А внутри ныло, стягивало живот, подсасывало. И так каждый день. Глаза читали: «Краснодарский край – житница нашей страны, его обильные урожаи хлеба, известны каждому».

«Неужели, – думал я, – когда-нибудь можно будет поесть вдоволь хлеба – душистого, с хрустящей корочкой». Казалось, этого не будет никогда.

Наконец время подходило к пяти – книги в сторону, шапку на голову, руки в ватник – и на улицу. До Поповых быстрым шагом 15 минут – не больше. Вот пожарная каланча, за ней – дирекция леспромхоза, а

там чуть дальше, в низине у болота, дом Поповых. Дом приземистый, окна земли касаются, зимой не уберут – до середины снегом завалит. Нетерпеливо толкаю дверь и вваливаюсь в сени. Остановливаюсь, перевожу дух и не вхожу, врываюсь в комнату. Она мне хорошо знакома – 10 метров не больше, она же и кухней служит. Есть еще и маленькая – 5-6 метров – спальенка. Вот и все жилье.

Когда расселяли эвакуированных, к Поповым никого не подселили: и так теснота, двоим пошевелиться негде. Тогда селили почти ко всем. Эвакуированные были в основном из Ленинграда. Они ехали с вокзала на подводах, притихшие, голодные, вопрошающе озирались по сторонам. «Куда мы попали, почему? Что нас здесь ждет?» Каждая вторая семья принимала к себе другую семью.

В комнате у Витьки тепло, сыровато. Пахнет кипящей картошкой и хлебом. Дурманят голову эти запахи. Витька торжественно-важный в гимнастерке с солдатского плеча, которую он проносил всю войну, и она от многочисленных стирок стала почти белой с серым отливом.

– Ну, сейчас мы с тобой «поштефкаем» (что означало, хорошо поедим), – приговаривает он, сливая воду из чугунок с картошкой. Витька со значением ставит его на середину стола, вытаскивает солонку с крупной грязноватого цвета солью, приносит из сеней два стакана козьего молока. Я немею от предвкушения, бессмысленно двигаюсь за Витькой по комнате, двигаю безотчетно губами, как рыба на пес-

ке. Но вот наконец-то приготовления окончены. Витька царственным жестом приглашает меня к столу. Сам Витька еще не садится. Он открывает маленький шкафчик, подмигивает мне – дескать, еще не все – и кладет на стол маленький узелочек. Видя мой нетерпеливый голодный взгляд, успокаивает:

– Потерпи, потерпи, дружище.

Он развязывает узелок, в нем лежат пахучие ноздреватые хлебные корочки. Я не спрашиваю у него, откуда они. Он уже давно открыл мне тайну их появления. Не первый раз мы с ним пируем, похрустывая ароматными корочками. Витькина мать, Таисия Ивановна приносит их из пекарни, где она работает целыми сутками. Ну а когда приходит, валится замертво на кровать, отсыпается, а утром снова уходит на сутки. Нет, она не ворует эти корочки. Они бы не полезли нам в горло. Воровать хлеб в войну считалось страшным преступлением. Таисия Ивановна получает их как благодарность за свой тяжелый труд.

Когда хлеб выпекают в железных формах, то по краям формы образуются наплывы – тесто доходит, поднимается и выплывает через край. Кирпич хлеба вынимают из формы, а наплывы-корочки от краев формы отламываются. Этими корочками с кипятком подкрепляются пекари во время своей работы. Таисия Ивановна на работе никогда не ест, дома – сын Витька, голодный, растет, в школу ходит. Она свою долю приносит домой. Мы берем корочку, макаем ее в козье молоко и, закрыв глаза от удовольствия, съедаем. В

этот момент нам кажется, что на свете нет ничего более вкусного, чем эти обгорелые корочки.

Едим мы медленно, наслаждаемся, стараемся продлить удовольствие. Но корочки все-таки исчезают, и тогда мы, обжигаясь, перебрасывая с руки на руку, начинаем чистить картошку. Макнув ее в «каменную соль», так мы называем крупные желтоватые кристаллики соли, отправляем кусочек картофелины в рот и запиваем остатками козьего молока. Так мы иногда блаженствуем с моим другом Витькой. Это стало для нас праздником, ритуалом, частицей нашей жизни в те военные голодные годы.

В такие вечера, разомлев от еды, мы любим с Витькой поговорить, помечтать.

– Вот скажи, Витька, что бы ты хотел сейчас съесть? – начинал я. Витька, обжигаясь горячей картошкой, выпаливал:

– Колбасы чайной, селедки-заломы, пряников мятных, белого хлеба вволю!..

– Ну, остановись, наговорил столько, за неделю не съешь, – останавливаю я его с напускной строгостью. Он тут же начинал трясти меня за плечо и проговаривал:

– Ну, а ты что хотел бы сейчас съесть?

– Хлеба досыта с чаем и сахаром, только настоящего, довоенного ароматного... Я вспомнил, как до войны мать покупала мне в городе французскую булку, и, несмотря на ее запреты, я ухитрился съесть ее прямо на улице, пока она занималась другими покупками. Боже, как она пахла, как благоухала свежестью, ваниль-

ным сахаром. Сейчас я не мог себе представить, что можно еще о чем-то другом мечтать, когда хочется просто вдоволь поесть настоящего хлеба, без оглядки, без того тоскливого чувства, которое преследовало все военные годы, – съешь этот хлеб, а другого не будет.

Такая словесная игра сначала нас возбуждала, а затем мы как-то сникали, замолкали...

– Вот война кончится, тогда и пельмени, и пирожки, и шанежки будут, – заканчивали мы свою голодную викторину. Доставали со дна чугунок по последней картошке, грустно макали ее в соль и молча съедали. Наш маленький праздник заканчивался.

«Когда она кончится, эта война?» – думали мы, дожевывая последнюю картошку. Шел 1942 год...

Прощай, Урал!

Лаба дена, Каунас

Весною 1947 умер отец. Остались втроем – мама, младший брат Роберт семи лет и я. Положение было тяжелым, казалось безвыходным. Мама – Мария Федоровна не имела специальности и никогда не работала на производстве, была хорошей, вечной домашней хозяйкой. Постоянная, устойчивая работа отца позволяла находиться ей в этом положении. По моим наблюдениям она работала не меньше, а может быть и больше тех, кто работал на предприятиях. Кто больше, кто меньше, об этом можно было еще спорить. А вот то, что мы втроем находились в полуголодном состоянии, существуя только на «иждивенческих карточках» – это было бесспорно. Я оказался единственным мужиком в семье в свои 17 лет. Осознавая это положение, всерьез начал размышлять. Бросить школу, уйти из 9 класса, не имея специальности найти работу было невозможно. Единственная реальная возможность наняться пастухом или доярком в колхозе, который находился примерно в десяти-пятнадцати километрах от нашего поселка. После долгих мучительных раздумий я

предложил такой выход из нашего положения: поехать в Каунас к Герману.

Мой старший брат Герман, отвоевав в роте автоматчиков Отечественную войну, демобилизовался в литовском городе Каунасе. Там женился на местной литовской красавице Ядвиге. После расформирования его части, буквально дней через десять, его вдруг пригласили в горком партии. Он потом рассказывал мне: удивился этому вызову, но с нетерпением ждал дня и часа приема. Он понимал, что приглашение в горком – это не вызов в КГБ. И это его успокаивало, вселяло надежды. По рассказам очевидцев-родственников Ядвиги, явился из горкома «гоголем» и тут же выпалил:

– Не поверите, со мной, старшим сержантом, разговаривал сам первый секретарь горкома по фамилии Габданк. Первый человек в городе! С неосознанной хвастливостью продолжал он свой рассказ:

– Помощником предложил работать у него! Я и не раздумывал – согласился. Теперь я при хорошем деле, бегать по городу и искать работу не надо.

Его жена и особенно ее родители не разделяли его восторгов, так как не любили коммунистов и советскую власть. Почему, знали только они. Ни только Герман, но и я своим малоопытным рассудком не понимали, как это могло случиться, простого, ничем особенным не проявившегося солдата с Урала приглашали работать помощником первого секретаря горкома партии, второго по величине города в Литве. Уже в Каунасе потом я узнал, что группа людей, кото-

Граница Европы и Азии

рой было поручено сформировать после гитлеровской оккупации абсолютно новые органы городского управления, решила часть работников взять из расформированных в городе воинских частей. Они изучали документы, личные дела, проводили беседы с командирами и политработниками, просеивали каждого, как сквозь сито. В итоге некоторых брали на заметку. И только после этого они отбирали группу бывших солдат и офицеров для конкретных бесед. Видимо, моему брату все его военачальники дали хорошую характеристику, поэтому он и появился в горкоме. Скажу откровенно и честно: мой старший брат был обаятельным настоящим русским парнем, чрезвычайно общительным, добрым, улыбочивым, удивлял всех своей начитанностью (наша библиотека в поселке была самой большой).

...Мать заплакала, когда я сказал о своем решении поехать в Каунас.

– Мы прожили здесь в уральских городах и поселках всю свою жизнь, эта земля произвела нас всех на свет. Здесь было все: и счастье, и радость, горе и смерть, голод и холод, но все это наше, расстаться с этим запросто невозможно, страшно подумать об этом, – всхлипывала мать.

– Сынок, – обратилась она ко мне, – я понимаю безвыходность нашего положения, может быть, ты съездишь к Герману один, познакомишься с его женой, родителями, увидишь, как они живут, готовы ли они взять на себя такую тяжелую обузу. Мне страшно подумать, что ты отправишься один в такую даль-

нюю дорогу, с тобой все может случиться, пока ты доберешься. Потеряешься, погибнешь – время тяжелое.

На следующий день, собрав все имеющиеся деньги, одолжив часть у соседей, я отправился на вокзал. Уехать из Ощепково, маленькой железнодорожной станции, где не останавливалось большинство проходящих скорых поездов, было делом ох как не простым. Другие поезда останавливались на 2 минуты. Но на них довольно редко оказывались места. Мне повезло – кассиром билетной кассы оказалась знакомая мне девушка, с которой я быстро нашел общий язык.

На проходящем в этот день вечером скором поезде Владивосток – Москва оказалось место в общем вагоне. Мы с мамой минут за 15 были уже на перроне, она непрерывно беззвучно плакала, держась за рукав моего пиджака. Как только появился поезд, я расцеловал мать и побежал вдоль перрона, отыскивая свой вагон № 17. Не успел я поставить ногу на ступеньку вагона, как он уже тронулся и стал быстро набирать скорость. В тамбуре я обернулся и увидел, как на перроне стоит плачущая мама и машет мне рукой. Вот тут расплакался и я. Пока я еще в полной мере не осознавал, что делаю, как доеду до города, находящегося за тысячи километров от Ощепково. Впервые один, сам себе и матрос, и капитан.

Мало кто из живущих сегодня знает, что такое общий вагон образца 1947 года. В этом вагоне спали везде: под нижними полками, прямо на полу, на верхних багажных полках, сидя на своих местах. На-

против меня – мое место № 8 – сидя спал мужчина. Казалось, он так спит от самого Владивостока и проснется только тогда, когда кондуктор объявит: «Граждане пассажиры, приготовьтесь к выходу – через две-три минуты – Москва». Мне предстояло провести двое с половиной суток в пути. Подумал, что доехать до Москвы в сидячем состоянии будет трудно. Я стал оглядываться по сторонам, думать, что предпринять в этой ситуации. Вдруг увидел над одной из верхних длинных скамеек свободную багажную полку, у которой расстояние до потолка вагона было максимум 40 сантиметров. В этом боковом отсеке оказались добрые, участливые пассажиры. Один из них даже помог мне влезть под самую крышу, а затем передал мне мой вещевой мешок. Когда я растянулся во весь рост на полке, то понял – теперь то определенно доеду до Москвы. Утром проснулся от чувства голода, потянулся к вещмешку, развязал его и увидел с грустью в глазах полбуханки черного хлеба и пакет с круглыми конфетами, начиненными повидло. Я бережно отломил от буханки кусок хлеба и, полулежа стал жевать его, сдабривая конфетами. На вторые сутки хлеб кончился, а голод как назло только разгорелся. На какой-то большой станции, где поезд стоял довольно долго, я увидел за окном хорошую «барахолку». Здесь люди меняли все на все, конечно с выгодой для себя. Чем только тут не торговали: хлебом, тушенкой, различными рыбными консервами, «тряпками» – в ассортименте. Вдруг я вспомнил, что у меня в мешке есть новая майка, в ко-

торой думал явиться перед братом и его родственниками. Голод – не тетка, я схватил майку, спрыгнул с полки и на «барахолку». Глаза разбегались – тут было все. Толкался, облизывался, пока какой-то мужик не предложил:

– Давай свою майку, а я тебе банку горбуши.

Я крутил в руках эту банку, в животе – голодные спазмы. Рядиться, разговоры говорить времени не оставалось – поезд дал гудок к отправлению. Сунул мужику майку и, сжимая в руках «добычу», бросился к отходящему поезду. Мои соседи с «первого этажа» дали мне перочинный нож, обливаясь потом и слюной открыл банку. И тут от приятного запаха и предвкушения еды у меня закружилась голова. Механически обшаривал все углы вещевого мешка и вдруг обнаружил небольшую корку от полбуханки хлеба. Этой коркой я макал в жидкость на поверхности тушки горбуши, а потом обсасывал ее. Когда последний кусок корки провалился на дно банки, я приступил к более решительным действиям, перочинным ножом отрезал «сегмент» горбуши и с жадностью отправлял в рот. Минут через пять на дне банки осталась жидкость, запрокинув голову, выпил из банки все до конца. Наступило сытое блаженство. Но его испортила вдруг возникшая боль в желудке. «Отравился?» – сразу пришла в голову эта мысль. Но тогда я подумал: что тут удивительного – двое суток ничего не ел кроме черного хлеба.

Между тем поезд неуклонно приближал меня к Москве. Вот и столица замелькала в окнах вагона.

Когда я вышел на площадь «трех вокзалов» меня охватила мелкая дрожь и придавил к асфальту невообразимый, никогда мной раньше не слышанный шум. Этот концентрированный шум сливался от лязга и гудков проходящих и уходящих поездов и электричек, перестукивания на стыках рельсов трамваев, непрерывного шороха протекторов автомобилей и взвизгивания «клаксонов». Самое главное, толпы людей стоящих, движущихся в противоположных направлениях, причем большинство из них что-то громко говорили друг другу. Придавленный, подавленный этим шумом и «вечным движением» минут десять находился в оцепенении. Меня толкали, стучали чемоданами, сумками, но я стоял непоколебимо. Постепенно стал адаптироваться к происходящему вокруг меня, стал крутить головой, соображая в какую сторону мне податься. И вдруг я увидел совсем рядом букву «М». Это было спасительное метро, налегке (вещмешок был почти пустой – пара носок, да трусы) быстро двинулся через непрерывно идущий людской поток к входу, купил в кассе билет и встал с некоторой тревогой на эскалатор, посматривая вниз: конца почти не видно. «Как же люди смогли прокопать землю на такую глубину и на этой глубине направить в разные стороны под Москвой электропезда?» – раздумывал я, крепко держась за резиновую ленту. Я знал, чтобы оказаться в центре, надо доехать до «Охотного ряда». Поднялся наверх, огляделся: слева от меня Кремль, Исторический музей, прямо передо мной площадь с огромным домом в конце –

Манежем, направо, как бы поднимаясь в горку, вилась большая улица. Это была улица Горького, в конце которой находился Белорусский вокзал, откуда я и должен совершить последний бросок – в Каунас. Нужно было, во что бы то ни стало, сегодня же выехать в Каунас. В ином случае перспектива была мрачной: просидеть голодным всю ночь на вокзале. Поэтому решил быстро двинуться пешком на Белорусский вокзал. По приблизительным подсчетам денег на билет до Каунаса в общем вагоне хватало, а вот на еду – ни копейки. Шел и видел, как все улицы и площади утопают в кумаче и транспарантах, на которых было написано: «800 лет столице» или «1147 год – год рождения Москвы». Теперь-то я понял, почему на улицах праздничная обстановка и такое яркое оформление. «Приехал в Москву в день ее рождения. Может быть это к добру, удаче», – подумал я и, забыв о голодном подсаживании в желудке, в приподнятом состоянии духа быстрыми шагами двинулся дальше.

Улица прервалась, налево от меня в конце площади появился Белорусский вокзал. Здесь мне предстояло решить главную задачу дня, точнее, всего тяжелого авантюрного путешествия.

На вокзале нашел нужную мне кассу, отстоял минут 30 в очереди, все это время нервничал, что не будет билета до Каунаса или денег на билет не хватит. Кассирша сказала, что есть место в «сидячем» вагоне пассажирского поезда № 8 Москва – Каунас, который отходит в 19.30. Протянул ей деньги, она выдала билет и сдачу. Я был вне себя от радости: билет в карма-

не и еще есть 15 рублей. До отхода поезда оставалось почти пять часов. Прикинул: куплю пирожок с повидло, а потом обязательно московское мороженое – «эскимо на палочке». Так и поступил. Купил пирожок, съел его на скамейке в зале ожидания и пошел бродить по прилегающим улицам, уходить далеко от вокзала почему-то не хотелось. Сказалась провинциальная привычка – приезжать на вокзал за два часа до отхода поезда. Время прошло незаметно, в половине седьмого я уже стоял на перроне. Вскоре подали состав и я один из первых вскочил в вагон и занял место на второй скамейке слева по ходу движения, у окна. Билеты в сидячем вагоне типа пригородной электрички не нумеровались, поэтому выбор места был свободным. Вначале, когда поезд тронулся, глядел в окно. Маленькие городские дома, заводские корпуса, затем все это сменилось дачными поселками. Незаметно для себя задремал, а потом и уснул. Очнулся от сна, когда поезд подходил к Каунасскому вокзалу.

Вышел на привокзальную площадь, огляделся по сторонам. Это был другой город, не похожий на те города, которые я видел – Свердловск, Пермь, Камышлов, Москва. Это был далекий Запад. Люди говорили здесь на другом, неизвестном мне языке, говорили спокойно и тихо. На такси денег у меня не было, была какая-то мелочь только для билета на автобус. Все вывески были на литовском и русском. Без особого труда я нашел автобус, на котором было написано: «проспект Ленина, Зеленая гора, Спортивный ком-

плекс». Зеленая гора мне и была нужна. Минут через пятнадцать я стоял перед двухэтажным особняком, половина которого была окружена садом, а окна другой половины смотрели на спортивный комплекс. Стоял и думал: «Неужели мне удалось проехать расстояние примерно около трех тысяч километров. Я цел и невредим, не умер от голода, не напоролся на шайку бандитов». Думал и о другом, разглядывая дом и его окрестности, а нужен ли я здесь моему брату и его молодой жене? Правильно ли поступил, оставив мать и младшего брата?

Но я был у цели. Никто меня не встречал, толкнул железную калитку, она поддалась, но дверь в особняк была закрыта, увидел звонок, осторожно нажал на него. Через некоторое время дверь отворилась, передо мной с удивленной физиономией стоял мой старший брат Герман.

– Братуха, откуда ты взялся, как ты сумел добраться до меня и остаться живым и здоровым?

– Как видишь, сумел – сдержанно ответил я.

Брат обнял меня, расцеловал.

– Потом расскажешь о своих приключениях. Жив – это главное в наше бандитское время. Сейчас немедленно сбрасывай свою одежду и в ванную, что-нибудь подберу для тебя из своих вещей. Ядя, Ядя, выходи, посмотри на нашего гостя, заморыша из Освенцима!

Из боковой двери вышла молодая, статная, длинноногая женщина. Я сообразил – это жена. Она подавала мне руку, сдержанно улыбнулась и сказала:

– Герман мне много рассказывал о вашей семье, маме, тебе, маленьком Роберте. Пока ты в ванной, мы устроим небольшой праздничный обед. Согласен?

Как я мог не согласиться, если трое суток держался на половине кирпича черного хлеба и выменянной на привокзальной «толкучке» банке лосося.

В ванной все блестело кафелем, полированными ручками, кранами. Такой ванны я не видел даже у своих двоюродных братьев в Свердловске. Бережно все потрогал, настроил верхний душ и залез под его теплые бодрящие струи. Блаженство! Последний раз я мылся недели три тому назад. Смены белья у меня не было, поэтому стал подгонять к своему исхудалому телу одежду моего брата. Подумал: «А свою – хорошо бы сжечь на костре, уж слишком много она перевидала». Наконец, укоротив великоватую для меня одежду, вышел в прихожую.

Дверь в одну из комнат была открыта и я увидел овальный стол, вокруг которого суетились Герман и его жена. Я громко сказал: «Спасибо». Они обернулись и расхохотались, глядя на меня, вернее, на мой наряд.

– Ну, братуха, с легким паром тебя, как у нас говорят на Урале. Мы еще немного поколдуем около стола, а ты выйди в сад, а минут через десять я позову тебя.

В саду насчитал шесть яблонь и несколько кустов смородины и крыжовника. Ветки яблонь ломились от зеленовато-желтоватых плодов. Яблони видел только в кино и на картинках учебников. На Урале вырастал

только один сорт яблок – «китайка» с яблочками размером в три-пять копеек. Яблоки эти были кисло-сладкими и сочными, их использовали для варения и компота. Сорвал местное яблоко с первой попавшейся яблони, надкусил его, почуяв аромат и сладкий вкус, сразу стал жадно «уплетать» его, затем сорвал второе, третье... Но дальнейшие мои намерения прервал призыв брата быстро идти за стол. Когда я вошел в комнату (видимо, гостиную) и увидел заставленный закусками и бутылками стол – закужилась голова.

Меня посадили между Германом и Ядвигой. Чего только не было на столе: ветчина, окорок, колбасы нескольких сортов, сало по-литовски, копченые цыплята и утка, лососина, угорь, красная и черная икра и другие в основном неизвестные мне закуски. Что это и как называется, я узнал потом, по ходу обеда. А сейчас должен выбрать самое вкусное. А что это самое вкусное я и не знал. Увидев мою растерянность, брат взял мою тарелку и положил на нее сначала рыбу, икру. Я с жадностью стал съедать положенное на тарелку. Брат стал разливать из незнакомой мне бутылки водку. Налил и мне, спросив:

– Ты водку пьешь, братуха?

– С 15 лет пью, по карточкам спирт иногда выдавали, – буркнул, не отрываясь от еды.

– Выпьем за твой приезд, ты молодец, обрадовал меня.

После второй рюмки, когда я уже был сыт по горло, Ядвига сказала:

– А теперь я хочу угостить тебя литовскими «цеппелинами» – это наше любимое кушанье, как у вас – пельмени.

Она принесла с кухни большое блюдо, на котором лежали присыпанные жареным луком «цеппелины». Ядвига положила мне один «цеппелин» и сказала: «Понравится, бери второй».

Доедая цеппелин, я почувствовал тяжесть в желудке, шум в голове и ощутил усталость. Брат отвел меня в соседнюю комнату и уложил на небольшой диван, приготовленный для меня. Я прикоснулся к дивану и тот час же уснул замертво.

Утром часов в шесть я проснулся от рези в желудке. Я бросился в коридор, нашел туалет. У меня был страшнейший понос. Резь в животе усиливалась, чувствовалось, что повышается температура. Будить брата я не решился, да и не знал за какой дверью его спальня. До восьми утра я мучился, и когда вышел из спальни брат, я сказал ему о своих проблемах. Он тут же позвонил и вызвал врача. В результате целую неделю я провел в квартире в полном одиночестве. Правда, ежедневно ко мне приезжала врач, давала микстуры, советовала, что есть и пить. Мое главное питье – это слабый кофе с цикорием, минеральная вода. К концу недели мне стало лучше.

Как-то после работы брат пришел ко мне в комнату, сел в кресло напротив меня и спросил:

– Теперь, когда ты почти поправился, скажи: как так получилось, что я не знал о твоём приезде, не встретил тебя.

– Мама написала письмо, в котором написала о моей поездке к тебе, но письмо, как видишь, не дошло. Сейчас письма идут по две недели, она не учла этого. Добрался нормально, двое суток с половиной до Москвы на багажной полке – нос в потолок, одну ночь в сидячем вагоне от Москвы до Каунаса. Ну, конечно, все это время голодал – все мои дорожные припасы – полбуханки черного хлеба. Вот и заболел я у вас оттого, что с голодухи объелся вначале яблок в саду, а потом навалился на ваши деликатесы. Какой человек может выдержать такое после длительной военной голодухи.

– Ладно, братуха, ты лечись, слушай врача. На следующей неделе устроим тебе экскурсию по городу, познакомишься с твоими двоюродными сестрами и братьями, которые, как ты знаешь, живут здесь. Поговорим и о планах переезда в Каунас мамы и Роберта.

Как договорились, на неделе Герман приехал домой после обеда на машине, и мы отправились по городу.

Вначале проехали по центральной части города – аллее Сталина (теперь ей вернули старое название – аллея Свободы). В начале аллеи стоял большой католический храм, кончалась аллея на большом рынке. Меня удивило, что по обеим сторонам аллеи было много пивных, кафе, ресторанов, магазинов. В небольшом уютном сквере, слева от аллеи стоял монументальный оперный театр. Его здесь, как и в Москве, называли «большим». На центральной улице находился театр оперетты, несколько кинотеатров. В целом аллея выглядела внушительно, красиво. Ничего

похожего я в своей жизни не видел, даже огромный Свердловск – эталон моих представлений о городе – внешне не выдерживал сравнений с этим небольшим городом.

– Сейчас город переживает тяжелое время, принято решение перенести столицу республики из Каунаса в Вильнюс, – заметил Герман. – Переводится труппа артистов оперного театра, предпринимались попытки перевести в Вильнюс музей художника и композитора Миколоса Чюрлениса. Горожане активно выступили против такого решения. Нам в горьком тоже пришлось как следует поработать. В результате – музей остался на прежнем месте. Я хочу тебе его хотя бы обзорно показать, – сказал Герман, – а потом у тебя будет возможность осмотреть его основательно.

Мы подъехали к большому внушительного вида зданию музея, расположенного в большом сквере. Порталы украшены скульптурами львов. Крыша музея готического стиля покрыта черепицей. Картины Чюрлениса удивили своей необычностью, во всяком случае до сих пор я ничего подобного не видел. В них было что-то неземное, небесно-космическое, создающее впечатление безграничной широты. Некоторые картины носили философический, инопланетарный характер.

Когда мы выходили из музея, брат потрепал меня по затылку и сказал:

– При желании ты многое можешь увидеть и девятый форт, где лежат останки героев войны, и орудия гестаповских пыток, единственный в мире Музей

чертей, самый большой в стране по теперешним временам крытый спортивный зал, где проходят международные спортивные соревнования по баскетболу и боксу. Но это в пяти минутах ходьбы от нашего дома, ты сможешь побывать там в любое время. Теперь давай поедем домой, пообедаем, а потом я на работу, а ты готовься к занятиям в 10 русскую гимназию, в которую ты зачислен.

Я гимназист

Новичок, да еще не просто школы, а гимназии, это меня довольно сильно волновало. Как встретят одноклассники, преподаватели, какие новые предметы, порядки в этой гимназии. Руководители просвещения республики после Великой Отечественной войны решили оставить основы прежней гимназической системы, взяв новые предметы и сохранив сугубо гимназические, такие как логика, психология, латинский язык и т. п.

1 сентября 1947 года, я гимназист 10-й русской гимназии Каунаса. А давно ли я был школьником Пышнинской средней школы, находящейся за тысячи километров от моей нынешней гимназии. Преодолевая чувство робости, даже трусости, я открыл дверь десятого класса. Класс был полон, оставалось несколько минут до звонка. Вначале на меня никто не обратил никакого внимания, маленькими стайками мои будущие товарищи обсуждали свое, им было не

до меня. Но тут один из ребят взгромоздился на стул и громко произнес:

– Мальчики, смотрите, а у нас новичок!

«Стайки» примолкли, повернулись в мою сторону. Некоторые пытливо рассматривали меня, другие проявляли полное равнодушие.

– Как зовут тебя? – продолжал оратор со стула. Как оказалось потом, оратором был Геннадий Чайковский, ставший моим близким товарищем.

– Марат, – ответил я довольно тихо. И как раз в это время в класс вошла классная руководительница Ольга Дмитриевна.

– Ребята, я смотрю, у вас знакомство состоялось. Прошу вас отнестись к Марату по-доброму, он при-

Учащиеся русской гимназии №10 г. Каунаса

ехал к нам с далекого Урала. Куда мне тебя посадить? Есть одно место на последней парте, будешь сидеть вместе с Владимиром Тихвинским.

Так началась моя жизнь в гимназии. Переход из простой средней школы в гимназию – процесс сложный, но в данном случае он облегчался для меня тем, что в классе, да и во всей гимназии учились в основном дети демобилизовавшихся из армии офицеров, старшин, решивших остаться в Каунасе на постоянное жилье. Ребята были из разных мест: Белоруссии, Смоленска, Курска, других городов. Они составляли чуть большую половину класса, другие были местные, коренные литовцы, каунасцы. Владимир Тихвинский был без комплексов, добрый, плутоватый и не по возрасту многоопытный человек. Он приехал в Литву еще в 40-м году – в год присоединения Литвы к СССР.

– Отец мой – священник русской православной церкви, которая находится рядом с гимназией, обязательно сходим ко мне, я познакомлю тебя с отцом, матерью. Они меня сильно ругают за мои «малые» и «большие» шалости, но чувствую, любят. Стараюсь этим не злоупотреблять, но когда домой утром возвращаюсь, куда тут денешься и как не воспользуешься родительской любовью. Ребята в классе в основном хорошие, я тебе о них расскажу, когда на уроке скукота наступит. А она для меня приходит очень часто. Но не обращай на меня внимания, я тебя на свою дорожку толкать не стану. Но во всем помогу, ты мне нравишься, я сразу почувял, ты многое ус-

пел повидать в этой жизни. Вот на второй парте сидит широкоплечий Коля Устюшин. Признанный лидер, основательный парень, с ним рядом сидит его друг Геннадий Чайковский, весельчак, балагур, болтлив, как базарная баба. Посмотри, справа на первом ряду – это Изя Ермоловский – сын крупнейшего каунасского цеховика. Неплохой еврей. А вот перед нами сидят твой тезка Марат Плоткин и Гарик Яхновский. Марат – парень компанейский, а Гарик – не от мира сего, «свихнулся на радиотехнике». Наш сосед по последней парте Радик Погнерыбко – добрейшая, простодушная личность. Вес имеет под 100 кг, а рост 190. Но никого пальцем не обидит. На сегодня все, мой дорогой коллега с Урала. С тебя за такую исчерпывающую информацию причитается. Пьешь?

– Выпиваю, война научила. Ну, а долг за мной не останется.

Как показала жизнь, его характеристики моих одноклассников оказались точными.

Впоследствии, пожалуй, ближе всех я сошелся с Николаем Устюшиным. Он нравился мне своей невозмутимостью, верностью и добротой. Устюшина судьба забросила в Каунас в связи с демобилизацией отца – подполковника, которому местные власти предложили стать начальником городского управления милиции. Обстановка в городе и особенно в сельской местности сохранялась сложной – «зеленые партизаны» яростно сопротивлялись советской власти. Отец Николая был в центре этой круговерти. Большие хлопоты у милиции вызвал сталинский

указ о борьбе с самогонварением. В магазине пол-литра водки стоили 110 рублей, а самогон в «шинке» – 40 рублей. Основа для борьбы была серьезной. Для нас, не скрываю стыда, эта борьба иной раз оборачивалась «развлечениями», «шалостями» сомнительного свойства. Как-то после уроков позвонил мне Устюшин и предложил встретиться:

– Приеду к тебе домой на своем лимузине.

Николай ездил на трофейном «Опель-адмирале», а иной раз – на американском мотоцикле «Харлее» с прицепом. В то время по дороге к городу техники самой разнообразной, брошенной отступающими немцами, было хоть отбавляй. Многие мастеровые-умельцы восстанавливали «Виллисы», «Студебеккеры», «Опели» всех марок.

Раздался звонок в дверь, я понял – это Устюшин. Он расстегнул ранец и вытащил из него солдатскую фляжку.

– Что случилось? – спросил я.

– Сегодня исполнился год, как мы приехали к отцу из Курска. По этому случаю необходимо и «клюкнуть». Давай рюмки. – Застигнутый врасплох я стал метаться по квартире.

Наконец поставил на кухонный стол две хрустальных рюмки, нарезал колбасы и литовского копченого сала. За годовщину мы чокнулись. Добросовестно до конца выпил рюмку и глаза мои стали круглыми, а в горле вспыхнуло пламя. Мое оцепенение длилось несколько минут, и только потом я смог спросить у ухмыляющегося Устюшина:

– Это что за огненная жидкость?

– Самый лучший самогон не территории города, 60 градусов, из чистого зерна. Вчера хлопцы моего отца рейд проводили по «шинкам» города, говорят, изъяли 3,5 тысячи литров, закрыли одиннадцать «заведений», основную часть самогона отвезли на ликероводочный завод на перегонку и продажу в магазинах, ну вот и нам с тобой немного осталось. Наливай-ка по второй, есть хороший повод: за дружбу. Ты третий месяц учишься со мной, я в тебе разобрался.

Выпили по второй. Такие выпивки были нечасто, только по поводу дней рождения друзей, праздников.

Мой друг из соседнего класса Олег Басус и Радик Погнерыбко были моими партнерами по танцам. Излюбленное место – техникум бумагоделательной и деревообрабатывающей промышленности, в нашем кругу – «бумажка». В техникуме учились преимущественно девушки из Белоруссии, Смоленской, Брянской областей, небольшое количество местных – литовских и русских. Это-то и привлекало нас сюда. Перед танцами я заходил к Радику домой, он вел меня в отцовский кабинет (отец Радика был крупным работником КГБ), открывал большой стального цвета сейф и перед нами открывался целый арсенал: автомат с магазином патронов, на верхней полке лежали три пистолета: «Браунинг», «Вальтер» и наш «ТТ». Радик брал ТТ проверял взвод, совал его за пазуху своего серого двубортного пиджака. «На всякий случай», – говорил он и, притопывая, продолжал: «Ну, Марат, а теперь идем штурмовать наших «бумажниц».

На танцах, как на танцах: кто на скамейках и стульях, кто стоял вдоль стен. Многие, особенно статные девушки, предпочитали стоять, чтобы показать все свои прелести. Радик был шустрый, как только входили в зал, он быстро обшаривал глазами помещение, высматривая первую «жертву». Джаз-оркестр заводил для начала танго. Радик приходил в состояние эйфории, ему хотелось станцевать сразу, по крайней мере, с тремя девушками. Наконец, понемногу успокаивался, поворачивался ко мне, плотно прижимаясь к груди, передавал мне пистолет ТТ и бросался к своей избраннице. Иной раз я в качестве «оруженосца» простаивал два-три танца подряд. Естественно, за это время присматривал приятную во всех отношениях девушку, теперь оставалось «разоружиться» и получить согласие девушки. И как только кончался танец и довольный широко улыбавшийся Радик подходил ко мне, я без разговоров разворачивал его к себе и всовывал ему за пазуху пистолет. Он не успевал и слова сказать, как я уже был свободен. Видя его постную, недовольную физиономию, говорил ему:

– Радик, ты пригласил меня на танцы как товарища или как оруженосца? Отдохни от своих дам, отдышись и дай волю им и мне.

Так весь вечер танцевали мы с Радиком, передавая пистолет из одной запазухи в другую. Я тогда подружился с литовкой, ее звали Гражина, что в переводе с литовского языка значит «красивая». И она действительно была хороша собой: большие серые глаза, рыжеватые волосы, разбросанные по плечам, мягкая

задумчивость в глазах. Она выделяла меня среди других парней, была нежной и предупредительной. Где она сейчас, как сложилась ее судьба? Ранним летом, попрощавшись с ней у молодого куста жасмина, я уехал в Москву покорять этот город. Больше я никогда ее не видел.

Часто собирались у Марата Плоткина – любителя оперетты и мечтающего попасть в ГИТИС на факультет оперетты. Он старательно пел, подражая известным исполнителям оперетты.

После окончания гимназии приехал в Москву, пытался поступить в ГИТИС, но эта затея оказалась авантюрной. В результате он стал студентом-железнодорожником в Московском институте инженеров транспорта. В 70-е годы мы встретили его с Диной в Кисловодске. Он был авиационным инженером в звании подполковника, служил в Заполярье. Мы провели вместе несколько вечеров, он по-прежнему без умолка пел, был весел и оптимистичен.

Из всех моих друзей и товарищей самым близким для меня человеком, особенно по душевным качествам, был Олег Басус. Красавец атлетического сложения, улыбчивый, он был привлекательным в любой компании. Мы знали друг о друге все, советовались, спорили, но, пожалуй, не было дня, чтобы мы не были вместе. У Олега была склонность, увлечение рисованием. Он еще в гимназические годы хорошо владел кистью, а затем успешно сдал экзамены в Литовскую государственную академию живописи. Он начинал перспективно, две его скульптурные работы выстав-

лялись на Всесоюзной Художественной выставке в Манеже. Но на живописи зарабатывать деньги трудно. Приятели пригласили его в бригаду реставраторов храмов, мол, будешь и храмы восстанавливать, и для любимой живописи время останется. Не получилось. В один из своих приездов в Вильнюс я с трудом нашел его, даже с помощью жены. А когда встретились, поговорили, я понял: он болен, у него явные признаки алкоголизма. Наша встреча была в какой-то мере исповедальной и, к сожалению, последней. Примерно в конце 60-х годов общие знакомые сообщили мне: «Олежки не стало». Он оставил двух красивых, как был он сам, девочек-погодков. Грешен, судьбы их я не знаю. Жена Олега после его смерти полностью порвала связи с его близкими, товарищами. Так нелепо сложилась судьба у этого прекрасного человека, моего душевного друга.

Незаметно пришла весна 1948 года: выпускные экзамены, выпускной вечер и тяжелые, противоречивые раздумья о своей перспективе, судьбе мамы и младшего брата, которые осенью 1947 года навсегда покинули родной Урал и приехали в Каунас. Их приезд осложнил отношения между Германом и Ядвигой. Будучи женщиной эгоистичной, ей не хотелось отрывать от себя небольшие средства, на которые жила семья, теперь состоящая из пяти человек. К тому же и у Германа дела на работе стали осложняться. Меня уговаривали остаться в Литве и поступить в Каунасский университет. Но, несмотря на все житейские проблемы, я твердо решил ехать в Москву, что-

бы попробовать поступить в Академию внешней торговли. Старший брат поддержал мое решение и даже подарил мне новый костюм. Он понимал: столица все-таки встречает «по одежке»,

В Москве по просьбе товарища моего брата меня взяли «на постой» две старушки – его мать и бабушка. Они проживали на Сретенке, в доме № 13 по Головину переулку.

Два дня я провел в Бабушкином переулке, где тогда находилась Академия внешней торговли. Пожалуй, не было ни одного сотрудника приемной комиссии, деканата, такого как я абитуриента, с которым бы я не побеседовал, выясняя каждый раз свою перспективу. Три дня я провел на улице Герцена № 11, ныне Большой Никитской, где тогда размещался Московский юридический институт. Теперь помещение института передано Московской государственной консерватории, а наш красивый с лепниной, хрусталем актовый зал, носящий имя бывшего генерального прокурора СССР – А. Вышинского, переименовали в зал имени великого пианиста и композитора – Сергея Рахманинова. Парадоксы перемен, что еще можно сказать по этому поводу.

На следующий день я сдал свои документы в приемную комиссию юридического института.

Итак, мой выбор состоялся. Чиновника внешней торговли из меня не получится. А четыре года напряженной учебы в Московском юридическом институте покажут, на что я способен.

БОТИНКИ ВСМЯТКУ

В этот день, как всегда, последним из общежития уходил Витька Покровский. Он суетливо пробирался к двери, натываясь на кровати. Мудрено было не натолкнуться: в двадцатиметровой комнате стояли шесть кроватей, четыре – параллельно одна возле другой, пятая – налево от входной двери, а шестая – за печкой, в самом удобном месте. На ней спал Витька. Зимой ему было лучше, чем другим. Мы мерзли люто: наши кровати упирались в большие, во всю стену, окна дачной комнаты-полуверанды, которые промерзали снизу доверху замысловатым голубым узором. В то февральское утро в комнате было холодно и неудобно. Дверь хлопнула: это Покровский бросился догонять последнюю электричку, чтобы успеть на первую лекцию.

Я остался один. В комнате, заставленной старыми солдатскими кроватями и деревянными обшарпанными тумбочками, стало щемяще тоскливо. «Странно как-то получается, – раздумывал я, натягивая до ушей солдатское одеяло. Если бы я просто захотел прогулять, то было бы другое чувство – веселой бесшабашности. А я хочу, но не могу идти в институт: мне элементарно не в чем идти. Ни один сапожник не

берет мою обувь в починку. До стипендии еще тянуть и тянуть».

Тяжело жилось студентам, особенно иногородним, в послевоенные годы. Большинство жило на стипендию. Наша стипендия – 220 рублей на первом курсе и 240 – на последнем. Из них 35 рублей – плата за общежитие, плюс подоходный налог, да еще за «бездетность», хотя мы сами-то, особенно на первых курсах, в чем-то были еще детьми. Видимо, хотели, чтобы мы поскорее обзаводились собственными. Еще обязательная подписка на государственный заем, проезд на транспорте. Прожить на оставшиеся деньги было искусством. Из всех нас, пожалуй, только Витька Покровский владел этим искусством блестяще. Получив стипендию, он шел на рынок, покупал большое ведро картошки, два-три килограмма овсяной крупы, две бутылки разливного подсолнечного масла. Все это до следующей стипендии составляло основу его существования. В большой, литров на пять, кастрюле Витька готовил себе на неделю варево из картошки и овсяной крупы, которое он торжественно называл «габер-суп».

«А в институте сейчас началась лекция по всеобщей истории государства и права. Лекция профессора Черниловского о Великой французской революции. Свобода, равенство, братство... Либерте, легалите, фратерните... А я вот сижу с ботинками «всмятку» и не могу выйти из комнаты».

Да, ботинкам пришел полный конец. Кожимитовая подошва отвалилась на две трети и еле-еле держалась

Это не простые студенты, а «блестящие» представители 32-й группы Московского юридического университета

у каблука. От бесчисленных ремонтов она превратилась по краям в бахрому, к которой подметку ни пришить, ни приклеить, ни прибить. Отработала свое. Не удивительно: эти ботинки носил около двух лет во все четыре времени года. И в кино, и на танцы, и в гости.

Было тоскливо и одиноко. Хотелось, чтобы поскорее пришел кто-нибудь из товарищей по общежитию.

Покровский всегда возвращался в общежитие позже других. Разогревая на плите свой «габер-суп», он каждый раз увлеченно и артистично рассказывал нам какую-нибудь новую историю.

– Ну, братцы, сегодня познакомился я с «чувихой» – блеск. Папа у нее – академик.

Во всех его историях папа очередной знакомой был либо академик, либо народный артист, либо генерал. Меньше по рангу не было.

– Был в «Ленинке», начитался до одури, вышел в коридор. Смотрю – прогуливается. Длинноногая, ноги из подмышек вырастают, талия, попка – все как по заказу», – увлеченно живописал Витька.

Эти рассказы о прелестных незнакомках украшали трудную, небогатую яркими событиями жизнь Покровского. Он так увлекался собственным монологом, что начинал верить в придуманное им. Это был спектакль одного актера. Витька никогда не ехидничал, рассказы его были полны доброты, юмора, чистоты. Он был оптимист и большой фантазер. Хотя и чувствовалось, что эта бесшабашность – всего-навсего спасительная бравада, которая помогала ему выстоять, не бросить учебу в институте.

Иван Филатов особенно любил слушать Покровского. Девушки, встречи, танцы, любовь – этот мир, эти чувства были для него неизведанными, непережитыми, он знал о них лишь по книгам да рассказам. В сорок первом восемнадцатилетний Иван ушел из родного рязанского села Сасово на фронт и вернулся домой в январе 1945-го на деревянном протезе вместо левой ноги. Это был удивительно трудолюбивый, застенчивый человек. Было трудно представить, как он мог сохранить в себе эти качества, пройдя войну, окопы, госпитали, видя разруху, смерть, горе, страдания людей. По утрам Иван просыпался раньше других – сказывалась солдатская привычка – свешивал с кровати единственную ногу, задумчиво и грустно глядел на небольшую «культю». Так сидел он минут пять-десять, горестно раздумывая и вздыхая. Потом пристегивал к культе деревянный массивный протез и, стараясь не разбудить нас, растапливал печку, ставил чайник. Пока разгорались дрова, Иван штудировал конспекты лекций и первоисточников. Трудно, очень трудно давалась ему учеба.

...В промерзшую комнату вкрадчиво вползали сумерки.

«Сегодня не приду, завтра не приду – староста обязательно сообщит в деканат. Он иначе не может, формалист и зануда. Затребует справку от врача, а где ее взять? К тому же я здоров. Назвать истинную причину – не поверят, да и стыд-то какой.

Послать телеграмму матери? Она с младшим братом еле концы с концами сводит, живут впроголодь

на 600 рублей. Попросить у тети Анны? Она и так почти каждый месяц по 100 рублей присылает тайком от мужа. Постой-постой, а может, у капитана Зотова? Он поймет, если трезвый будет».

А трезвого мы его видели все реже и реже. Наш сокурсник, бывший гвардейский капитан, Петр Зотов возвращался в общежитие всегда поздно вечером. Часто бывало, что он не поднимался в свою комнату, расположенную на втором этаже, в мансарде, а шел прямо к нам.

– Привет, пролетарии умственного труда! – бросал он с порога, улыбаясь пьяной улыбкой. Затем проходил к кровати Ивана Филатова, хлопал его по плечу и требовал:

– Кончай зубрежку, солдат одноногий, давайте отдохнем!

Зотов открывал кожаную офицерскую сумку, медленно, многозначительно вытаскивал два круга ароматно пахнущей чайной колбасы, кусок круглого голландского сыра и клал все это на тумбочку.

– Ну, навались, голодающая интеллигенция, а не то к концу учебы останутся от вас очки, скелет и студбилет!

Иван навтытяжку замирал возле своей тумбочки и наблюдал за действиями бывшего капитана. Наконец, со дна сумки Зотов извлекал промасленный бумажный сверток. На тумбочке появлялись две аппетитно лоснящиеся от жира копченые каспийские селедки. Мы выходили из оцепенения и вытаскивали свои ножи и вилки. Но тут же слышался командный голос:

– Стойте, антихристы, люди непутевые! Кто же такую закуску съедает без родименькой нашей? – И с этими словами доставал из кармана широких офицерских галифе бутылку «Особой московской».

Пока Покровский собирал по комнате стаканы, Зотов, обнимая Филатова, вопрошал:

– Ваня, а Ваня, скажи, пожалуйста, как называется слово, производное от «кафе»? – не дождавшись ответа, пояснил сам: – Кафетерий. Верно?! А вот теперь то же самое проделай со словом «закусочная». Что получится? Ну, говори! Опять не можешь? И чему тебя только учат в институте! – «Закусерий». Правильно? Так вот, – продолжал скоморошничать Зотов, – сегодня здесь и открылся студенческий закусерий.

Иван по-детски хохотал и тискал Зотова. Взяв стакан, Зотов резко запрокидывал голову, кадык судорожно дергался на его худой длинной шее в такт большим звучным глоткам. Минут через пять после этого капитан замокал, как-то надламывался в спине, прищурено оглядывал нас поверх очков в круглой металлической оправе. Затем с трудом, после двух-трех попыток, вставал, молча двигался по лабиринту кроватей, выходил в коридор и, держась за стены, медленно поднимался по скрипучей деревянной лестнице. Мы считали: раз, два, три... Вот последняя – двадцать восьмая. Дошел благополучно Зотов до своей мансарды. Там, не раздеваясь, в сапогах и гимнастерке, валялся на кровать и мгновенно засыпал.

Я так и постеснялся тогда попросить у него в долг. А много позже, перед самой весенней сессией, Зото-

ва из института отчислили. Он не попрощался ни с кем из нас, днем, во время занятий, собрал вещи и уехал в родной Ярославль. Позже мы узнали причины его исключения. Зотов был добрым, широким, компанейский человеком. Его сгубила доверчивость. Познакомился в пивной с веселой компанией. Были в ней и бывшие фронтовики, с которыми он быстро нашел общий язык. Попросили продать на Перовском рынке импортные часы. Согласился, быстро продал, деньги до копейки вернул компаньонам. Им его щедрость понравилась, дали еще пару часов. Продав, получил часть выручки, и пошло-поехало. Втянулся. Каждый день то ресторан, то бега, то девицы. Словом, завертело парня. Однажды, когда он успешно реализовал три пары швейцарских трофейных часов, к нему подошли двое в штатском. В МУРе, на Петровке, все прояснилось. «Компаньоны» в новые швейцарские корпуса вставляли изношенные часовые механизмы, а продавали их как импортные. Зотова осудили условно: учли офицерское звание, заслуги, ордена: «Красная Звезда» и «Отечественной войны».

«...А что, если отбить телеграмму Виктору Попову?» – озарила вдруг мысль. Виктор, мой старый друг, служил в авиационном полку истребителей-перехватчиков. В военное время мы учились вместе в школе, вместе голодали, собирали весной на полях мерзлую картошку, по жнивью – колоски, ели суп из крапивы и олады из картофельных очисток. Он-то хорошо знает, что такое безденежье и голодуха.

Я схватил лист бумаги и начал составлять текст телеграммы: «Ростов, п/я... Попову Виктору Алекс. Вышли 400 рублей». Нет, слишком лаконично и категорично. «Если сможешь, вышли 400 рублей». Перечитал и зачеркнул написанное. Нужно же объяснить, почему и для чего я прошу деньги «Прошу тебя, если сможешь, вышли 400 рублей: ботинки разорвались». Пожалуй, вполне подходяще.

...Целую неделю я просидел в общежитии. Как назло никто в эти дни не захотел «прогуливать», «сачкануть». Всю эту удивительно длинную неделю я просидел один в пустынной, неуютной комнате. Как только слышались чьи-то шаги, вскакивал и бежал к двери. Увы, это не были шаги почтальона.

Извещение принесли в пятницу после обеда. На сером бланке стояла цифра – 400 руб. Все еще не веря, я перечитывал извещение. Почтальон, пожилая женщина, прервала оцепенение: «Работы у меня много: пол Перловки обегать надо, все меня ждут. Пиши вот здесь прописью цифры, ставь фамилию и забирай свои деньги». Я обмакнул ручку в пузырек с синими чернилами и дрожащей от волнения рукой вывел «Четыреста рублей».

Оставшись один, я обалдело глядел на стопку денег и думал: «Как все сложно и как просто. Завтра я снова выйду на улицу, поеду в институт, буду прикасаться к людям, находиться среди них. Оказывается, ботинки – это не просто обувь, это свобода. Как у профессора Черниловского – либерте, легалите, фратерните...»

УЧИТЬСЯ БЫТЬ МУЖЧИНОЙ

В пятницу перед началом летних каникул третий курс Московского юридического института в полном составе собрали в актовом зале. На сцене сидели декан факультета Прозоров и заведующий военной кафедрой полковник Хворостян. Увидев такую компанию, мы сразу смекнули – в военный лагерь, на все лето. И не ошиблись. Полковник Хворостян сказал:

– Вы прошли теоретический курс вневойсковой военной подготовки. Для присвоения каждому из вас офицерского звания необходимо, чтобы вы полученные знания закрепили на практике: научились ползать по-пластунски, стрелять из боевого оружия и, как вам ни покажется смешным, освоить непростой процесс наматывания обмоток. В воскресенье в 11.00 ваш эшелон отправится в город Киров (теперь Вятка).

Зал охнул.

– В Киров, да это же около тысячи километров, неужели поближе места не нашлось, чтобы поползть на брюхе?!

Полковник, как бы не замечая реплик из зала, продолжал:

– В городе вы погрузитесь на пароход и по реке Вятка придете к местечку Вижкиль. Скучать не буди-

те, ваша служба будет проходить вместе с находящейся там на учениях пехотной дивизией.

Розовощекий, пухленький декан Прозоров визгливо произнес свою коронную речь:

– Кто будет плохо учиться, манкировать (это было его любимое слово) дисциплину и порядок в военном лагере, исключим из института, оставим без диплома! У нас рука не дрогнет, – и он потряс в воздухе своей жирной, розовой рукой.

Ребята окружили полковника, задавая ему вопросы про одежду, питание в дороге и т. п. Я же оставался со своими мыслями. Для меня военный лагерь оказывался делом вполне подходящим. Домой, в Каунас ехать – денег нет, оставаться в общежитии: сдохнешь от скуки, осатанеешь от одних макарон и картошки. Так я подвел итог своим размышлениям и влился в общую тусовку. Ко мне подошел Юрка Китаев, мой хороший товарищ, а иной раз и собутыльник.

– Старик, дело серьезное, на полтора месяца из столицы уезжаем, здесь же без нас вся жизнь захирет, «закусерии» обанкротятся.

– Давай подгреем в шашлычную на Арбате, по такому случаю считаю, что это не пижонство и не расчужительство. Не корчи морду – знаю денег у тебя нет, как всегда, и я не осуждаю тебя за это. Ты как сын полка. У меня денег в данный момент тоже нет ни копейки. Но мы с тобой сейчас мигом на троллейбус, едем ко мне, я со слезой в глазах рассказываю Марии Ивановне, что нам предстоит в лагере (так в шутку он называл свою мать).

Добрейшая, умная, любящая своих двух сыновей, настоящая русская женщина. Низкий ей поклон. Я вспоминаю, как она вскармливала нас с Юркой, когда мы вместе с ним готовились к экзаменам.

Мария Ивановна, услышав наш рассказ, даже всхлипнула чуть-чуть. Хотя ей-то – жене, кадрового боевого русского генерала, не раз и не такое приходилось слышать и видеть. Достала из сумки деньги и сказала:

– Ведите себя прилично, а на дорогу, – успокоила нас она, – я еще немного прибавлю.

Вот щедрая русская душа. Наверняка знала, что выделенные ею деньги пролетят без остатка.

Мы душевно посидели в «Риони», с трудом найдя там место, съели по шашлыку «по-карски». Юрка ел мало, а вот пил исправно с большим желанием и удовольствием. Я же наоборот любил поесть, правда, выпить тоже не отказывался, но пил в меру. Иной раз бывало, придем в «закусерий», я съем свою и его закуску, а он даже не притронется. Когда он выпивал сверх меры, он обязательно искал «спарринг-партнера», чтобы помериться силой. И в этот раз он не изменил своему правилу. Но все, к кому он приставал, оказывались миролюбивыми, добродушными людьми, да и моя «дипломатическая роль» влияла на ситуацию. Расстались мы, слава Богу, благополучно.

Сбор был назначен на товарной станции Рязанской железной дороги. В центре станции стояли двухосные вагоны, оборудованные двухярусными нарами, на которых в те времена перевозили солдат, да

заключенных. Часам к 10 компания почти собралась. Посадкой руководили офицеры с военной кафедры полковник Хворостян и майор Иванов. Оба они – боевые офицеры, прошли всю Отечественную войну «от звонка до звонка», еще не отвыкли от воинских порядков. Они вызывали у большинства из нас уважение, мы снисходительно относились к их недостаткам, особенно речевым. Майор Иванов, например, во дворе института во время строевых занятий подавал такие команды: «От меня до очередного столба – развернись!». В начале такая команда вызывала у нас гомерический хохот, но потом мы ни малейшего внимания не обращали на стилистику майорских команд. Полковник Хворостян – вся грудь в орденах, настоящий боевой офицер, мы любили слушать его своеобразную, украинскую речь и особенно выговор некоторых фраз. Он говорил, обращаясь к очередному нарушителю: «Студент Словин, я вас навчу, я вас выгоню».

Любопытно было разглядывать со стороны собравшихся «призывников». Некоторые были одеты в ту же одежду, в которой ходили в институт. Другие извлекли из дальних углов своих квартир старые пиджаки, ватники, отцовские гимнастерки и сапоги времен Гражданской и Отечественной войн. У большинства за плечами висели вещмешки. Но были и другие. Изя Бирштейн и Савва Каганович с трудом, по очереди тащили большой дощатый чемодан времен Гражданской войны с двумя мощными коваными ручками и уголками по краям. Довольно увесистый

чемодан тащил хиленький Гарик Гайсинович. Глядя со стороны, это вызывало улыбки, подначки.

– В буфет можно вечером заглянуть? – острил Володя Черемных.

– Заглядывай, только вагоном не промахнись, – смахивая со лба обильный пот, отвечал Савва Каганович.

– Что в этих старых баулах? – невольно возникал вопрос. Неужели все содержимое можно съесть за трое суток пути? Жизнь показала, что расчет у их обладателей был взят на все сорок пять дней. Справедливо говорят, что человек познается в дороге и в беде. Студенты есть студенты, как только в 11 часов «товарняк» тронулся в сторону нелепо далекого Кирова, наступило бесшабашное веселье, потянуло на песню, гитару. Ну, я был бы большой враль, если бы не сказал: потянулись руки и к бутылкам. Тут законодателями были Юрка Китаев и Володя Черемных. Китаев – большой любитель и знаток поэзии, наизусть строчил Фета, Есенина, Вознесенского, Евтушенко, Окуджаву. Но голос его стихал по мере выпитого. Выпили общий тост, за 32-ю группу и ее славный коллектив. Хорошо, что вагоны формировались по учебным группам. После общего братания разошлись по компаниям. Дорога не только проверяет людей, но и соединяет их в коллектив.

В расположении военной части все началось с бани. Нас привели к большому деревянному дому и старшина приказал раздеться «до гола», а свои вещи положить рядами при входе в «чистилище». Похожа-

тывая, повизгивая, мы один за другим ринулись в баню. Баня оказалась большой, с несколькими отделениями, душевыми и традиционными банными «шайками». Хохот, подначки, обливание друг друга из шаек. Я ходил в Московские городские бани и хорошо знал их порядки, но здесь все происходящее походило на веселый аттракцион. Старшина, ведающий этой процедурой, посматривал за нами, достаточно ли тщательно мы смываем московскую и дорожную пыль. Потом он приказал группами выходить из бани на большую лужайку. Здесь мы увидели и вначале не осознали до конца: для нас в разных углах поляны лежали груды чистых гимнастеров и брюк, шинелей, пилоток и ботинок с обмотками. Да, чуть не забыл, еще и большая груда нижнего белья. Мы растерянно оглядывали эту ярмарку солдатской одежды и не знали с чего же начать? С шинели, ботинок – смешно?! Старшина, видя наше смятение, распорядился, чтобы не было толчеи – одна группа примеряет нижнее белье, вторая – гимнастерки, третья – пилотки. Проблемы начались с гимнастеров, они были для нас смехотворно коротки, узки в плечах. Старшина успокаивал:

– Обмундирование, бывшее в употреблении, «БУ» называется, ничего сносится, свыкнется.

Пилотку можно было надеть только поперек головы (нам в Москве разрешили оставить короткую стрижку – отсюда и проблемы). Дольше всего все подбирали ботинки с обмотками, одному они были слишком длинны, другому – даже не закрывали ик-

ры ног. Ну а всеобщий карнавал начался, когда разобрали шинели. Ребята были в основном рослые и полы шинелей болтались у них между поясом и коленками. Самое смешное – в солдатской форме никто не узнавал друг друга. Я был выше среднего роста и мне удалось после ряда замен, обменов с товарищами одеться более-менее складно. Старшина построил нас в колонну «по три» и повел к месту нашего расположения. Место расположения – это палатка на шестерых, впритык друг к другу, ночью с одного бока на другой мы переворачивались «по команде». Одна тумбочка на двоих. Умывальник на улице. Вот это и есть быт и размещение в условиях полевых военных учений.

Старшина построил нас снова в шеренгу «по три» и сказал:

– Идем ужинать.

Это известие вызвало всеобщее ликование. Столовая находилась на противоположной стороне лагеря, так что нам каждый раз приходилось проходить через все расположение дивизии. Солдаты срочной службы, увидев нас в «новом» обмундировании, покатывались от смеха, бросали добрые и дерзкие реплики.

– Ну, что «дикая дивизия» – это вам не лекции слушать.

– Пупы свои берегите, земля здесь глинистая, а гимнастерки у вас как детские распашонки,

– Посмотрим, что вы можете, барчуки городские.

Через неделю мы стали всеобщими любимцами, а наш марш-бросок к столовой – необходимым вечер-

ним развлечением для солдат. Мы разучили несколько песен не в полной мере строевых и с большой нарочитой лихостью их распевали, иной раз за некоторые из них нарывались на команду старшины: «Отставить песню». Но пока он останавливал песню у первого взвода, второй и третий ее продолжали. Это все вызывало у солдат-срочников искреннее веселье.

В семь утра утренняя поверка. Сквозь сон слышишь команду старшины: «Взвод, на утреннюю поверку». А глаза твои спят, веки не открываются, движения неверные, ватные. Но знаешь – нужно быстро надеть брюки, ботинки и тщательно намотать обмотки. Дело это совсем непростое. После переклички – бегом несколько кругов, гимнастические упражнения. Вначале, на первом же круге у кого-нибудь обязательно разматывалась обмотка, бегущие следом не замечая этого, наступали на нее. Виновник вываливался из строя под наш смех и брань старшины. Только разобрались с первым провинившимся, на третьем круге сваливается обмотка у Словина. Хохот, брань старшины и снова бегом. Так каждое утро. Правда, к концу учений обмотки разматывались редко. Навыки и сноровка приходили к нам с каждым днем. Самая тяжелое – «работа на плацу». Плац – это огромная чаша выгоревшей песчано-глинистой земли.

Первое задание: вырыть окоп в собственный рост, точнее до плеч, оборудовать бруствер под стрелковое оружие. Жара 37-40°, гимнастерка прилипла к телу, пот катится градом. Вначале очень тяжело, а затем привыкаешь и, когда глубже уходишь в землю, она

дышит тебе навстречу прохладой. Все это следует сделать за определенное время, за которым следит командир нашего взвода лейтенант Сергей Иванович Дроздов и что-то помечает в планшете. Потом будет разбор занятий. Дроздов нам нравится, он спокойный, вежливый, справедливый в отличие от своего коллеги рыжего Ивана Звонарева, командира второго взвода наших сверстников, с которым они не в ладу.

Поребежки с полной выкладкой и ползки по-пластунски под палящими лучами солнца, пожалуй, потрудней, чем копание окопа. По-пластунски требовалось проползти вначале 200, а потом и 300 метров. Ползешь, а под короткую гимнастерку попадают камни, галька, сучья. Вот тут и вспомнишь реплику бывшего солдата: «Пупы, пупы свои берегите».

Мне нравились занятия на стрельбище. Нас учили стрелять по мишеням из пистолета ТТ, карабина, автомата «Калашникова» и скорострельного пулемета. Стрельбами руководил фронтовой капитан, весь в орденах и медалях, требовательный, и резкий. По сравнению с военным прошлым наши эмоции, трясущиеся руки его наверняка раздражали. Наше отделение выстроилось вдоль длинного бруствера, на котором было установлено оружие определенного вида. Перед ними стояли соответствующие мишени. Из пистолета ТТ стреляли более или менее спокойно. Правда, у Попова, Кагановича рукоятка чуть-чуть не вырвалась из рук, и пули улетели «в молоко». Капитан зло матюкнулся и с усмешкой сказал:

– Так и бабу не удержите.

Стрельба из карабина сложилась нервно. Карабин при стрельбе дает сильную отдачу, поэтому надо приловчиться, крепко прижимать к плечу приклад. Капитан скомандовал:

– Рядовой Попов, ложись.

Володя Попов опустил на бруствер, взял карабин, я заметил, что у него трясутся руки и ствол ходит ходуном. Но еще больше меня это видел капитан, который стоял рядом с ним.

– Ну, обними ты приклад как девушку покрепче и не закрывай при этом глаза, а то пуля улетит в небо.

Володя лихорадочно нажал на спуск и уткнулся головой в песок бруствера. Капитан уничтожающе смотрел на него сверху вниз, как коршун на добычу.

– Рядовой Попов, встать.

Бледный Попов, пошатываясь, встал, от правого уха и дальше за гимнастерку текла струйка крови. Когда дошла очередь до меня, я шустро бросился на бруствер, расправил плечи, поставил локоть на упор и стал целиться. Все мои пули попали в мишень. Капитан бросил:

– Вот Шишигин, видно, не первый раз берет оружие в руки, у него и результат отличный.

Видимо, меня выручало то, что во время войны приходилось охотился в уральских лесах и болотах, добычливостью не отличался, но обращаться с оружием умел.

– Рядовой Гайсинович, - выкрикнул капитан. Худой, шупленький Марк сейчас казался еще меньше, он обречено лег на бруствер, подтянул к себе карабин

и замер. Тишина затягивалась, Марк не нажимал на курок. Мы вполголоса торопили:

– Стреляй же, стреляй, не трусь.

Но Марк трусил и не стрелял. Молчавший до этого капитан не выдержал, желваки его заиграли, злоба застелила ему глаза, и он вне себя от гнева крикнул:

– Ну, стреляй же трусливый жиденок!

Но выстрела так и не последовало. На бруствере все замерли. Я уверен, что никто из нас не одобрял оскорбительного взрыва уважаемого боевого офицера. Для нас Марк был талантливым шахматистом, корректным, компанейским парнем, большинство из нас уважало его. Он был нашим товарищем. Это главное.

Марк поднялся с бруствера, по щекам лились слезы. Мы попросили капитана отправить его в палатку, но он отрезал:

– Пусть лежит на бруствере и учится быть мужчиной.

На следующий день в первом, втором, третьем студенческих взводах вышли «Боевые листки». В них были помещены фотографии с текстом: «Они лучше всех стреляли, берите с них пример». Среди пяти фотографий была и моя. Мне поставили высшую отметку по всем видам стрельб, кроме скорострельного пулемета.

Утренние и вечерние поверки, портянки, проклятые обмотки, которые я так и не научился быстро наматывать, учебные стрельбы, ночные походы с полной выкладкой, ползки по-пластунски, теоретические занятия – так незаметно прошли эти сорок

пять трудных дней. Я как-то повзрослел за это время, окреп физически, по-другому стал смотреть на происходящее и, как уже писал, но повторяю, – я окончательно убедился, что необычные трудные условия жизни проявляют человека, показывают, какой он есть на самом деле. Действительно умен или вместо ума непрекращающаяся заимствованная фразеология, честен или лжец, щедр или скуп, надежный или продажный. Уверен, военные учения в Вижкиле не только мне, но и большинству из моих сверстников пошли на пользу.

В пятницу нам объявили: рано утром едем на станцию Котельничи, которая находится рядом с Кировым, и оттуда в товарных вагонах – в столицу. В Кательничах старшина выдал нам под расписку дорожные деньги: 3 рубля 50 копеек! Гуляй братва и на эти деньги питайся в течение двух, двух с половиной суток. Отношение к нам военного ведомства было, прямо скажу, небрежным: отучились и катитесь в свою столицу, как сумеете. Для российских порядков это характерно.

Китаев, Жигуленков, Соколов, Идашкин, я и еще три парня из второго взвода решили, во что бы то ни стало уехать из Котельничей на одном из проходящих пассажирских поездов, идущих из Сибири в Москву. Скорый поезд Омск – Москва проходил Котельничи в 17.00 и на следующий день в 9 утра прибывал в Москву. Ребят в Москве ждали родители, меня никто не ждал, но я так же стремился в Москву, в свое общежитие, ставшее мне родным домом.

Решение принято. Но как его осуществить?

Не дожидаясь ответа на этот вопрос, мы все-таки, пусть нас простят родные, воспитатели, ринулись в станционный буфет, где проели и пропили все дорожные деньги. Всего-то по три с половиной рубля! Мы были не одиноки: по перрону, группами и по одиночке расхаживали веселые «кирнутые» демобилизованные студенты. Когда мы вышли из буфета, к нам подошел наш командир взвода Дроздов и с тревогой в голосе сказал:

– Ваши ребята из второго взвода устроили «темную» и довольно жестоко избили своего взводного Звонарева.

В принципе это было справедливо. Стукачей и доносчиков тогда было предостаточно. Но в военной среде, мы по наивному думали, этого нет. Дроздов рассказал нам, что Звонарев записывал некоторые наши студенческие разговоры, фразы, тексты песен и все это передавал оперуполномоченному госбезопасности в штаб полка. А ведь эти бумажки могли попасть в институт, повлиять на судьбу некоторых из нас. Как известно, плохие вести не лежат на месте. Когда наши ребята узнали об этом, то в Котельничках решили устроить самосуд над Иваном Звонаревым. Судя по реакции, наш Дроздов не любил своего коллегу и с нескрываемой радостью под честное слово рассказал нам об этом. Нам нравился наш взводный, мы крепко обнялись с ним и пожелали успешной службы теперь уже «полным» лейтенантом и пригласили в Москву. Юрка Китаев сказал:

– Приезжай, грустить не дадим ни одной минуты!
– Тут он как всегда был прав.

Между тем приближалось время прибытия поезда Омск – Москва. Вот как только попасть в вагон, отсидеться там до Москвы? Одни предлагали, чтобы каждый из нас наметил себе вагон и сам пробивался в него. Но победило все-таки коллективное начало: решили вместе пробиваться в один вагон. «Нахрапом», сметая проводника – явно не подходило. Рассудительный и осторожный Гриша Соколов предложил: мы выдаем себя за встречающих родственников из пятого купе, у которых большой багаж. Идея в принципе понравилась, тем более другой не было. Как поезд тронется, соберемся в рабочем тамбуре и там проведем переговоры с проводником. Чем ублажать его? Как уговорить, что бы до утра не открывал рабочий тамбур? Хорошо бы дать денег. Это, как правило, действует безотказно. Повыворачивали карманы, посчитали – насчитали 7 рублей 35 копеек. За такие деньги проводник не только не станет разговаривать с нами, только обозлится и на ближайшей станции выкинет нас.

– А если, рассказать мужику все как есть, может он и смилостивится и провезет нас до Москвы, – предложил я. Так и решили. Поезд вытягивался вдоль перрона: пятый, шестой, седьмой вагон. На подножке седьмого вагона – приятный пожилой проводник. «Штурмуем его» – мы бросились за седьмым.

– Товарищ, дядя, – галдели мы, – у нас в пятом купе родственники с большим багажом, переезжают на

житье в Вятку, пропусти нас, мы поможем им, а то не ровен час, до Москвы доедут.

Не дожидаясь согласия, один за другим бросились в тамбур. Помогло одно обстоятельство: проводника отозвал для решения какого-то вопроса начальник поезда. В служебном тамбуре было грязно, валялись два ведра, пахло мочой. Но для нас это было купе СЭВ, не ниже. Пол оказался сухим, разместились по четверо вдоль каждой стены, ноги вперемежку. Вначале хотели ремнями затянуть ручки двери тамбура. С ходу не откроешь, но это скандальный вариант. Колеса поезда, тем не менее, мирно стучали по стыкам рельсов, поезд набирал скорость. Проводнику, как мы прикинули, часа полтора будет не до нас: надо проверить билеты, раздать постельное белье, напоить чаем. Приход проводника мы ожидали часам к десяти. Состояние было нервно-веселое. А наши-то в Котельниках на нарах в «телячьих» вагонах мерзнут и ждут, когда же их прицепит какой-нибудь поезд. А мы катимся в сторону столицы. «Но не говори гоп, пока не перепрыгнул» – украинцы люди практичные, такие и поговорки имеют.

В начале одиннадцати рукоятка двери тамбура задергалась – проводник пришел проверять перед сном свое хозяйство. Покрутив рукоятку, потолкав дверь, он понял: в тамбуре кто-то есть.

– Откройте, немедленно дверь, а то на ближайшей станции сдам в милицию! – Однако голос у него был мягкий, не злой, и мы решили вступить с ним в переговоры, сняли ремни с рукоятки и открыли дверь.

– Вот вы где родственников с багажом встречаете, трепачи безбилетные! Небось из лагеря сбежали, урки беглые? Что мне с вами делать, через час будем проезжать большие Гороховецкие лагеря, если я вас не сдам там, то их конвойные группы вас все равно заберут, – рассуждал проводник вслух.

– Кто вы такие, если не воры в законе беглые, – осмелел он, почуяв нашу робость. Тогда мы, перебивая друг друга, стали рассказывать про себя.

– Мы студенты Московского юридического института, полтора месяца тому назад нас привезли в военный лагерь «Вижкиль» на реке Вятка. Там мы маршировали, стреляли, ползали по-пластунски, ходили в ночные походы. Теперь мы без пяти минут лейтенанты. От Котельничей мы должны были ехать до Москвы на нарах в товарных вагонах, имея каждый на еду 3 рубля 50 копеек. Как думаете, товарищ проводник, весело ли трое суток в товарняке на черном хлебе да воде добираться до столицы? Простите нас, мы зайцы безбилетные, но нас нужда заставила так поступить.

Проводник вглядывался по очереди в наши грязные физиономии и чувствовалось, как он начинал верить в наш сбивчивый рассказ.

– По закону я должен снять вас с поезда и сдать милиции, но крути, не крути с вами, все равно в Москву отпускать придется. Бог с вами, сидите тихо, через полчаса будут Гороховецкие лагеря, весь поезд будут проверять, говорят группа заключенных побег совершила. Я закрываю тамбур своим ключом и больше ничего о вас не знаю.

Замок щелкнул и мы вновь погрузились в темноту. Через 30-40 минут поезд стал снижать скорость, тормозить. Слышалось, как вдоль вагонов пробежали патрули, их сапоги скрежетали по щебенке. По окну тамбура мелькали лучи фонариков. Военные команды перемешивались с матом. Стоп! Возле нашего тамбура зашуршала под сапогами щебенка, заповизгивала овчарка. Затем дверь тамбура резко распахнулась и на верхней ступеньке показался капитан с пистолетом в руке. За его спиной на ступеньках стояли два солдата с автоматами. Один держал ремень овчарки.

– Вот вы где б... беглые, не удалось обхитрить нас, размазать по стенке барачков, – произнес вступительное слово капитан. Затем он поднялся в тамбур, осветил его фонарем и нервно крикнул:

– Встать, вашу мать! Предъявите документы! – Он был уверен, что поймал ту группу беглецов из Гороховецкого лагеря, которую разыскивали. Документов у нас действительно не было. Но порядок все-таки есть порядок: «Предъявите документы!»

– Товарищ капитан!

– Какой я вам товарищ? Тамбовский волк тебе товарищ. – отреагировал офицер на начавшуюся речь Юрки Китаева. Мы поручили вести переговоры ему.

– Мы совсем не те, гражданин капитан, за кого вы нас принимаете. Мы студенты из Московского юридического института. Кстати, мы ваши коллеги, все лейтенанты Вооруженных сил, – Китаев начал балагурить. – Нам два дня назад эти звания присвоены

Приказом Командующего Московским военным округом.

У капитана яростно задергались желваки, он с большим удовольствием врезал бы Юре рукояткой пистолета, но чутье опытного человека сдерживало его.

– Где же ваши документы о лейтенантском звании? – Наступал капитан. – Прекратите этот спектакль, иначе через пять минут будете в автозэке, а через тридцать на холодном полу штрафного изолятора.

– Не горячись, капитан, – Юрка входил в роль московского ухаря. – Наши удостоверения в Госзнаке печатаются, если захотите, можем пригласить на торжественное вручение: улица Герцена, дом 11. И вообще, хватит нести нас, ты (нарочито грубовато обратился Юрка) опытный офицер-розыскник внутренних войск, посмотри на наши головы. Что-то я не видел ни одного зэка, который бы разгуливал с прической, а у нас посмотри... В Москве под «бокс» и «польку» будем стричься.

Вдруг у меня мелькнула мысль: «А ведь у каждого из нас есть групповая фотография в военной форме». Я вытащил записную книжку, раскрыл ее там, где лежала фотография, и резко сказал:

– Посмотри, гражданин капитан, хотя бы на это доказательство нашей правды – и не дожидаясь его реакции, сунул под луч фонаря групповую фотографию в солдатской форме, на которой были шесть из восьми задержанных.

Капитан нехотя взял фотографию, внимательно изучил ее. Затем стал сопоставлять фото и живую физиономию каждого. Выражение лица его менялось, он понял, что взять нас как беглых зэков у него нет оснований, а неприятностей может быть хоть отбавляй.

– Ну, ладно, езжайте студенты-лейтенанты домой, повезло вам, на доброго человека попали – он спрыгнул с лестницы тамбура, хлопнул дверью и запер ее на ключ.

У нас не было сил радоваться после этой встречи, она на всю жизнь оставила неприятный осадок.

Поезд тем временем набирал скорость, подавая протяжные гудки. Дорога в Москву для нас была открыта. До встречи с ней оставалось около двух часов.

Бурный 1962-й...

Как я стал антрепренером

Весь 1962 год прошел для меня под знаком Хельсинского фестиваля молодежи и студентов. В начале года меня пригласил к себе Александр Камшалов, секретарь ЦК ВЛКСМ и без всяких вступлений сказал:

– Марат, тебе предстоит месячная поездка по Финляндии с группой молодых артистов. Будете ездить по маленьким городкам, поселкам и агитировать за фестиваль. Говорят, в Финляндии о фестивале знают только в Хельсинки, да Тампере. У меня есть кое-какие идеи по составу группы, но не решаюсь тебе, работнику сектора творческой молодежи, их называть. Так что собирай вещички, через неделю отъезд, билеты заказаны на поезд «Москва – Хельсинки». Но еще увидимся, – и протянул мне руку. Не удержался и продолжил:

– Поездка, как у нас говорят, «голубая», тебе повезло, первый выезд за границу и сразу в капстрану и на целый месяц. Позавидовать можно.

Я стоял, как обалделый от неожиданного предложения, и не сумел даже как следует энергично, с энтузиазмом поблагодарить своего секретаря.

– Постараюсь... Сделаю, как надо, спасибо за доверие...

Через неделю поезд «Москва – Хельсинки» увозил в соседнюю Суоми компанию артистов, во главе с новоиспеченным антрепренером, руководителем делегации, в общем, самым главным человеком для тех, кто проедет со мной тысячи километров. А со мной собралась совсем неплохая группа артистов: Урве Таутс, народная артистка Эстонии, солистка оперного театра «Эстония», Петр Красуля, солист Киевского оперного театра, Олег Иванов, пианист-аккомпаниатор, братья-близнецы Воронины, известные в то время акробаты, братья Колоски из украинского танцевального ансамбля Павла Свирского.

В качестве начинающего антрепренера я провез эту замечательную, талантливую эстрадную группу через две трети Финляндии и организовал за 20 дней 43 концерта

Повезло мне – братья Колоски тоже были близнецами, половина коллектива – близнецы! Как показало наше путешествие – это действительно было благо: единодушия и организованности легче добиться.

Последний наш компаньон по фамилии Халл присоединился к нам в Петрозаводске. Руководители Петрозаводского музыкально-драматического театра

Таких талантливых самородков акробатов-близнецов как братья Воронины наша эстрада еще не видела

порекомендовали его в качестве переводчика, конференсье-ведущего наших концертов. Карело-финн по национальности он неплохо знал финский язык. Правда, это «неплохо» обернулось для нас курьезными ситуациями.

Знакомство проходило быстро. Подъезжая к пограничной станции «Лужайка», нам показалось, что мы давно знаем друг друга.

Организаторы наших гастролей – Демократический Союз народов Финляндии (ДСНФ) – влиятельное в то время общественное движе-

ние, активно поддерживало идеи фестиваля. В него входили профсоюзы, компартия, молодежные объединения и т. д. Они предложили такой маршрут: Лахти, первый крупный город на пути к столице, затем такие города как Хамменлинен, Ювескуле, Куонио, ряд других небольших городов и поселков. На все время путешествия за нами закреплялись два микроавтобуса «Фольксваген» с постоянными водителями. В Лахти – известном всему миру городе лыжного спорта – нам предстоял первый концерт. После беспечной «расслабухи» в поезде началось предконцертное волнение, тем более это было первое выступление перед неизвестным зрителем. Широко известно, что финны люди весьма и весьма сдержанные, умеющие скрывать свои эмоции.

Перед отъездом из отеля меня познакомили с переводчиком. Это был плотный, коренастый мужчина, примерно пятидесяти лет отроду. Он представился:

– Николай Николаевич, – и, не ожидая возможных вопросов, добавил, – остался здесь после войны и не жалею.

Интуитивно я почувствовал, он не добрый, не доброжелательный, а, возможно, в отношениях с соотечественниками и просто злой человек. События предстоящего вечера показали, что я не ошибался в своих оценках этого человека.

Когда мы приехали в клуб, принадлежащий социал-демократической партии, я попросил Николая Николаевича и Халла вместе обсудить программу нашего первого концерта, определить его «забойщи-

ка», исполнителя заключительного номера, который создал бы хорошее настроение зрителей от всего концерта. Единодушно решили: завершить концерт должна Урве Таутс из Эстонии исполнением финской народной песни и песни современного эстонского композитора. Я вошел в зал, там по моим подсчетам разместилось примерно 400-450 зрителей.

Открылся занавес и петрозаводский драматический актер Халл поприветствовал зрителей от имени нашей делегации, рассказал о целях и маршруте нашего турне. Зрители сдержанно приняли его слова, тем более что он оказался мало артистичным, вяловатым для роли ведущего. Могучий бас молодого украинца Красули внес в ряды зрителей заметное оживление, блестящие трюки акробатов-близнецов Ворониных, искрометные украинские танцы вызвали дружные аплодисменты всего зала. Я стал приходить в себя, появилось чувство удовлетворения и уважения к таланту моих новых друзей. Последний номер – выход Урве Таутс. Теперь уже зал бурными аплодисментами встречает исполнение песни на финском языке. Все! Казалось бы полный успех. Но не радуясь, пока не завершил до конца дело. Как говорят на Украине: «Не говори гоп, пока не перепрыгнул». Так оно и случилось. Конферансье Халл произносит:

– А сейчас Урве Таутс исполнит современную эстрадную песенку эстонского композитора Кырвера...

И тут в зале происходит что-то непредвиденное, необыкновенное: зрители загудели, захихикали, а некоторые просто захохотали во все горло. От такого

неожиданного поворота я впал в транс, в шоковое состояние, бессмысленно крутил головой. В это время из-за кулис выскочил переводчик Николай Николаевич и грубым бесцеремонным голосом прошипел:

– Марат Васильевич, «кырвер» по-фински это то, что у Вас, русских между ног болтается и на три буквы называется! Ваш Халл – настоящий болван – он должен это знать, а так же и то, что в цветных носках у нас конферансье не работают.

Трудно было что-то сказать в оправдание этой комически-трагедийной ситуации. Урве Таутс тем не менее, не обращая внимания на реакцию зала, уверенно допела эстрадную песенку Кырвера, которую после этого казуса мы стали называть просто «Весенней песней».

Так закончился наш первый концерт в Суоми в поддержку хельсинского фестиваля. Ну, а утром следующего дня, подводя итоги первого концерта, я отстегал публично, не стесняясь в оценках и выражениях, Халла, пригрозив отправить его в Петрозаводск. Но это не помогло мне сделать из него приличного конферансье. Правда, черные вечерние носки он купил и теперь неизменно выходил в них на подмостки. Мне пришлось взять на себя некоторые его функции и выступать перед каждым концертом с небольшой речью о целях нашего приезда, отвечать на вопросы зрителей.

В пятнадцати городах и поселках – это почти половина Финляндии – наши выступления проходили успешно, зрители неизменно приветливо и сердечно

встречали нас. На всех выступлениях, как правило, присутствовали градоначальники – мэры, вице-мэры, председатели муниципалитетов. Почти всегда после концерта к нам за кулисы приходил кто-то из градоначальников и приглашал на торжественный ужин от имени города. Такие ужины проходили непринужденно, на них мы отдыхали. Правда, ребята по просьбе хозяев исполняли какие-нибудь номера из своего репертуара. Чаще других приходилось «работать» Урве Таутс и Красуле. Красуля – весельчак и балагур – любил подвыпить, столы были обильные, и я боялся, как бы он не сорвался и не дал «петуха» во время своего исполнения. Ужины-то носили все-таки официальный или полуофициальный характер. Как-то, почуяв мои волнения, он подошел ко мне, под руку отвел в сторону и сказал:

– Марат Васильевич, Марат, пожалуйста, не волнуйтесь, я никогда не теряю головы, к тому же басы чем больше пьют, тем лучше поют.

Больше за него я не волновался. Он всегда пел охотно, от души и чем больше пел, тем лучше. Мы стали с ним большими друзьями.

Месячная поездка по Финляндии завершилась в большом Дворце конгрессов, принадлежащем компартии. Более тысячи собравшихся прослушали мои впечатления о поездке по стране, о встречах в рабочих коллективах, об отношении к идее фестиваля молодежи и студентов, который должен был состояться в конце лета в Хельсинки. Мои друзья завершили мое выступление концертом.

Так завершилась первая часть моих фестивальных «гастролей».

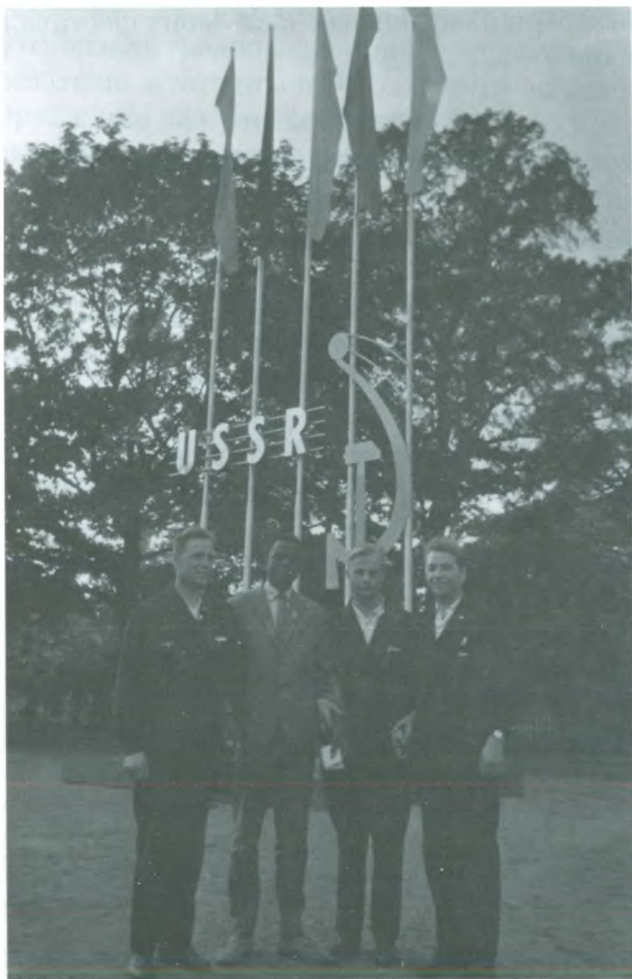
Сопостановщик балета

В июне 1962 года они действительно имели продолжение. Звонок по местному телефону: «Зайди». Это был Камишалов – наш секретарь. Я сел за приставной к руководящему столу столик и вопрошающе посмотрел на Александра Ивановича.

– Секретариат принял решение направить тебя в Петрозаводск для организационно-творческой подготовки к фестивалю балета «Сампо» на базе балетной труппы карело-финского музыкально-драматического театра. По идее Иосифа Туманова (главный редактор-постановщик фестивальной программы) «гвоздем» нашей программы должен стать балет «Сампо», поставленный по мотивам карело-финского эпоса «Калевала», его спектакли будут играть в главном оперном театре для широкой публики столицы. Предполагается, что балет посетит Президент Урхо Кекконен, Премьер-министр, депутаты парламента, городская знать. Не дрогнул?

– Пока нет, – ответил я.

– Месяц в начале этого года ты «осваивал» в Финляндии эстрадную тему, теперь берись за высокое искусство – балет. У нас нет сейчас более крупного сценариста по Финляндии, чем ты. Сергей Павлов

Советский флаг в небе Хельсинки

возлагает на тебя надежды, знает, что ты организованный, энергичный работник.

– Но для балета этих качеств маловато, – ответил я.

– В работе опирайся на помощь обкома партии, первый секретарь Иван Иванович Сенькин о твоём приезде знает. Успешно отработаешь в Петрозаводске, а там, на месяц в Хельсинки, на фестиваль. Так что гастроли тебе обеспечены. Бери билеты и езжай домой прощаться с семьёй.

Через два дня я был в Петрозаводске. Работу решил начать со встреч. Первая – с заведующим отделом пропаганды обкома партии Мартыновым. Мартынов сказал мне, что Сенькин полностью возложил работу с балетом на него, просил передать, чтобы я в необходимых случаях обращался лично к нему.

– Ну, я думаю, сиамские близнецы справятся, не подведут финских любителей балета, – пожимая руку Мартынова, сказал я.

Следующий визит к директору Петрозаводского музыкально-драматического театра Звездину. Я знал, что Звездин авторитетный в республике человек, раньше занимал пост Председателя Комитета по делам искусств Карело-Финской республики. Он радушно принял меня, выслушал, какие задачи ставит комсомол перед театром.

– Вы знаете, до последнего времени у нас была полноценная драматическая труппа, небольшой талантливый коллектив оперетты, вот и все. С опереточными актёрами «Сампо» не сыграешь, разве только пародию на него. Но, слава богу, два месяца

тому назад к нам прислали полный выпуск Ленинградского балетного училища имени Вагановой. Мы долго просили об этом, хотелось сформировать настоящий музыкально-драматический театр. Сейчас мы близки к цели. Выпускники все ленинградцы, хандрят по дому, девочки о мамах по вечерам плачут. Сразу молодых девушек и парней оторвать от семей дело сложное. Надеюсь, известие о поездке балетной труппы театра на гастроли в Хельсинки улучшит их настроение, вызовет прилив энергии. Никто из них ни разу не бывал за границей, даже в качестве туриста, а тут на целый месяц и сразу в капстрану. И не туристом каким-то, а в качестве артиста Петрозаводского музыкально-драматического театра. Мир краешком посмотрят, себя покажут. Марат Васильевич, я прошу вас, давайте, эти настроения используем в подготовке спектакля.

Звездин показался мне мудрым, добрым и хорошо знающим театральную среду человеком. Впоследствии мы стали друзьями.

Дней через пять в гостинице меня разбудил настойчивый телефонный звонок. Я посмотрел на часы, они показывали семь тридцать. «Кому я понадобился в такую рань?» – лениво раздумывал я.

– Алло. Я слушаю Вас.

– С добрым утром, если оно доброе, – прозвучали слова в трубке, – я узнал – это был Мартынов.

– Что случилось, Петр Иванович, фестиваль отменили, так это нам с тобой на руку, я вечером домой умчусь, а ты, наконец-то, в полную силу займешься

Наша гордость «Спутник» – любимое место отдыха жителей Хельсинки

пропагандой и агитацией на территории республики. А то сейчас это дело, я так чувствую, ослабло.

– Фестиваль обязательно состоится, – не принимая моего шутливого тона, продолжал Мартынов, – только без «Сампо».

– Что случилось, Петр Иванович, что-нибудь очень серьезное? Рассказывайте.

– Дело серьезное, я еще вчера договорился с Иваном Ивановичем Сенькиным, он примет нас в 12 часов. К 11 я зайду за вами в гостиницу, по дороге поговорим.

В одиннадцать часов сорок пять минут мы были в приемной у Первого секретаря. Вопрос стоял так: либо он решит наши проблемы, либо «Сампо» останется в Петрозаводске.

Ровно в двенадцать часов нас пригласили в кабинет. Сенькин встретил нас приветливо, с улыбкой:

– Мастера балета, антрепренеры, рассказывайте, как идет подготовка, какие возникают проблемы. Марат Васильевич, ты у нас главный, а мы с Мартыновым лишь твои помощники.

Я взял слово:

– Иван Иванович, репетиции идут интенсивно, по составленному графику. Артисты, узнав о месячной поездке за границу, как-то приободрились, работают с огоньком. Но все это может оказаться пустым делом, балет не попадет на фестиваль, если вы не вмешаетесь в решение ряда острых проблем. Работники Комитета госбезопасности сообщили нам, что дирижер театра и еще пять солистов балета выехать за гра-

ницу не смогут. Несмотря на то, что я приводил им, как мне кажется, убедительные доводы, они от своего решения не отступили. Возьмем первую проблему – отказ в разрешении на выезд дирижеру Владимирову. Владимиров характеризуется положительно как в театре, так и по месту прошлой работы. Однако это оказывается недостаточно, есть формальный «крючок», извините Иван Иванович, но с которого его можно снять без всякого риска и ущерба делу государственной безопасности. Да, он работал руководителем театра, дирижером в закрытом городе. По комитетским инструкциям он в течение пяти лет становится «невъездным» независимо от того, каким объемом действительно секретных данных он владеет. И владеет ли? В Большом театре десять дирижеров, столько же, наверное, и в ленинградской Мариинке. А тут на все про все один Владимиров. Другого дирижера не пригласишь – поздно, партитуру не освоит, к оркестру не привыкнет. Да и найдутся ли охотники? Выход один – нам с Мартыновым за дирижерский пульт становиться. Иван Иванович, вы знаете, недавно во время гастролей остался за границей талантливый танцовщик из Мариинки Нуриев. Официально установлено, что Нуриев остался не по политическим мотивам, а по причине принадлежности к сексуальным клубам однополых-голубых. Среди приглашенных для усиления балетной труппы из Пермского и Казанского оперных театров четверо оказались, по утверждению чекистов, «голубыми», и они признают их выезд нежелательным. Думаю, что главная причина

здесь – Нуриев. Но это все-таки перестраховка. Педерасты в балетной сфере явление довольно распространенное. Но, видимо, прежде всего необходимо учитывать их танцевальный, артистический талант, а не сосредотачиваться на их сексуальных отклонениях. Все четверо солистов, безусловно, талантливы, они отрепетировали свои партии в балете «Сампо». Оставить их в Петрозаводске означает сорвать гастроли балета в Хельсинки. Безусловно, это нанесет ущерб театральному искусству и авторитету республики. Будут и другие жертвы. Меня испепелят критикой в аппарате ЦК ВЛКСМ, а затем «выдвинут» на другую работу. Ну уж извините, Иван Иванович, что я проливаю слезы на вашу жилетку. И трудов положенных жалко, для молодых артистов это настоящая трагедия.

– Марат Васильевич, почуял я, не зря ты в комсомоле проработал, хорошо творческую среду знаешь. Во многом убедил меня – я твой союзник. Дайте мне сутки для решения этих проблем. Где-нибудь в 7-8 вечера завтра встретимся, я доложу, что сумел сделать.

Следующий день в Петрозаводске был для меня самым длинным. В первой половине дня пошел на репетицию. Балетная репетиция – зрелище необычное. Балерины и танцовщики одеты, кто во что горазд, точнее – кто что имеет. Три точки у женщины и одна у мужчин прикрыты трусиками, плавками, трусишками, лифчиками всех цветов, оттенков, фасонов. Участники репетиции энергично двигались, выпол-

няя волю дирижера и балетмейстера. Но внешне все это походило на цыганские пляски у костра.

Еще раньше я запросил в ЦК ВЛКСМ определенную сумму, с тем чтобы приобрести каждому артисту по комплекту репетиционного белья, чтобы не удивлять служителей Хельсинского оперного театра. Мое предложение поддержал Иосиф Туманов и деньги были выделены. Это сделало меня почти национальным героем Карелии.

Около семи часов следующего дня я уже был в кабинете Мартынова.

– Какая у вас есть информация? – Обратился я к Мартынову. Он не успел ответить. Раздался звонок внутреннего телефона.

– Это из приемной Ивана Ивановича, он ждет нас.

– Садитесь, успокойтесь, представляю, какими были для вас прошлая ночь и нынешней день. Я полдня, не менее, работал, чтобы разогнуть хотя бы часть «крючков». Опечалю тебя, Марат Васильевич, и Мартынова, не придется вам дирижировать балетом «Сампо» в присутствии знатной публики в Хельсинки, Владимиров сделает это за вас, – шутливый тон хозяина кабинета настраивал нас на хороший лад. – А вот с вашими солистами – «голубчиками» – поначалу был полный крах. Заместитель Председателя Комитета госбезопасности, которого я приглашал к себе, был тверд, несговорчив, все время ссылаясь на указания из Москвы. Пришлось использовать небольшой тактический ход. Я сам решил поехать к Председателю госбезопасности. Исходил из практи-

ки нашей жизни: чем больше начальник, тем смелее он решает сложные проблемы. Откровенно используя ваши аргументы, я рассказал ему о ситуации и просил разрешить проблемы. Задание ваше выполнил, но не полностью: три солиста поедут в Хельсинки, одного отстоять не удалось.

Я сердечно поблагодарил Сенькина и добавил:

– Выступление балета «Сампо» перед хельсинской публикой будет восприниматься как результат больших успехов Карелии в развитии культуры. Вот теперь мне не придется просить «политическое убежище» у Президиума Верховного Совета Карело-Финской автономной республики. Павлов наш крут, не простил бы мне провала с «Сампо».

Иван Иванович пожал мне руку, приобнял за плечи и сказал:

– Я бы и так без предоставления «политического убежища» позвал бы тебя на высокую государственную работу в республику. Понравился ты мне.

Как стало потом широко известно – спектакли балета «Сампо» прошли в Хельсинки с большим успехом при полном аншлаге. Они по праву стали центральным событием Хельсинского фестиваля молодежи и студентов.

Но на этом гастроли года для меня не закончились, как показали дальнейшие события, они только начались.

– Привет, Марат, должен обрадовать: тебя ждут новые, великие дела, еще масштабнее балета «Сампо». Спасибо тебе, ты отлично справился с этой слож-

ной, не каждому по плечу задачей. Иван Иванович из Петрозаводска звонил Сергею Павловичу: расхваливал тебя. А новое поручение тоже тяжелое и на первом этапе совсем нетворческое.

«А трусы для балерин и танцовщиков покупать – это дело творческое», – подумал я.

– Подготовлен проект, чертежи Культурного центра, который по договоренности с финскими властями будет открыт в центре города в 700 метрах от привокзальной площади. По проекту – это крытое помещение, в котором должны разместиться 400-450 человек. До открытия фестиваля осталось около месяца, Культурный центр должен быть смонтирован за два дня до праздника открытия. Тебе предстоит срочно вылететь в Ейск, там принять сооружение – зрительный зал, состоящий из дюралевых легких конструкций, покрытых серебристой аэростатной тканью. Доставка конструкций не твоя забота, за 10-15 дней до открытия фестиваля машины доставят груз. Но это не все. По нашему заказу в КБ им А.Туполева изготовят флаг-мачту высотой 10 метров. Тебе срочно нужно туда съездить, проверить, как она на деле монтируется. Марат, в Хельсинки тебе придется быть универсальным прорабом и приемщиком всех работ. На территории Культурного центра будут ежедневно демонстрироваться для широкой публики полнометражные фильмы. По специальному заказу на базе трехтонного ЗИЛа сконструирован уникальный складывающийся экран размером с экран широкоэкранный московского кинотеатра. Словом,

работы невпроворот, все чертежи у инженера управления делами Вадима Иванова, монтаж конструкций Центра обеспечат специально подобранные водители машин, доставивших грузы в Хельсинки. Команда большая, уверен, ты справишься. Когда Центр начнет действовать, к нему прикомандируют шесть переводчиц. Творческие вопросы будешь решать вместе с Геннадием Коваленко, главным редактором журнала «Молодой коммунист».

Когда Генеральный конструктор КБ Андрей Туполев узнал, что из ЦК ВЛКСМ приехали принимать стереофоническую раздвигающуюся до 10 метров в высоту флаг-мачту для фестиваля, он пригласил нас с Вадимом Ивановым к себе в кабинет, плотно заставленный чертежами и макетами. Да это была святая святых – здесь рождались великолепные, технически современные самолеты – гордость отечественного самолетостроения. Туполев отложил все дела и вместе с нами пошел в цех посмотреть, как собирается, разбирается, а самое главное раздвигается мачта. Она оказалась громоздкой, тяжеловатой, он сразу это заметил и предложил инженеру-проектировщику срочно облегчить ее.

– Наши самолеты летают в Хельсинки, а теперь вот в центре города будет стоять наша телескопическая мачта с государственным флагом страны. Это будет производить впечатление на обывателей, особенно недоброжелателей. Русские в центре города красный флаг подняли! Неожиданно! Великолепно! Желаю вам успехов, – Туполев энергично пожал нам

руки и проводил до проходной. Гениальные люди либо недоступны, нелюдимы, либо просты, открыты, дружелюбны.

Программа фестиваля рассчитана на три недели, мне же приказали с группой соратников выезжать за 10 дней до официального открытия. Мой отъезд не обошелся без приключения. Я долго с женой Диной укладывал в чемодан вещи, они топорщились, не хотели укладываться, как мы хотели. Так бывает всегда, когда уезжающие торопятся. Да еще хотят кроме прочих необходимых вещей уложить килограмма два колбасы, десяток банок рыбных и мясных консервов плюс плавленые сырки, пачки с сухим хлебом и галетами. Тогда существовало житейское неписаное правило: максимально пропитаться за счет привезенного «харча», а на сэкономленные деньги – валюту – купить необходимые вещи для семьи. Когда я выскочил с туго набитым чемоданом на Новослободскую улицу (я жил тогда в Вадковском переулке) и стал останавливать машину, то они словно не видели меня, проезжая мимо. Я начинал впадать в отчаянье: руководитель группы опаздывает на поезд и ставит тем самым под срыв график монтажа Информационного центра. До отхода поезда Москва-Хельсинки оставалось 30 минут. Расстояние от дома до Ленинградс кого вокзала для опытного шофера – проблема разрешимая, но машины по-прежнему объезжали меня. Тогда я встал на середину проезжей части, поставил перед собой чемодан и начал отчаянно размахивать руками, жестикулировать, кричать. Ка-

залось все – поездка сорвалась, но тут, резко затормозив, почти упершись бампером в чемодан, остановился черный автомобиль пикапа.

– Ты что тут хулиганишь? По харе хочешь заработать, убирай к чертовой матери свой чемодан.

– Послушай, – плачущим голосом сказал я, – опаздываю на поезд в зарубежную командировку на Хельсинский фестиваль. Слыхал, наверное? Меня с работы выгонят, если не приеду во время, а у меня семья. Кто кормить будет? Возьми с меня, вот, все деньги, что я мог взять – 50 рублей (зарплата в то время была 160 рублей).

– Убирай к черту свои деньги, садись и полетим.

Мне повезло, водитель был классный и улицы, переулки знал хорошо.

– Через Каланчевку?! Как думаешь?

Я думать не мог, меня словно выпотрошили. Водитель сумел проскочить вдоль левой стены вокзала, до начала платформы. Я схватил чемодан, сунул водителю смятую 50-рублевку и бросился к поезду. Мне чуть-чуть повезло – поезд стоял на самой левой платформе, в некотором удалении от вокзала. Когда до последнего вагона оставалось 5-10 метров, он медленно стал удаляться, нахально издевательски подмаргивая мне фонарями. Откуда у меня взялись силы, истошно крича проводнице, я догнал уходящий вагон, ухватился за ступеньку, на которой стояла проводница.

– Я из девятого вагона, я ваш, помогите, возьмите мой чемодан, – всхлипывал я.

Минут пятнадцать я сидел в коридоре последнего вагона, собираясь с силами. Поезд набирал скорость, постукивая по стыкам рельсов. Этот ритм стал передаваться мне, моему сердцу. Успел, успел...

До девятого вагона надо было преодолеть восемь вагонов и шестнадцать межвагонных площадок, а тут еще чемодан. Когда я дотащился до девятого вагона, я снова был еле живой, руки и ноги онемели, были ватными, сердце готово было выпрыгнуть из груди прямо в ладони.

Как мог резко открыл дверь нашего купе: все замерли, только Всеволод Бродский, главный художник издательства «Молодая гвардия», невозмутимо и точно разливал по стаканам «Московскую» с белой головкой.

– Я же говорил вам паникеры, малoverы, Марат будет с нами, без него и фестиваль-то не состоялся бы. Предлагаю за Марата, друга народа и нашего друга, – Всеволод Ильич красиво, как он это делал всегда, выпил стакан водки.

Мое второе в году путешествие в Суоми началось. В Хельсинки наша группа вначале поселилась в гостинице.

Через неделю в порт Хельсинки приходил теплоход «Грузия», на котором размещались руководители советской делегации, артисты, ансамбли, делегации Москвы, союзных республик. В глубоком трюме были отведены каюты для нас, в которых мы провели 3 ночи – не более, остальное время – в пропагандистском центре.

Вячеслав Шевченко – советский представитель в Международном подготовительном комитете фестиваля – привез нас утром на место, где мы должны были соорудать Информационно-пропагандистский центр. Для Центра была арендована у городских властей довольно большая площадь привокзального парка: лужайки, гравийные дорожки, бывшие теннисные корты, аллеи крупных деревьев. Лучшего места и желать не следовало. Обсудили и нанесли на ватман место основных сооружений: в центре – павильон – зрительный зал, слева от него – детская игровая площадка, между оградой парка и центром – танцевальная площадка. Справа от входа в павильон телескопическая мачта для государственного флага. Все было понятно, каждый объект можно было зрительно представить, а вот как это все превратить в реальность за два-три дня до открытия фестиваля, как раз в день пришвартовки в порту «Грузии» с советской делегацией на борту.

Работу начали с павильона, одна группа водителей-монтажников собирала, свинчивала детали вертикальных и горизонтальных труб, другая тут же рядом раскатывала рулоны серебристой чуть пористой аэроостатной ткани.

Валерий Иванов, Герман Кашаян вместе с группой переводчиков занялись планировкой и установкой песочниц, столов с цветными зонтиками и т. д. Инженер Вадим Иванов наряду со сборкой павильона занялся укладкой заранее заготовленных цветных сегментов, которые в сборе и образовывали яркую крупную площадку для танцев.

Ко мне подошла переводчица Таня и сказала:

– Марат Васильевич, с Вами хочет поговорить какой-то пожилой человек, он владеет русским языком.

Ко мне подошел человек с большим ящиком через плечо и сказал:

– Я российский еврей, живу здесь уже более пятнадцати лет, остался после войны, имею жену и двух дочерей. Старшая, правда, замужем. Двоих нужно одеть, накормить. Я купил лицензию на торговлю мороженым. Плачу налоги, остаются крохи. Разрешите, господин Шишигин (он уже узнал мою фамилию), торговать мороженым на вашей площади. Здесь будет много людей с детьми.

Я не понимал, почему ему нужно разрешение от меня. Уловив мое недоумение, он продолжил:

– Капитализм вы знаете по книгам, а здесь так обстоит дело. Вы арендаторы этой площади, вы платите аренду, поэтому и разрешаете мне торговать здесь, а я не плачу налогов с выручки, полученной здесь. Представьте, три недели с утра до вечера буду бойко торговать мороженым. Деньги на приданое младшей дочери отложу.

Я не раздумывал долго и сказал:

– Мы заинтересованы в том, чтобы сюда приходило как можно больше горожан. А вы будете этому способствовать.

– Спасибо, господин Шишигин, спасибо, а я прошу каждый день получать у меня мороженое, сколько скушаете.

– Думаю, этим делом займутся и хорошо справят-

ся с ним наши девушки-переводчицы, – заметил я.

Работа на площадке кипела с 8 утра и до 8 вечера. Обедали, лучше сказать, «перекусывали» как все русские строители. Квадратный литровый пакет кефира или молока и белая булка – вот и весь обед. Когда добирались до гостиницы, существенно поправляли дело: из чемоданов на стол – колбаса, сыр, шпроты, кильки, ну не будем скрывать, пара бутылок «Московской особой», с белой сургучной головкой, это значило «сделано в 8-м спеццехе». Мы этими прехитростями владеем в полной мере.

К концу вечера шоферы-монтажники закрыли аэроостатной тканью последний пролет. Но нужно было еще смонтировать сцену, внутреннее освещение зрительного зала, установить фонари на территории парка.

На следующее утро приступили к сборке телескопической мачты, не подвели туполевцы, смонтировали, подогнали – труба к трубе. Вначале привинтили широкую трубу к мощной станине. На земле лежала десятиметровая дюралевая мачта с кронштейнами для поднятия флага. Мачта впечатляла, выглядела стройной и казалась легкой и подвижной. Но когда мы, человек десять, попытались поставить ее «на по-па», то из этого ничего не получилось, она угрожающе (вот-вот переломится) стала прогибаться. Силенок наших поднять ее на станину не хватило. Как быть? Все казалось бы предусматривали в Москве, а вот схему, тактику подъема мачты, ее крепления не продумали. Виноватый был среди нас, но в силу

своего беспечного характера, он волновался меньше всех. Некоторые водители-монтажники предлагали поднять с помощью грузовиков. Но следующим утром мы убедились, что этот план неосуществим, не было канатов соответствующей толщины, самое главное, не было опыта. До прибытия «Грузии» и, следовательно, приемки Информационно-пропагандистского центра оставалось полтора дня, точнее один.

Завтра, во что бы то ни стало, мы должны были установить мачту и поднять флаг. Я всю ночь не спал, переваливался с боку на бок. Перебирал все возможные способы, но продуктивных методов подъема и крепления мачты так и не нашел. Да и как мог я их найти, имея юридическое образование и никакого опыта монтажника. Но не зря говорят: утро вечера мудренее. Эх, пословицы – провидцы! Всегда сбывались бы их предсказания. Когда утром мы подъезжали к вокзалу, я увидел, как у земляной ямы на обочине проезжей части копаются трое рабочих. Видимо, вышла из строя сигнализация на столбе. Около них стоял автокран и компрессор для отбойных молотков. Так вот это все и может решить нашу проблему! Меня аж передернуло от увиденного. Но увидеть – это еще не победить. Но в голове у меня же родилась идея: ребят высаживаю на площадке, а сам беру переводчицу, бутылку водки, банку икры и ходу к строителям. Через полчаса мы были у строителей – у них был перекур. Удобное для переговоров время выпало нам. Меня от волнения била мелкая дрожь.

Предстояли переговоры с финскими рабочими почти на «самом высшем уровне».

Мы подошли с Ниной-переводчицей, поздоровались на финском языке: «Хюве пайве!», затем на русском: «Здравствуйте ребята!». Они подняли головы, без всякого интереса вопрошающе посмотрели на нас. Мы попросили сесть на бруствер свежевынутой земли, и я приступил к дипломатическим переговорам.

– Я член советской делегации Хельсинского фестиваля, это моя переводчица Нина. На привокзальной площади мы организуем Информационный центр для обслуживания населения от мала до велика. Будем давать бесплатно концерты, показывать широкоформатные фильмы, устраивать танцевальные вечера. Приходите через два-три дня, все сами увидите. – Лица молодых рабочих изменились, устремились в нашу сторону.

Я продолжал:

– Мне привезли телескопическую дюралевую мачту-флагшток. А вот дома все не продумали и здесь установить ее не можем. А без этого беда: завтра наш комсомольский лидер, руководитель советской делегации будет принимать наш Центр, а как он оценит нашу работу? Площадь Информационного центра останется без флага нашей страны, а он должен указывать на то, что все, что мы сделали здесь это «советское, русское. – Финские ребята пришли в оживление, стали переглядываться:

– Сколько метров высота мачты? – наконец спросил один.

– Десять метров, – ответил я.

– Ну что поможем ребятам? – обратился к своим старший, по имени Хельмут.

– Фестиваль-то в нашей стране, в Хельсинки проводится, честь какая. Раньше помню все Венский, Будапештский. А вот теперь и мы, значит, у молодежи мира уважение к нам простым финским людям есть.

Тут я обнаглел от хороших речей:

– Ребята, а может за дружбу по рюмочке? – они сладко заулыбались, а увидев, что я из портфеля достаю бутылку «Московской особой» и банку красной икры, дружно произнесли по-фински «Спасибо!» и захлопали в ладоши.

Русская водка была в те годы символом России, причем символом в высшей степени уважительным, авторитетным. Это теперь мы ее затаскали, «опохабили».

Ребята стали доставать из сумок термосы, бутерброды, затем сняли с термосов стаканы и протянули мне. Я налил каждому по две трети стакана и предложил выпить за трудолюбивый финский народ. Пока ребята смаковали, мы с Ниной открыли банку икры и сделали бутерброды по-русски.

– А теперь выпьем за дружбу финской и советской молодежи.

Все встали вокруг выкопанной ямы, выпили по второй залпом и закусили икрой. Фестивали-то и проводятся ради того, чтобы каждый рабочий парень одной страны понимал и уважал другого в главных и основных житейских принципах.

Ребята деловито, с достоинством доели бутерброды, поблагодарили нас. Хельмут сказал:

– Мы сможем приехать к Вам на площадку к семи часам вечера. Ждите, – и крепко пожал Нине и мне руки.

Мы радостные возвращались на нашу «стройплощадку» и, посмотрев с высокой части ее от вокзала, несколько залюбовались результатами.

В центре серебрилась двускатная крыша зрительного зала, рассчитанная на 450 мест, справа от него была разбита детская площадка – четыре ярких стола с зонтами, четыре песочницы, качели, маленькие турники, несколько удобных скамеек для родителей. Дальше, минуя внутренний гравийный переход, красовался распластаный на земле деревянный восьмигранник в гамме официальных цветов фестиваля – это была танцплощадка. И вот только четвертый угол, где был широкий проход, прямо с городской людной улицы вовнутрь площадки, был пуст и не завершал общую архитектурно-планировочную конструкцию. Именно здесь должна быть установлена десятиметровая мачта-флаг. Сердце колотилось, вдруг установка мачты не состоится, наши новые финские друзья подведут нас. Но тут же я отбрасывал эту мысль: «Не подведут».

В половине седьмого вечера затарахтел автокран и мы увидели улыбающегося в кабине Хельмута. Народу собралось человек сто-двести: наши ребята, многочисленные зрители-зеваки. Хельмут и его друзья деловито обошли лежащий на земле ствол мачты, по-

стучали по металлу, проверили телескопические переходы. После этого Хельмут попросил всех отойти подальше, еще раз попросил у меня указать ему место укладки станины-держателя. Выразив при этом мысль, что станина может не выдержать порывов ветра и тогда флаг с флагштоком окажется на земле. А тут кругом дети, взрослые, нельзя допустить такой беды. Меня еще больше тревожила проблема устойчивости мачты.

В то же время Хельмут подмигнул мне и по-фински сказал:

– Ну, не горюй, Марат, что-нибудь придумаем.

И все-таки придумали. Одну половину массивной станины они зарыли на полметра в землю, укрепив ее песком и щебенкой. Вторую же часть, верхнюю, они имеющимися болтами привинтили к лежащей в земле. Сверху они положили две аккуратных бетонных плиты, засыпав их песком.

– Укоротили мы ваш флаг-шток на 75 сантиметров, – смеялись товарищи Хельмута. Ну а сам процесс подъема десятиметровой мачты длился не более тридцати минут. Они «схватили» ее в трех местах подъемными креплениями, включили мотор и наша мачта стала оживать, затем подниматься сантиметр за сантиметром. Когда кран поднял ее на полную высоту, он медленно задним ходом, стал подходить к станине, и когда нижняя часть поравнялась со станиной, Хельмут что-то крикнул своим ребятам по-фински. Они ломиками в руках стали подгонять отверстие к отверстию, а затем один за другим навинчивали боль-

шие гайки. Когда последняя была привинчена, Хельмут сбросил с мачты тросы и лично проверил огромным гаечным ключом каждый болт, прислонился к ней и вскрикнул: «Будет стоять, да здравствует фестиваль в нашем городе!»

Я подошел к каждому из ребят, обнял, вручил подарочную фестивальную медаль, персональный билет на все мероприятия Центра и шепнул при этом: «В зрительном зале маленький а-ля фуршет накрыт, приглашаем».

Хельмут отогнал в сторону автокран, ребята убрали строительный мусор. Тогда я говорю Вадиму Иванову:

– Привязывай к стропам флаг, сейчас поднимать будем.

– Да ты что, какое право имеешь? Тебя Павлов вместе с нами с работы снимет!

– Делай, говорю, не робей. Что будет, то будет.

Через пять минут на площади Информационного центра гордо развивался Государственный флаг СССР.

Теперь мы почувствовали облегчение. Наши многотрудные усилия завершились успехом.

Мы бережно опустили флаг, отцепили его от поднимающего троса и я убрал его в специальный чемодан. Но работы по благоустройству территории было еще невпроворот и, ограничившись фуршетом, мы решили остаться на площадке до утра. «Грузия», которая пришвартовалась в порту как раз напротив резиденции Президента Финляндии, являлась мес-

том пребывания руководства и всей советской делегации. Очень удобно: плавучая гостиница в центре города со своей администрацией, ресторанами, площадками для концертов, помещениями для приема иностранных делегаций.

Ровно в 11 часов у нашей площадки развернулся ЗИЛ темного цвета. Из него решительно вышел Сергей Павлов, Анатолий Светликов, Юрий Вереченко. Все они дружелюбно и более «на равных» чем всегда поговорили с нами, осмотрели концертный павильон на 450 мест, детскую, танцевальные площадки. Павлов как всегда был скуп на похвалы, но в то же время ни одного замечания не сделал. Я попросил Павлова поднять советский флаг и тем самым объявить финской молодежи, всем горожанам, что российский Информационный центр открылся.

Павлов немного задумался: открытие фестиваля завтра, но все-таки внимательно осмотрел десятиметровое инженерное сооружение и медленно поднял флаг СССР.

Площадь приобрела новый праздничный вид.

– Как же вы сумели такое сооружение поднять? – изумился Павлов. – У вас ведь кроме грузовиков ничего не было?

– Мы и сами удивляемся, что нам это удалось, хотя и не без помощи финских друзей.

Павлов был доволен, его голубые глаза сверкали радостью и энергией.

– Юрий Николаевич, – обратился он к Вереченко, заведующему отделом пропаганды ЦК ВЛКСМ, –

нужно сделать так, чтобы все до одного коллективы, большие или маленькие, отдельные солисты давали бы здесь концерты.

– Молодцы! – сказал Павлов, пожал каждому из нас руку и в сопровождении своей свиты уехал.

Советская делегация накануне официального открытия фестиваля получила в самом центре Хельсенки Информационно-культурный центр.

Первый день в Центре прошел вяло, как выяснилось, финны не могут представить себе, что посмотреть кинофильмы, послушать эстрадные концерты, да просто погулять по уютной площадке, можно бесплатно. Ну а на следующий день наша площадка была заполнена до отказа, из концертного зала выходили одни и тут же он заполнялся другими. Здесь выступали лучшие балетные советские исполнители, коллективы. Ансамбль Игоря Моисеева «Березка», Муслим Магамаев, Тамара Миансарова, Маргарита Суворова и многие другие. Со сцены нашего театра впервые прозвучали стихи Евгения Евтушенко «Сопливый фашизм», поэтический отклик на попытки некоторых фашиствующих союзов и партий сорвать фестиваль.

Трудно было учесть всех желающих посмотреть наши художественные фильмы, «мультишки». Молодежь начинала расходиться с площадки запоздно. Вот и спали по 6-7 часов в сутки на раскладушках, расставленных под сценой, о прекрасных обедах и ужинах на «Грузии» можно было лишь помечтать. Спали. Ни одного слова роптания, нытья за все это

время я не слышал ни разу. Это был единый заведенный на определенные цели коллектив. Я и сейчас, спустя многие годы, вспоминаю Геннадия Коваленко, Валерия Иванова, которых нет уже среди нас, Вадима Иванова, нашу «шестерку» переводчиц, на них держался Центр с его повседневной, многогранной работой.

Постепенно Центр стал вызывать интерес не только у делегатов фестиваля, он стал приобретать общегородскую известность. Информация о работе Центра доходила до руководства делегаций. Как-то на традиционном утреннем рабочем совещании Сергей Павлов посмотрел в сторону главного редактора журнала «Техника молодежи» Василия Захаренко и иронически заметил:

– Говорят, что в разрекламированном не без вашего участия салон-клубе для элитарной молодежи – пустота, жалкие посиделки двух-трех десятков молодых интеллигентов, потягивающих водку. А вот Информационно-культурный центр на вокзальной площади стал настоящим центром фестивальной жизни города. Ежедневно его посещают 10-15 тысяч участников фестиваля и жителей Хельсинки. Хорошая информация о работе Центра идет не только к нам, но и в Посольство, Компартию Финляндии. Предлагаю поблагодарить работников Центра и поскольку они вынуждены там находиться круглые сутки, прошу Анатолия Светликова выделить им добротные продукты питания, не забывая и о самом «главном продукте». Общение у них интенсивное, пусть имеют возможности для этого.

Мы замерли от этой оценки нашей работы, но она была справедлива и как всегда мудра.

В середине дня к нам подъехал маленький крытый грузовой автомобиль. Водителя грузовика не было видно, сияющее лицо Вадима Иванова заполнило кабину. Мы поняли, Сергей Павлов не пошутил, а когда под сценой открыли два больших цинковых ящика, обомлели: ровными рядами там лежали банки с черной и красной икрой, шпротами, сельдью, сырокопченой колбасой и водкой. Геннадий Коваленко, потирая руки и сглатывая слюну, твердил:

– Обмоем, обмоем и сейчас же.

Под сценой у нас был «обеденный гарнитур» – четыре пустых ящика с пятым посередине. Вмиг все «состоялось», и мы счастливые сидели на ящиках и под легкие пританцовывания очередных наших гостей-гастролеров с энтузиазмом выпили за успехи нашего фестиваля и здоровье нашего Первого.

Нас радовали успехи фестиваля, нашей делегации на нем, но были и другие, которые все еще надеялись сорвать фестиваль. Надеялись и активно действовали.

Прямо в центре города на улице Манергейм штрассе какие-то молодчики забросали советский автобус кирпичами. Один осколок, пробив боковое стекло, ранил в голову сотрудницу аппарата ЦК ВЛКСМ. Предпринимались попытки сорвать концерты наших исполнителей. Но, пожалуй, больше всего антифестивальных подонков раздражал наш Центр с развивающимся над ним красным полотнищем в самом центре города, – это была кость в горле. Русские в

центре города установили государственный флаг и хозяйничают, как хотят.

Однажды вечером, мы услышали громкие пьяные голоса, песни на немецком и финском языках. Вначале не обращали особого внимания – рядом с Центром находился популярный в то время ресторан «Био-Био», любимое место вожаков буржуазных партий и движений. Но голоса приближались. Сомнений не было, они шли громить Центр. Нас было девять человек, их было сотни две подвыпивших, напичканных антифестивальными идеями. Все решали минуты. Я стал звонить дежурному на «Грузию», попросил срочно позвать к телефону кого-нибудь из секретарей. Подошел Александр Камшалов.

– Прошу принять срочные, экстренные меры. На Центр движется вооруженная палками, прутьями пьяная колонна антифестивальщиков. Если не будет помощи – Центр будет сравнен с землей.

В это время «антифестивальные молодцы» с трех сторон окружили Центр, пока никто из них не пересек естественной разделительной черты между нами, это был садовый кустарник. Они выкрикивали оскорбительные слова как на финском, так и на немецком языках: «Убирайтесь с нашей земли, грязные русские свиньи», «Долой просоветский фестиваль молодежи» и так далее.

Перед лицом этой пьяной громады мы, честно говоря, испытывали чувство страха, с другой стороны, крепко чувство ответственности и бесшабашности, я бы сказал «ответственной бесшабашности», верил,

что никто не побежит, если ничего и не сможет сделать, чтоб сдержатъ этих молодчиков.

Вот-вот что-то должно случиться – стучало сердце. И вдруг стук сразу стал превращаться в шум моторов, резкие тормозные рывки. Наши!!! Один за другим на площадку въезжало шесть автобусов, полных ребят с теплохода «Грузия». Они все как один были в спортивных костюмах с вышивкой «СССР» через всю грудь. Приехали спортсмены: Жаботинский, Лагутин, Попенченко и многие другие. Они встали вдоль кустарника с нашей стороны, теперь создавалась хотя бы формальное равенство, «противники» стояли один против другого. С приездом советских делегатов напряжение не только не снизилось, а напротив, усилилось. В нашу сторону полетели бутылки, пустые пакеты, сигареты. Тогда наши ребята попросили у нас все, что есть колющее и режущее. Разобрали лопаты для уборки территории, детскую площадку с зонтиками. Напряжение противостояния достигло предела. Не хватало только одной искорки. Появись она, и совершилось бы побоище с неизвестным исходом, но понятно, что с большой кровью. Бог спас нас от этого кровавого месива.

Вдруг раздались звуки полицейских сирен и, ломая кустарник, прямо в сторону толпы молодчиков выехало шесть черных «Джипов». Из них выскочило по нашим подсчетам 20-25 полицейских. Старший из них подал какую-то команду, они развернулись в цепь и через нашу территорию, ломая кустарник, вторглись в колонну хулиганов. После еще одной ко-

манды старшего полицейского офицера, они выхватили резиновые дубинки и, не ожидая следующих указаний, ринулись в толпу, слева на право нанося удары стоявшим перед ними. Соппротивление полицейским почти не оказывалось, никто из них не оборачивался назад, опасаясь, как бы не ударили сзади. Но это было наше, советское восприятие столкновения милиции и толпы. Находились агрессивные разъяренные молодчики, на таких сразу надевали наручники и, беря за ноги и за руки, с размаха бросали в открытые двери «Джипов». Двум десяткам полицейских потребовалось 15-20 минут, чтобы укротить, разогнать толпу, примерно в 200 человек подвыпившей молодежи. Меня потом спрашивали, а почему не помогали приехавшие с «Грузии» спортсмены. Полицейский офицер в первые минуты, видя крайнее возбуждение наших ребят, предупредил, что их действия – это пресечение противозаконных, хулиганских действий пьяных молодчиков. Столкновение наших ребят с финнами расценивалось бы, как драка и была бы названа прессой «антифестивальным побоищем». После того как «Джипы» покинули нашу территорию, тут-то наши эмоции проявились в полную силу. Мы обнимались, пели, водили хороводы, выкрикивали лозунги: «Да здравствует фестиваль! Привет из Хельсинки всей советской молодежи! Фестиваль был, есть и будет!».

Вот так был спасен наш Центр.

Утром работа как всегда началась с прихода русских эмигрантов, проживающих в Финляндии. Но

я почувствовал что-то новое и не только в огромном количестве поздравлений, объятий, подарков, но и в появившемся среди наших постоянных посетителей чувстве солидарности, уважения к нам и нашей стране.

Ко мне подошел широкоплечий молодой парень, протянул широкую рабочую ладонь и представился:

– Я, Вайно Рухунен, руководитель группы рабочих коммунистов. Нам поручено руководством Компартии охранять вас. О каждом случае проявлений неуважения или оскорбления против кого-либо из вас, немедленно сообщите одному из наших ребят, один из которых будет всегда находиться на детской площадке.

Днем от ребят с «Грузии» стало известно, что Сергей Павлов посетил Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Финляндии и сделал ему очень резкое заявление: «Посольство устранилось от проблем проходящего в Хельсинки фестиваля, не содействует реализации его мероприятий, не защищает честь и достоинство советских людей – делегатов фестиваля. Если Вы не примете, начиная с сегодняшнего дня эффективных мер, я лично доложу о проходящем Никите Сергеевичу Хрущеву».

О Сергее Павлове по-прежнему много говорят, особенно в связи с «зигзагами» его карьеры. Могу, как лично знавший его, сказать: «Это был настоящий русский человек, преданный своей Родине, он работал до упаду, не терпел «сачков», подхалимов, приспособленцев, решительность его удивляла многих.

Он мог напроситься на разговор с Н.С. Хрущевым, высказать свое мнение по тому или иному вопросу М.А. Суслову, «серому кардиналу», причинившему немало вреда нашей внутренней и внешней политике, не дававшему ходу талантливым преданным стране работникам.

Павлов был талантлив от бога. С неоконченными тремя курсами Московского института физической культуры он мог вести достойный разговор в любой аудитории, «на равных» вести беседу с ученым, актером. У него была одна беда – он не прошел в полной мере школу «выездки» под руководством умного, опытного взыскательного человека.

Закончился Хельсинский фестиваль молодежи и студентов. Закончился успешно. Успешно потому, что среди нас не было «ловчил», «сачков», каждый из нас отдавал делу все свои силы, знания, свой нравственный замес. И это не слова для дежурной речи, это заявление рядового инструктора ЦК ВЛКСМ.

Не могу не рассказать о прощании с нашей делегацией финнов. Перед отплытием «Грузии» на пристани, на прилегающих к ней улицах собрались тысячи людей. Здесь было много детей, подростков, но было немало и людей взрослых – рабочих, преподавателей, людей искусства. Они видели в фестивале не юношескую игру, а значительное важное событие, указывающее на один из эффективных путей к сближению, взаимопониманию, дружбе народов мира. Финские девушки и юноши одетые по-праздничному пришли с подарками, они тянули руки к нашим ребятам, вру-

чали им блокноты, ручки, галстуки, сигареты, майки.

Теплоход медленно отходил от пристани, десятки тысяч рук махали нам вслед. А когда теплоход вышел из гавани, за ним устремились сотни разных судов и суденышек. Они шли за нами не менее часа, сливаясь с волной в затухающем закате, одна за одной лодки отставали. А наша «Грузия», по-парадному расцвеченная флагами, гремящая оркестрами, брала курс на Ленинград.

Кубинская одиссея

(Москва – Ленинград – Гавана – Одесса)

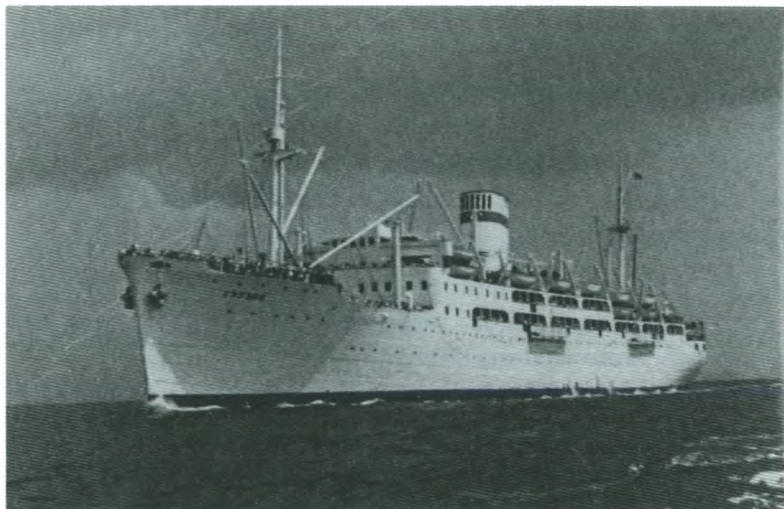
Многие мальчишки, да и взрослые мечтают о кругосветном путешествии. Мечты остаются, а осуществить их удается немногим. Я оказался среди этих немногих и прошел по мировому океану более 20 тысяч километров. Вот главные пункты этого путешествия: Ленинград, Кильский канал, Ла-Манш, Гавана, Гибралтар, Босфор, Дарданеллы, Одесса. За это был посвящен в звание матроса дальнего плавания с вручением «тельняшки». (Кстати, с тех пор прошло более 40 лет, но летом на даче я не «вылезаю» из нее). – Наш курс Гавана.

Прощание с Ленинградом

Закончился VIII Всемирный фестиваль молодежи и студентов, проходивший в Хельсинки. 12 августа в 21 час в Ленинградском порту состоялся митинг по случаю отъезда на родину делегаций латиноамериканских стран-участниц фестиваля. Гремит Гимн демократической молодежи, песни, плач, официальные речи – все это слилось в симфонию человеческих чувств.

Прощаться с веселыми энергичными девушками и парнями – делегатами фестиваля от Кубы, Мексики, Боливии, Гватемалы, Парагвая, Венесуэлы – пришли руководители Международного фестивального комитета, актеры театров, студенты, рабочая молодежь. У некоторых за время фестиваля завязались дружеские отношения, они стоят, обнимаются, целуются, пытаются сказать друг другу что-то важное и опять целуются. Несколько раз с теплохода раздаются гудки, помощник капитана по пассажирской службе до хрипоты надорвал голос, объявляя по мегафону о посадке и отходе теплохода «Грузия». Никто не хочет покидать город, здесь они увидели много прекрасного, нашли новых друзей, показали свой талант ленинградской публике. Вот горячими слезами плачет Мисс фестиваля красавица Берта, которую под руки ведут к трапу кубинцы. Всему приходит конец, тем более расставанию.

Около двенадцати посадка наконец закончилась и теплоход медленно отчалил от пристани. Тут я заметил на пирсе красивую белокурую женщину в белом костюме, которая как заторможенная глядела в одну точку на корабле. На капитанском мостике стоял в парадной форме молодой Тенгиз Макацария. Корабельный прожектор выделял его на фоне потухших иллюминационных фонарей. Капитан, не отрывая взгляда, смотрел на женщину в белом. Между ними существовала невидимая своеобразная энергетическая линия, состоящая из идущих навстречу друг другу чувств. Потом, когда я узнал, что у Макацарии

*Этот белоснежный красавец и его капитан Тенгиз Мака-
цария провели меня по семи морям и океану, показали Киль-
ский канал, Ла-Мани, Гибралтар, Босфор и Дарданеллы*

перед уходом в плавание состоялась помолвка с этой женщиной в белом, мне стала понятна энергетика их прощальных чувств. «Грузия» медленно, но все быстрее отходила от пирса. И когда она уже развернулась на выход в открытое море, можно было еще видеть белое пятно на пирсе и смотрящие в сторону пирса глаза капитана. На ум приходила и звучала в душе мелодия из песни «Так провожают пароходы, совсем не так как поезда...»

Балтийское море встретило нас неприветливо. Проснувшись утром, я увидел бьющуюся в иллюминаторе воду, потрескивали переборки, кружилась голова. А к вечеру как выражаются моряки: начало «травить». За бортом море бушует – 7-8 баллов. В это день мало кто из наших пассажиров появлялся в ресторане.

Увидев меня бледного на палубе, капитан иронически улыбнулся и тут же утешил:

– Кто говорит, что «морская болезнь» это для штатских пассажиров, – не верьте им. Могу сказать, что примерно одна треть экипажа, в том числе матросы, имеющие морской стаж по 7-8 лет, выглядят не лучше вас. «Морская болезнь» не зависит от того, сколько лет ты работаешь на море, болеют ею все, только в разной степени. Короче говоря, не от стажа зависит степень «морской болезни», а от вестибулярного аппарата организма каждого человека.

В этот день мы перепробовали все советы, как избавиться от этой болезни: три раза в день выпивать по 150 грамм коньяка, непрерывно держать во рту доль-

ку лимона и сосать ее и т. д. Но ни один из советов не помогал. Целый день кружится и болит голова, подташнивает. Если что-то съешь – начинается рвота.

Просыпаюсь на следующий день, неужели опять вчерашние муки? Прислушался: ровно работает машина, качки вроде нет. Вышел из каюты – солнце, на поверхности моря небольшая рябь. Куда девались эти восьмиметровые волны?

К обеду корабль ожил. Группами наши пассажиры двинулись в рестораны. Где-то в 6-7 вечера начались всеобщие танцы, на всех палубах. Ничего не скажешь, танцевать латиняне умеют и умеют здорово. Танцы для них это жизнь, они даже когда ходят, то пританцовывают. Особенно великолепны в танце девушки: они темпераментны, ритмичны и пластичны. Латино-американский танец в его лучшем виде – это искрометный ритм, энергия, грациозность движений и немного эротики.

Вечером собрали с Виктором Сорокиным руководителей всех делегаций и договорились: ежедневно одна из групп дает концерт, а затем организует танцевальный вечер на всех палубах. Нас единодушно поддержали.

После танцев девушки и парни группами, парами расходились по всем частям и закоулкам палуб. И часов до четырех утра продолжался разноголосый, разножанровый концерт. Где-то солировала гитара, где-то эстрадный мини-оркестр «выдавал» румы, чачу, пачангу. Некоторые пары находили тихий уголок и сидели там, глядя часами друг другу в глаза. Так

красиво объясняться могут только девушки и парни из Латинской Америки. Вдруг в эту музыкальную атмосферу врывается покоряющий всех звук саксофона, исполняющего мелодии Миллера, Берсштайна, Гершвина. Где-то часам к пяти все это постепенно стихало. Наши пассажиры разошлись «дормир» – спать. Спать, чтобы завтра начать все сначала.

На третий день, рано утром, теплоход вошел в Кильский канал, соединяющий Балтийское море с Северным. Длина канала примерно 100 с лишним километров, ширина 103 метра. Берега его густо населены, поселок за поселком, городок за городком. Я быстро позавтракал и вышел на третью палубу, чтобы оттуда видеть процесс шлюзования нашей «Грузии». Утро выдалось солнечным. Обзор был великолепный. По всей видимой части канала стояли друг за другом десятки кораблей, под флагами разных государств мира. Они медленно-медленно продвигались к выходу в Северное море, по мере выхода из последнего шлюза впереди идущего судна.

Канал – сложнейшее инженерное сооружение. Через канал построено 5 мостов, самый мощный из них – железнодорожный, длина его 8 километров, высота над водой 42 метра. В одном месте под каналом построен тоннель для автомобильного транспорта. Канал проходили около 6 часов, затем встали перед воротами первого шлюза. Здесь тоже можно простоять часок-другой, можно пройти и раньше, как повезет.

Вдруг мое внимание привлекли два микроавтобуса «Фольксваген», которые на большой скорости вы-

скочили из одной улицы городка, который мы проходим, и развернулись перед нашим теплоходом. Из кабин выскочили шоферы, открыли задние двери и начали перебрасывать, точнее, перекачивать через парапет и борт довольно большие запакованные тюки. Делали они все очень ловко, чувствовалось, что занимались этим не в первый раз. Через 15-20 минут, лихо развернув свои машины, исчезли в боковой улице. Все это меня ошеломило. «Как это можно, транзитом проходя через иностранную страну, приобретать на ее территории какие-то товары», – раздумывал я. Все это похоже на контрабанду, но разве российские моряки могли пойти на это. Как оказалось, могли. Я спустился на первую палубу и увидел, как матросы уносят эти тюки в каюту первого помощника капитана по политической работе Кисленко. Как выяснилось, он и командовал все этой операцией. Нетерпеливые коридорные, уборщицы шумели, обращаясь к матросам, переносившим тюки: «Когда отовариваться будем?» Я искренне недоумевал, как мог руководить этим делом помполит, отвечающий за нравы команды? Выяснить механизм этого бизнеса оказалось несложно. При входе в канал на борт теплохода садится лоцман, который сопровождает его до выхода в открытое море. Именно ему передается бумага, в которой на плохом немецком языке написано, какие товары в каком количестве нужно доставить к шлюзу. Накануне Кисленко и председатель судового комитета профсоюзов решили закупить для команды ковры с изображением ти-

гров, павлинов и т. д. Каждый член экипажа имел валютную прибавку к зарплате на месяц. Поскольку этот рейс «Грузии» ничего хорошего им не сулил, так как на Кубе нельзя было расходовать валюту – такое правило существовало в интересах кубинской экономики.

На следующий день я отыскал Кисленко и спросил у него:

– Что это за авантюру вчера видел под вашим непосредственным руководством?

Кисленко, не чуточки не смущаясь, ответил мне:

– Команда требует израсходовать причитающиеся ей доллары, я не хочу иметь конфликтов в экипаже и соглашаюсь.

– Да, вы можете под давлением согласиться, но зачем же вам, человеку, занимающемуся на судне воспитательной работой, возглавлять эту аферу?

Чувствуя, что мой разговор приобретал не досужий, а серьезный характер, Кисленко, что называется, «слинял».

– Да, в принципе, Марат Васильевич, вы правы. Не думаете ли вы, что вот так же в принципе я проинформирую Генерального директора Пароходства о ваших доблестях? Тогда будет только одно решение: «Кисленко, прощай море».

Тут он совсем сник:

– Ну, я думал, что это вас не касается и ваших подопечных ребят тоже, я прошу вас – пусть этот случай останется между нами.

– Я подумаю, – отрезал я.

Я не имел желания отстранить его от работы, но зная о других его мелких делишках на судне, полнейшей бездеятельности в работе с экипажем, хотел встряхнуть этого помполита-авантюриста, заставить задуматься о своей судьбе. Удалось ли мне это сделать – не уверен. Но то, что для него наш разговор не останется без следа, я был убежден.

Слезы и поцелуи

До Гаваны оставалось два дня ходу. Ко мне в каюту, постучав, вошла Мария, руководитель комсомола Венесуэлы. Ее большие серые глаза были полны слез, она рыдала навзрыд. Она припала к моему плечу и еще сильнее разрыдалась. На левом плече я почувствовал ее слезы.

– Мария, скажи мне, что случилось? – спросил я.

Она отпрянула от меня, дрожащими руками вытаскивала из заднего кармана джинсовых брюк пачку паспортов и, гневно сверкая полными слез глазами, сказала:

– Вот тут наша большая беда: полиция, издевательства, каторга.

Она открывала один за другим заграничные паспорта Венесуэлы, Гватемалы, Парагвая. В каждом на паспорте на одной из страниц красовалась синяя прямоугольная печать, в которой содержались локальные слова: «СССР КПП Лужайка 2 августа 1963 года». Только и всего.

«Да, положение дел этих восьми нелегалов было сложным, если не трагическим» – подумал я. Мария сквозь слезы продолжала:

– За распространение газет партии и комсомола грозит бессрочное заключение в тюрьму. Фашистские молодчики убили прямо на улице в Каракосе мою близкую подругу Либию Губернер. За пребывание на Кубе и СССР мне грозит пять лет каторги, как за измену родине. Я готова к этому испытанию. Надеюсь, что у нас по примеру Кубы произойдет революция.

Смотрю в ее большие полные слез глаза и вижу в них решимость, волю, бесстрашие, верность избранной идее. Такая красивая женщина могла бы иметь семью, детей, мужа, счастливую жизнь, но она сделала другой выбор.

– Мария, я прошу тебя, не плачь и не расстраивайся так сильно, я разделяю твои тревоги. До Гаваны еще два дня, будем думать и искать выход из положения. В Гаване у нас есть верные друзья, они не оставят вас в беде. Паспорта оставь у меня.

Расставшись с Марией, я встретился с Элеонорой из Гватемалы, Мартой из Парагвая. Они находились в таком же тревожном, полуистерическом состоянии. Я как мог успокоил их, рассказав о встрече с Марией. Никогда в моей жизни я не видел столько пролитых слез, мою рубашку можно было выжимать. Я подумал: «как это могло случиться, определенные службы КГБ знают, что среди делегатов фестиваля в Хельсинки есть группа нелегалов из других стран. В этих странах были приняты законы, карающие тюремным заключе-

нием, каторжными работами, кто осмелится принять участие в прокоммунистическом, как они считали, Хельсинском фестивале. Да, конечно они знали об этом и обязаны были передать соответствующую информацию пограничникам на «КПП Лужайка». Забыли, опоздали. Но ясно одно – не выполнили свой служебный долг. И все это при том, что советская страна в лице ЦК Комсомола гарантировала всем делегациям из Латинской Америки безопасность и доставку их теплоходом «Грузия» до Гаваны. Вся эта наша беспечность стоила девушкам и парням из Парагвая, Гватемалы, Венесуэлы, 5-6 годам каторжных работ. Высокая цена разгильдяйству».

27 августа в середине дня на горизонте показались берега Кубы. Извилистая полоска земли с возвышающейся грядой гор Сьерра-Маэстро. Что тут началось, не поддается описанию. Смех, плач, обмен адресами и сувенирами, всеобщие танцы и ритмы под мелодии, исполняемые оркестрами и оркестриками. На одной палубе пели «Интернационал», на другой – «Марш 26 июля». Все это сливалось в единые громкоголосые ритмы радости, ликования. Но танцы, танцы в своем водовороте захватывали и поглощали все и всех. Нам тоже досталось, каждый из нас четверых получил столько поцелуев, сколько, я думаю, не получит за всю оставшуюся жизнь.

В 8 часов вечера «Грузия» пришвартовалась к главному причалу. В порту, на прилегающих улицах – тысячи гаванцев, играют оркестры, в воздухе фейерверки, раздаются лозунги: «Да здравствует фести-

валь!», «Венсеремос!», «Родина или смерть!».

На борт поднялись Алексеев, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Республике Куба, Титов, глава экономической миссии СССР на Кубе, Жозель Эглезиос, руководитель Союза повстанческой молодежи, кубинского комсомола. В «Золотом салоне» состоялся небольшой разговор, обмен приветствиями. Я попросил Алексеева поговорить со мной «один на один». Алексеев с готовностью откликнулся и мы отошли от общего коллектива.

– У нас есть проблемы, о которых я могу доложить только Вам. 8 участников фестиваля из Венесуэлы, Гватемалы и Парагвая являются нелегалами. Из-за безответственности соответствующих работников при пересечении границы СССР – Финляндия на контрольно-пропускном пункте в их паспортах были проштампованы «СССР. КПП. Лужайка». Это грозит им всем тюрьмой, а то и каторгой. Я, товарищ Посол, прошу дать совет и оказать нам помощь.

Алексеев задумался. А потом вдруг улыбнулся и сказал:

– Молодец, что проинформировал меня, мы решим эту проблему, они благополучно вернутся на Родину. Я прошу тебя, дай мне список этих нелегалов и сообщи в гостиницу, где они будут два-три дня отдыхать. Мои работники сообщат тебе о результатах. А теперь спокойно неделю отдыхайте в Гаване. Кубинские друзья вместе с нами поддержали идею о вашем отдыхе здесь. – Посол пожал мне руку и спустился по трапу к ожидаемой его машине.

Алексеев за эту короткую беседу произвел на меня большое впечатление. Это была маленькая частица его работы. А за плечами у него была огромная, плодотворная, многогранная работа представителя нашей страны.

В гостях у Хемингуэя

Немногие знают о том, что в окрестностях Гаваны есть вилла Эрнеста Хемингуэя. Обдумывая планы пребывания в Гаване, я решил обязательно побывать на вилле близкого мне по сердцу писателя.

Моими партнерами были писатель Цезарь Солодарь и журналист Анатолий Голубев. У входа в виллу нас встретил мужчина лет 30-35, высокий, загорелый, в кубинской шляпе. Он приветливо улыбнулся нам, дружески взял под руки и повел внутрь лесопарка. Потом выяснилось, что это приемный сын Эрнеста, проживший с ним более 20 лет. Теперь он постоянно живет здесь и является по-нашему «Директором музея-квартиры Эрнеста Хемингуэя» и одновременно экскурсоводом.

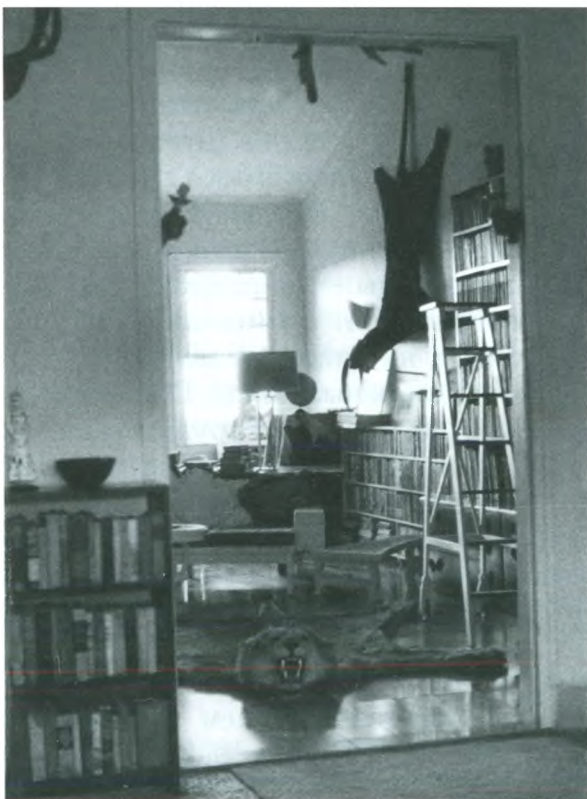
Когда-то трудолюбивый Эрнест превратил этот лес в ухоженный, прекрасно распланированный парк, в котором росли деревья и кустарники всех стран Южной Америки. Эрнест никому из проживающих с ним не разрешал ухаживать за ними.

Книги Хемингуэя «По ком звонит колокол», «Прощай оружие», «Фиеста», «Старик и море» и другие

переведены на все основные языки мира. Лауреат Нобелевской премии за 1954 год, Хемингуэй был личностью фантастически популярной – в клубе, общежитии, квартире, лагерной камере можно было всегда встретить фотопортрет «бородача с пронизательными глазами». Имею и храню до сих пор такой портрет и я. Популярность этого человека в его высоком литературном таланте, данном ему богом. В его редком качестве со всем познакомиться, побывать в обстановке его героев, все увидеть, потрогать, попробовать. Он необычен во всем: природа подарила ему 195 см роста, свыше ста килограмм веса. Он писал о

В столовой – посуда для всех народов мира

Кабинет Эрнеста украшают лично убитые им в Африке тигры и антилопы

том, что видел, ощущал и сопереживал. Хемингуэй сражался в рядах республиканцев против Франко, он исколесил Африку, поднимался на Килиманджаро, в одиночку на шлюпке выходил в открытый океан со спиннингом на ловлю тунца.

А какой он был великолепный охотник! На его счету двенадцать убитых тигров. Думаю, что таких успехов в охоте не сумели добиться отважные профессионалы африканского сафари. Голова одного из 12 тигров украшает гостиную. Охота, друзья, женщины, он был женат трижды – все это входило в мир его увлечений. Много говорят о том, как и где работал Эрнест – в спальне, на пишущей машинке, которая стояла на одной из книжных полок. Он много читал. На его кровати до сих пор лежит груда журналов, газет, книг, корреспонденций. Пусть простит меня читатель, что я проник во все помещения дома. Но кроме любопытства, иногда нужда заставляет. В туалетной комнате размером в 8-10 м по боковым стенам стояли полки, на которых лежали книги для чтения...

В красиво обставленном кабинете он практически не работал. Как полагается в нем стоял большой письменный стол, по стенам развешаны шкуры и оружие, на полках и столиках – сувениры, привезенные им из разных стран мира.

У Эрнеста были эпикурейские замашки, он любил вкусно поесть и щедро угостить гостя. Все, что было связано с приемом гостей, было подчинено придуманному им ритуалу, который создавал для гостей об-

становку исключительной теплоты, неизменной отрешенности, по-сегодняшнему – «большого кайфа». Если гостями были англичане, стол накрывался национальными скатертями и салфетками, английской посудой, подсвечниками, ножами и вилками. К приходу гостей включалась музыка в исполнении известных английских композиторов и исполнителей. А так всегда ждут китайцев – вся гостиная превращается в китайскую гостиную. Кстати, сам он больше всего любил китайскую кухню.

Еще об одной особенности. На всей посуде различного национального происхождения стоял фамильный герб, на нем были изображены три горы, находящиеся в Северной Америке, у подножья которых он провел свое детство. Страсти, привязанности, порой странности были частью сложного характера Хемингуэя. Например, он любил кошек, порой разгубило до 20 животных в доме.

Эрнест Хемингуэй – громадный драгоценный самородок мировой цивилизации, иногда некоторыми критиками в чем-то и недооцененный.

Карлос Рафаэлес Родригес

Перед отъездом ЦК ВЛКСМ поставил перед нами две задачи: благополучно доставить в Гавану участников фестиваля и совместно с Союзом молодых повстанцев Кубы подобрать группу крестьянской молодежи для обучения у нас в качестве специалис-

тов – комбайнеров по уборке сахарного тростника. Комбайн по уборке тростника проходил техническую доводку на наших заводах.

В середине дня старпом теплохода Ланн сообщил нам, что к десяти часам вечера нас приглашают к заместителю Председателя Совета Министров, директору института аграрной реформы (ИНРА) Карлосу Родригесу.

В половине десятого у трапа «Грузии» нас ждала правительственная машина. Мы – это я, Виктор Сорокин и наши переводчики Луис и Манасазян через 10 минут были у большого правительственного дома, находящегося в нескольких десятках метров от монумента Хосе Марти. У входа стояли три солдата с автоматами. Сопровождающий служащий пригласил в лифт, и мы поднялись на 4-й этаж. В коридоре службу несли еще три «милисиано». Нас пригласили в просторный зал, где посередине стоял большой овальный стол. В зале уже находился Глава Советской экономической миссии Титов в сопровождении советницы и переводчика. Титов, бывший секретарь ЦК КП Узбекистана, секретарь обкома партии Чечено-Ингушской республики.

Мы представились ему и его сотрудникам. И тут же в зал вошел человек среднего роста с остроконечной седеющей бородкой «профессорского типа» – это был Карлос Рафаэлес Родригес. Он поздоровался с каждым из присутствующих, представил трех своих коллег. Затем огласил цель наших переговоров, выразил надежду в их успешности. Его умные

глаза в это время активно работали, он из-под очков пытливо разглядывал своих гостей. Хозяин говорил тихо, скупно и, безусловно, умно. Он внес предложение увеличить число учащихся кубинцев в специализированных технических училищах на 500 человек. Переводчик же перевел: на 50 человек. Просьба была высказана мягко и сопровождалась шуткой: «В этой ошибке виновен мой сослуживец, и если советская делегация откажет принять еще 50 человек, то ему придется искать другую работу». Договоры об условиях пребывания и учебы кубинской молодежи были заранее рассмотрены специалистами, поэтому Карлос Родригес и Титов тут же подписали их. А Титов отшутился: «Советская сторона готова увеличить количество обучающихся кубинцев в нашей стране на 50 человек. Я поздравляю вас. Вы остаетесь на службе у Родригеса», – и пожал руку кубинскому советнику, переводившему речь кубинского руководителя. Все заплодировали. В такой веселой непринужденной обстановке мы расстались с главным экономистом Кубы, крупным ученым, практиком Карлосом Рафаэлесом Родригесом.

Верхом на черепахе

С большим трудом протиснувшись через плотную толпу гаванских мальчишек и девчонок, солидных пап и мам, страждущих посетить знаменитый Аквариум, мы оказались на его территории. Аквариум –

это большая территория на берегу океана с серией открытых бассейнов и постройками из толстого стекла. Рядом с открытыми бассейнами – оборудованный пляж, где можно загорать и купаться в океане. На пляже мы увидели, как несколько отчаянных мальчишек пытались покататься на огромных морских черепахах. Но черепахи не желали быть «оседланными» и аккуратным движением скользкого панциря сбрасывали смельчаков-наездников. Конечно, вокруг этого зрелища всегда толпа, выкрикивающая советы, проявляющая чувства одобрения и сожаления. Как нам сказал экскурсовод, большие черепахи имеют размер метр в длину и метр в ширину. А весят они примерно 50-60 кг. Так что укротить такого гиганта совсем не просто. В голубых аквариумах с голубой морской водой снуют самые причудливые рыбы, рыбки и рыбешки. Их сотни, тысячи и большинство из них по форме, окрасу не повторяют друг друга. «Чудо морское» – иначе не скажешь.

В других аквариумах воссоздана атмосфера океана. По дну ползут крабы, морские раки, звезды, осьминоги. А рыбы сказочные, фантастические – одна похожая на старого человека, другие имеют такую яркую зеленоватую расцветку, как будто их создала не природа, а кисть талантливого художника. Другие эмоции вызывают аквариумы, где за тяжелым стеклом и бетоном царствуют акулы. Вызывают восхищение их совершенные линии тела, изящные повороты и развороты, уходы в глубь аквариума и возвращение к стеклянной стенке, где можно не-

множко похулиганить и прислонить свой нос к носу пасти акулы. Нас разделяют 30-40 см особого стекла. А не будь его, поцелуй был бы в высшей степени горячим, а точнее трагичным. Такие аквариумы помогают человеку осознать многообразие природы, в которой живешь, восхититься образцами удивительного, неповторимого, созданного ею. Мне приходилось бывать и в других аквариумах, но самое большое впечатление произвел на меня Аквариум в Барселонском порту, в конце знаменитого бульвара Рамбля.

Развлекаемся в «Тропикано»

Ночной клуб «Тропикано» считался у любителей изысканных напитков, казино, стриптиза, бодрящей музыки и зажигательных танцев США самым лучшим местом прожигания денег и времени. Примерно 100 миль – и ты из Флориды попадаешь в «Тропикано». Заманчиво, не правда ли, для любителей приключений. А на следующий день поехать «отмокать», прихватив красивую блондинку или мулатку, на песчаные просторы пляжей курорта Варадеро с высоким разрядом разнообразных развлечений на все изысканные вкусы. Завсегдатаи «Тропикано» снисходительно отводили известному парижскому ночному клубу «Лидо», претендующему, и не без оснований, на первое место среди подобных заведений, лишь второе место в мире. Однако оставим эти споры за пальму первенства для «любителей», а сами отпра-

вима в «Тропикано», чтобы по итогам профессионалов проведенной там ночи поставить ему свой личный бал. Помещение клуба занимает довольно большое место среди старинных деревьев (как называются, спросить не успел) с густой мощной кроной. И крыша и стены – это деревья, соединенные стеклом. Ряд породистых в два обхвата деревьев растут внутри, и для них в стеклянной кровле оставлены специальные выходы. Зал ресторана – это море цветов из разных стран Латинской Америки. Некоторые

«Тропикано» – лучший ночной клуб Латинской Америки. Славится замечательными танцами, великолепными певцами

столы не только утопают в цветах, но как бы располагаются под стволами живописных деревьев. Трудно определить, где находишься – в ботаническом саду или ночном клубе. В центре этого цветочного аквариума (есть большое сходство).

Под кронами двух десятков крупных деревьев разместилась эстрада, по стволам деревьев полукругом сооружены на трех уровнях площадки для исполнителей, которые высвечиваются софитами-прожекторами. Заключительные номера проходят сразу на трех площадках. Поскольку все конструкции стеклянные, то создается ошеломляющее впечатление, что танцоры, танцовщицы и музыканты исполняют свои номера на кронах деревьев, они будто подвешены невидимыми нитями. Свою долю в это восхитительное зрелище вносят виртуозы осветители. До сих пор корю себя за то, что не нашел времени попытаться узнать имена проектировщиков этого удивительного, сказочного сооружения.

Вернемся, тем не менее, в зал. Наш стол на почетном месте, рядом с танцевальной площадкой, которая является частью артистической сцены, и в определенные часы овальная ее часть опускается до уровня пола и тогда приглашают всех к танцу. Концертное действие не прерывается на время танцевального часа.

На столе вазы с фруктами, бокалы для соков и других напитков. В центре кубинский и советский протокольные флажки. За столом Виктор Сорокин, я и наши переводчики Луис и Манасарян. Хозяин стола личный порученец, помощник Первого секретаря Со-

юза молодых повстанцев Кубы майора Жоэля Эглесиоса – Диего. Эглесиос, ближайший соратник Фиделя, один из 18 кубинских майоров, включая самого Кастро. Это самое высокое звание в стране и знак личной преданности кубинскому лидеру. Диего – сорокалетний гаванец, крепкого сложения с корректными симпатичными усами с постоянной доброжелательной улыбкой на лице. Другого майор Эглесиос приставить к нам не мог. Диего в очередной раз улыбнулся, поприветствовал нас и предложил выпить по бокалу знаменитого коктейля «Гавана либрэ». Это самый популярный и любимый напиток гаванцев. Состав: лимонный сок и гаванский ром. Напиток приятный и

Вся наша команда (слева) во главе с майором Диего

удобный – много можешь выпить и не захмелеть. В отличие от европейских, русских ресторанов закуски никакой, только фрукты орешки и большое обилие фруктовых коктейлей: апельсиновых, манго, грейпфрутовых с добавлением джина. Кубинцы чистый 40° джин пьют редко, чаще «такилу» – водку из кактуса, которая сейчас, в наши дни с успехом «гуляет» по большим и малым ресторанам Москвы и других городов. Русский есть русский, где-то часа в два-три ночи захотелось съесть что-нибудь существенное, но, увы, не полагается. Представление началось мощным джазовым прологом и выходом танцевальной группы. Девушки как на подбор, высокие, длинноногие, белые и мулатки, в меру обнаженные, в очень ярких легких одеждах. Изумительно грациозные в танцах их «па» и «пируэты».

...Диего протянул ко мне руку с бокалом «Гавана либрэ», мы выпили за нашу дружбу и победу кубинской революции. Я обратил внимание, когда он протягивал ко мне руку с бокалом, под рубашкой-распашонкой что-то оттопыривалось. Простодушно спросил у Диего:

– Что это у тебя под рубашкой торчит?

Диего улыбнулся, поднял полы рубашки, и я увидел на широком поясе в петличке наш советский пистолет ТТ.

– Так-то революции надежней, да и вы целее будете, – улыбнулся Диего.

Мои партнеры увлеклись танцами. Диего пригласил меня прогуляться по замку, осмотреть это вели-

колепное сооружение. Когда мы шли по боковым аллеям-дорожкам, то я увидел за некоторыми деревьями вооруженных солдат с автоматами. Это как-то не вязалось, диссонировало с назначением и обстановкой клуба. Диего, как бы читая мои мысли, сказал:

– Было два-три случая, когда группа сволочей изменников Революции попытались устроить здесь «маленькую вооруженную контрреволюцию». Сорвать одно представление им удалось, но с тех пор носу не показывают. Мы приняли необходимые меры – ни один из «любителей искусства» не остался в живых. Революции пытаются противостоять везде. Не удастся, – с твердыми нотками в голосе завершил тему Диего. И добавил:

– Раньше «Тропикано» было излюбленным местом отдыха и развлечений богатых американцев, кубинцев. Сейчас все изменилось, сюда ходят студенты, служащие, рабочие. Плата за вход невысокая, а другие издержки зависят от аппетита и кармана гостей клуба.

«Тропикано» посещает каждая гостящая на острове туристическая группа. К концу вечера сидящие вокруг узнали, что мы из СССР, они приветствовали нас, приглашали танцевать. Один пожилой кубинец подошел к нашему столу и поцеловал наш флажок, а потом по очереди обнял нас. В зале раздались лозунги: «Родина или смерть!», «Победа!», «Салют русскому народу!». Этот вечер запомнился на всю мою жизнь, в увеселительном заведении мы познавали ритмы, движение революции.

Королевские сигары

Революционный дух, настроение нам хотелось почувствовать, побывав в рабочих коллективах. В один из дней нас пригласили на известную своей продукцией гаванскую табачную фабрику. Знаменитые гаванские сигары знают курильщики во всем мире. Здесь выпускают сигары в картонных и металлических коробках. Высший класс – большая красиво оформленная металлическая коробка – это «Королевские сигары». До революции две трети дорогих сигар закупали табачные фирмы США, Великобритании, других стран. Сейчас они сократили импорт до минимума. Положение рабочих фабрики стало тяжелым. Активно стали искать покупателей, дилеров. Увеличили продажу в Мексику, Испанию, Португалию, довольно активно стал торговать сигарами и Советский Союз.

После рассказа об истории фабрики мы осмотрели ее цеха. В огромном цехе расположено 70 длинных двухсторонних столов, посредине каждого – метровая перегородка с ячейками, куда рабочие укладывают изготавливаемые сигары. Затем заберут в упаковочный цех, где будут украшать наклейками и укладывать по пачкам и ящикам. Труд табачника тяжелый, за смену нужно сделать 500 сигар. Технология проста: рабочий берет табачный лист, обрезает края и начинает специальным приспособлением скручивать-закручивать его, все туже и туже, до нужной кондиции. Затем ловким движением срезает концы и вчерне сигара готова.

По фабрике нас водил секретарь фабричной организации Союза повстанческой молодежи Филиверто. Когда он объявил по местному радио, что к рабочим фабрики пришла делегация советского комсомола, в цехах началось что-то невообразимое. Все рабочие в одном ритме застучали своими ножами по столам. Они вскакивали, обнимали нас, скандировали: «Дружба», «Победа», «Родина или смерть». Это были искренние, неподдельные чувства. Филиверто в заключении произнес яркую речь. Я не знаю ораторов более темпераментных, динамичных, чем кубинских, каждое слово сопровождается у них не только мимикой лица, но и соответствующими жестами, выразительной жестикуляцией. Наверное, в какой-то мере они подражали темпераменту, ораторскому искусству вождя кубинской революции Фиделю Кастро, речи которого часами слушали на митингах у монумента Хосе Марти.

Гавана – Одесса

31 августа – день сборов и подготовки к отплытию. Нам собираться – только подпоясаться. А некоторые из экипажа «Грузии» в этот день вели себя возбужденно, суетились, бегали на причал и обратно. У одних в руках были клетки с попугаями, у других – большие коробки. Были и такие, что проделывали такую операцию по 2-3 раза. Нам все это бросалось в глаза, потому что мы были свободны от работы. Руко-

водители Союза повстанческой молодежи все заботы о размещении своих подопечных – будущих учащихся технических училищ взяли на себя. Когда со своей поклажей мимо меня прошел пассажирский помощник Рухадзе, я спросил у него:

– Скажи, для чего тебе четыре попугая, да в каюте у тебя еще один, приплывший с тобой из Ленинграда.

– Марат, попугаи здесь стоят очень дешево, ты же знаешь, что нам разрешено тратить доллары в Гаване в размере стоимости 4-5 бокалов сока и двух-трех чашек кофе. За эти деньги можно купить 4-5 попугаев. Не скрою от тебя, сделаю маленький бизнес: троих попугаев продам на рынке, а одного подарю другу, мы с ним в нарды играем. А вон, старший механик несет коробку, в ней – десять литровок чистого 96 % спирта. Часть его пойдет с лимонным соком после смены, а другую в Одессе жена использует на настойки. Такой джентльменский набор: попугаи и спирт – это мы придумали. Спирт продается только в аптеках, кубинцы используют его исключительно для технических домашних нужд. Вначале их страшно удивляли наши покупки спирта в большом количестве. А теперь они поняли и уже не удивляются. Я спирт не покупаю, у меня в Батуми отличная чача, за год я с друзьями все осенние запасы осилить не могу. У меня и здесь в каюте есть некоторые резервы, как уйдем в океан, заходи ко мне, угощу с удовольствием. А что же ты попугаев не купил? – вдруг спросил он у меня.

– Ну, во-первых, мне никто не подсказал, а сейчас уже поздно. Да скажу откровенно, не вызывают попу-

гаи у меня особых симпатий: слишком суетливые и не в меру говорливые.

В 16 часов в порту и на прилегающих к нему улицах начали собираться люди, чтобы попрощаться с отплывающей кубинской молодежью и принять участие в митинге по этому случаю. В 18 часов начался митинг, молодых кубинцев приветствовали руководители Министерства сельского хозяйства, Союза повстанческой молодежи. С яркой речью на испанском языке к отъезжающим в СССР с крыши 6-этажного дома обратился Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в Республике Куба Алексеев – блестящий оратор, высокий профессионал, умный, воистину демократический человек. Все они были одеты в одинаковые серые куртки с погончиками, брюки, высокие ботинки военного образца.

Три часа длилась посадка 450 будущих учащихся сельскохозяйственных училищ и около 100 студентов вузов. Прогуливаясь перед отходом «Грузии» по порту, я увидел сидящего на мостовой с опущенной головой парня. Мой переводчик спросил у него:

– В чем дело, почему ты плачешь?

Он поднял заплаканное лицо и сказал, что не были готовы необходимые документы, чтобы поехать учиться вместе с другими. Жалко было смотреть на его заплаканное лицо, но помочь ему мы были уже не в силах.

В 23.30 «Грузия» отходит от причала. «Наша команда» поднимается на верхнюю палубу. Медленно Гавана отдаляется от нас. Порт и окружающие улицы

по-прежнему полны народа, слышатся традиционные революционные лозунги. Все меньше становятся монумент имени Хосе Марти, второе по высоте здание Гаваны – отель «Хиутон». Вскоре остается лишь длинная полоса мерцающих огней, но и она – все уже и уже, а затем как бы уходит в океан. Еще минут 30 стоим и с грустью смотрим в сторону исчезнувших фонарей и молча расходимся по каютам. Кстати, о каютах. Я и Виктор Сорокин располагаемся в роскошной каюте люкс. Таких на теплоходе две. Каюта оформлена довольно помпезно, стены светло-коричневого цвета, на стенах медные бра, письменный стол, небольшой столик для приема гостей «на скорую руку», два холодильника, набитых апельсинами, ананасами, авокадо, папайей, лимонами, дынями. Это ребята из Союза повстанческой молодежи позаботились о нас, перед отплытием подкатили доверху нагруженный фруктами американский «Форд». Подарок пришелся по душе, всегда было, чем закусить, а напитки были в изобилии, главным образом, из резерва руководства делегации Советской молодежи на VIII фестивале в Хельсинки.

Изучаем русский

Проснулся с чувством озабоченности и беспокойства. 450 молодых, малообразованных сельских парней на борту теплохода. До Одессы 11 500 км – две недели плавания. Чем занять этих парней, каким спо-

собом адаптировать их к будущей жизни в СССР? Вопрос был для меня весьма сложным. Первый день я решил посвятить встречам с руководителем всей группы Рамоном Мануэлем, старшими отдельных групп. Беседы показали – главное обучение азам русского языка. Кто это может сделать с аудиторией в 450 человек? Я, Сорокин с такой задачей справиться не сможем. Нужны люди, владеющие русским языком. Такие люди на теплоходе есть, но откликнутся ли они на наши просьбы о занятиях русским языком. Пошел с грустными думами к капитану Тенгизу Макацария, заранее зная, что он снобистски относится к нашей работе. Хотя в целом отношение у нас были хорошие, дружеские, но некоторая отстраненность существовала. Капитан принял меня радушно, угостил джином с тоником из своего капитанского бара. Он отнесся с пониманием к моей просьбе привлечь к работе с кубинской молодежью офицерский состав, других служащих теплохода.

– Я поручу всю эту работу своему помощнику по политической части. Вы с ним, я полагаю, сладите.

– Безразличный он человек, – не удержался я.

– Согласен, должность помполита, к сожалению, не его сфера устремлений. Если что-нибудь осложнится, приходите, вместе справимся.

С помощником капитана по политчасти мы сумели подобрать 12 человек, не считая нас с Сорокиным. Получилось примерно по 30 человек в каждой группе. Теперь нужно определить места занятий и время. На таком теплоходе, как «Грузия», найти место для

занятий большого труда не стоило. Я пошел к Рамону Мануэлю рассказать о принятом решении, а помполит собрал группу намеченных преподавателей. Как я узнал потом, некоторые из привлеченных стали отказываться, объясняя свой отказ тем, что свободное время им дается для подготовки к следующей смене.

И все-таки на следующий день состоялись занятия во всех 14 группах. Вечером Рамон Мануэль пришел к нам в каюту.

– Друзья, я восхищен, фантастика! Как можно за один день превратить корабль в школу?

Мы попросили его, чтобы он полностью взял на себя явку учащихся, а также сообщил о пожеланиях ребят, как проводить свободное время.

К концу следующего дня родился план работы с кубинцами. Он включал в себя беседы о быте, нравах русских людей, об СССР и его основных достижениях, о тех республиках и городах, где находятся подготовленные для них училища. Решили за неделю до похода к Одессе устроить вечер-викторину на лучшее знание русского языка. Рамону Мануэлю наш план понравился, и он еще предложил в одном из баров сделать свободную кофейню, использовать для этого имеющийся у них кофе (на теплоходе кофе в таком количестве не было). На занятиях кубинцы задавали много вопросов: «Почему в СССР две формы собственности?», «Что такое социализм?», «Есть ли в колхозах и совхозах детские сады для малышей?» и т. д.

Занятия по русскому языку я начинал с алфавита. Они очень скоро заучили многие буквы. Затем дал

примерно 30 наиболее употребляемых слов и выражений. Сложилась своя собственная «методика» обучения. Я показывал на свою рубашку и внятно по слогам говорил: «Ру-баш-ка». Старательно повторял несколько раз, затем вопрошающе показывал на рубашку одного из парней, он понимающе так же как я по слогам говорил: «Ка-ми-са». Я исправно повторял это слово. Затем показывал на его высокие ботинки и произносил: «са-по-ги». Тот кубинец, ставший как бы моим ассистентом, уже понимающе начинал повторять: «Са-по-ги, Са-по-ги» и так раз десять-пятнадцать. От одежды переходили к лицу. Я показывал на свой глаз и говорил: «Глаз». Рауль, так звали моего ассистента, тут же указывал на свой глаз, повторяя, «Охо, охо, охо,». Так изо дня в день мы взаимно осваивали язык своих народов. При расставании ребята в Одессе благодарили за обучение русскому языку и тут же демонстрировали свои знания. Преподаватели училищ, где занимались бывшие наши воспитанники, хорошо оценивали знание кубинскими парнями бытового языка, технические термины приходилось осваивать с нуля. Учебка с ребятами и нам дала кое-что. Я, например, знаю хорошо десятка два бытовых фраз, могу объясняться с официантом испанского ресторана, спросить, как пройти в определенный район. Все это пригодилось во время последних командировок в Испанию. Так что учебка оказалась взаимно полезной.

Снова океан

Опять океан, прошли Гаити, другие острова и взяли курс на юг, с севера шел сильный тайфун. Океан, где ты в течение недели можешь не увидеть ни одного судна, океан – это полное безмолвие, нарушающее стуком мотора и криком чаек.

По традиции, каждый вечер после фильма мы всей группой собирались на корме третьей палубы. Это было наше излюбленное место с первого дня. Как говорят на флоте, «травили анекдоты», обменивались впечатлениями от прошедшего дня, считали, сколько дней осталось до прихода в Одессу. Постепенно разговор затихал, глаза устремлялись на закатную полосу, если она в этот вечер была. Потом наступало фантастическое состояние: теплоход больше не шел, как обычно по воде, создавалось впечатление, что океан везде и всюду, и вверху и по бокам, а мы находимся и движемся в серовато-голубом пространстве. Это были минуты полнейшей оторванности от земли и неба. Может быть, это было похоже на состояние человека в космосе.

В один из таких вечеров наше состояние благолепия прервал раздавшийся за спиной хриплый голос:

– Я вас по всему кораблю ищу не осталось места, куда бы я не заглянул. А вы, оказывается, закатом любуетесь.

Конечно, это был наш грузинский друг Рухадзе.

– Скорей, за мной, в мою каюту, там холодная чача в чай превращается, ансамбль лучших в Латинской Америке попугаев охрип от приветственного пения.

Странный переход от состояния одиночества и полнейшего безмолвия. Я с радостью принял объятия Рухадзе и мы всей группой двинулись в его каюту.

Крохотный столик был накрыт так, что превратился в большой грузинский стол. В центре стоял большой очищенный ананас, по бокам от него лежали апельсины, лимоны, крабы и стопки для чачи. Рухадзе, не медля ни на секунды, открыл холодильник, взял оттуда бутылку чачи и бутылку кубинского рома. Несмотря на недавний обильный ужин, слюнки потекли, захотелось выпить.

– Друзья, мы прошли вместе больше 10 тысяч километров, впереди еще столько же. Такое расстояние не каждому под силу. Океан велик, добр и коварен. Выпьем за восемь футов под килем!

Мы дружно выпили за этот романтический тост.

– Вам, мои друзья, повезло, – продолжал гостеприимный хозяин, – вы прошли Кильский канал, Ла Манш, впереди у нас Гибралтар, Босфор и Дарданеллы. Остались Суэцкий канал, Панамский канал, но это у вас еще впереди. Десять раз я проходил Гибралтарский пролив – величественный и грозный. Мне рассказывали одну историю приключенческого характера, связанную с этими местами. С вашего разрешения я расскажу ее вам. Но в начале необходимо выпить по второй рюмке.

Мы охотно подчинились.

– У нас на флоте есть строгий приказ: валюту на Кубе не тратить. На судах, плавающих за границу, установлено для каждого моряка и вольнонаемного ва-

лютная ставка в месяц, кроме рублевой зарплаты. Матрос – 100 долларов, я, к примеру говорю, помкапитана – 300 долларов. Проблема возникает с экипажами судов, курсирующих от Союза до Гаваны и обратно. Но проблемы и нет – можно «оставить» валюту в «Березке». Но есть среди нас, к сожалению, корыстолюбивые «жлобы» – так скажу. Вот однажды наш танкер возвращался из Кубы, разгрузив там нефть. Экипажи на танкерах небольшие 14-16 человек, столько же было и на этом. Группа «жлобов» решила во чтобы то ни стало «отовариться» в Танжере, скоро мы будем проходить мимо нейтральной территории. Инициативная группа разрабатывала варианты пришвартовки к причалу Танжера. Да, я не сказал, почему именно к причалам Танжера. Там «ходит» любая валюта и дешевые цены на ширпотреб. Идей у этой группы нашлось немного. Первая – сумасшествие у одного матроса. Подумали и отвергли: придет санитарный катер с врачами, осмотрит на месте «сумасшедшего» или отвезет его в городскую психиатричку, там сделает экспресс-анализ и как миленького в добром здравии доставят на танкер.

Остановились на самом верном и самом дерзком плане. Засыпать песком поршни корабельной машины. Решили и засыпали, танкер встал и запросил по радию отбуксировать его в порт Танжера для ремонта выведенной из строя машины. Не нашлось, к сожалению, в команде людей, кто бы остановил «инициативную группу» от этого преступления. Капитан возражал, но его связали и закрыли в каюте. Танкер

отбуксировали в Танжер, отремонтировали, предъявили одесскому пароходству приличный счет за произведенные работы. Группа моряков получила большие сроки, суд взбудоражил всю Одессу. Большинство настоящих моряков резко осудили этих морских пиратов-мерзавцев. Это был первый и, наверное, последний случай на флоте. – Рухадзе умолк, задумался, а потом сказал:

– Я предлагаю выпить за честных, верных флагу людей, за здоровье вашей «великолепной четверки» и пожелать вам успехов и благополучия вашим семьям.

Обед у капитана

Когда вошли в Черное море капитан Тенгиз Макария пригласил всех нас к себе в кают-компанию на обед. Каждого из нас он дружелюбно обнял и пригласил за стол. Я не первый раз в капитанской кают-компании, но то, как все было обставлено, такого я еще не видел: крабы, осьминоги, морские раки, икра, мясные деликатесы, на отдельном столике ананасы, апельсины, кокосовые орехи, папайя, дыни. Напитки были представлены еще шире.

– Друзья, мы почти полтора месяца живем и работаем вместе. Повстречаться еще раз – проблематично. У каждого из нас свои пути. Я приглашаю Вас выпить за морскую дружбу. От Ленинграда до Гаваны мы прошли 5 000 миль или примерно 10 тысяч км, от Гаваны до Одессы наш путь – 6 400 миль или 11 500 км.

Сложим эти суммы вместе и получим внушительную цифру – 21 500 км. Почти половина «кругосветки». Во время поездки все вы были стойкими, волевыми, достойно прожили трехсуточный 8-бальный шторм при выходе из Ла-Манша в Атлантику. Вас теперь вполне можно считать моряками дальнего плавания, в честь этого я хочу надеть на каждого из вас тельняшку. – Тенгиз по очереди натягивал на каждого из нас тельняшки и, когда процедура посвящения закончилась, то за столом уже сидели капитан и четыре матроса. Такое запоминается навсегда. Я попросил слово и от имени нашей группы сердечно поблагодарил капитана, его помощников, весь экипаж за большую помощь в нашей работе, доброту и сердечность, которые мы встречали постоянно.

– Не скрою от вас, когда мы отходили из Ленинграда с делегациями стран Латинской Америки, с их шумом, треском, и это продолжалось весь путь до Гаваны, то я подумал, что это мероприятие не очень серьезное. А вот теперь, когда я вижу вас с большой группой кубинских парней, которые получают у нас образование и вернутся на Кубу специалистами, я полностью изменил свои взгляды на вашу комсомольскую работу, считаю ее важной, государственной. Предлагаю выпить бокалы за Комсомол и его лучших представителей.

Мы дружно осушили свои бокалы.

– Вот вы прошли на «Грузии» расстояние почти в пол-экватора, а историю судна не знаете. Это судно принадлежало полякам, было построено в Англии. Во

время Второй мировой войны немцы захватили его и оно ходило под флагом III Рейха. К нам оно попало в счет репараций. Теплоход уже исчерпал свой ресурс и в перспективе будет совершать туристические маршруты только внутри акватории Черного моря. Совсем было забыл сказать, что в одном из люксов совершил небольшой переход по Северному морю Гитлер. Вот я и думаю, не на той ли кровати он спал, где сейчас поживает Виктор Сорокин? – с улыбкой сказал капитан.

Я не преминул съязвить:

– Если так было, то это обстоятельство безусловно еще больше разовьет вождистские наклонности нашего друга.

Мы все расхохотались.

Расстались около часа ночи. Утром «Грузия» пришвартовывалась в одесском порту, закончилось наше пятнадцатидневное путешествие от Гаваны. Кубинских парней встречали руководители обкома комсомола, технических училищ. Я вечерним поездом отправился в Москву, Манасарян улетел в Ереван, Сорокин и Луис остались на пару дней в Одессе.

Вот так закончилось для нас путешествие Ленинград – Гавана – Одесса. Для нас это было трудным физическим и моральным испытанием, проверкой наших характеров, деловых качеств.

Короли и Королевы Инсбрука

Снежная эпопея

Необычные события часто начинаются обычным, каких сотни, будничным днем. Утро 22 января 1964 года было пасмурным. Легкая морозная дымка в свете рождающегося дня еще более посеребрила красивый корпус Ту-104. Немало путешественников пришлось повидать и перевезти этому лайнеру, но в то утро он принимал пассажиров особых – олимпийскую команду страны, цвет советского зимнего спорта.

Смех, шутки... Переполненный, несмотря на ранний час, аэропорт, куда собралось, кажется, пол-Москвы, чтобы проводить в дальнюю дорогу своих любимых спортсменов.

– Ни пуха ни пера!

– К черту!

– Везите оттуда все золото мира!

– Не забудь сувенир для сынишки! Если он окажется золотой медалью – все равно вези. Так уж и быть!..

Наспех написанный на кумаче лозунг колышется над группой студентов: «Олимпийцы, вперед!»

Есть, вперед! Курс – Вена.

И лайнер уходит в небо, взяв с собой в полет тепло дружеских объятий, оставляя за бортом драгоценную нить пристального внимания, которая свяжет отныне олимпийцев с сердцами миллионов болельщиков на родной земле.

Для Ту-104 преодолеть расстояние от Москвы до Вены – дело двух с половиной часов. И когда, пробив плотный слой серых облаков, самолет вывернул над самой Веной, все прильнули к окнам и ахнули. Внизу виднелись необычные для зимы темные кварталы,

Зрители были покорены неповторимой гармонией движений и музыки, блестящим талантом нашей пары

четкие линии улиц. Голубая лента Дуная разрежала город надвое. Вычурная башня собора Святого Стефана как бы тянулась самолету навстречу. Это было удивительное и неожиданное для нас зрелище. Холмы Венского леса и примыкающие к ним виноградники были укутаны желтыми прошлогодними листьями, и лишь отдельные пятна снега, притаившиеся в тени лощин, казалось, не менее удивленно смотрели в небо на самолет, как бы спрашивая: «А вы-то, зачем сюда, лыжники?»

Вся надежда была на Инсбрук. Горный Тироль – это не равнинная Вена. «Уж там-то наверняка должен быть настоящий снег», – думали мы.

Инсбрук встретил промозглым туманом и легким, почти не ощутимым морозцем. Со всех сторон город обступали горы с бело-голубыми вершинами. По крутым, обрывистым склонам, по ущельям и лесным просекам тянулись к городу снежные языки. Но, увы, они были бессильны достичь серых улиц старинной тирольской столицы. Не верилось, что мы попали в город Белой олимпиады.

Неужели повторится одна из старых историй?..

Летопись Олимпийских игр знает случаи, когда соревнования отменялись из-за отсутствия снега и льда. Во время II зимних Олимпийских игр в Санкт-Морице теплый ветер за несколько часов «съел» на трассах весь снег.

Но это было в 1928 году, когда судьба спортивных результатов куда больше зависела от капризов погоды, чем ныне.

Сейчас, спустя 36 лет, зимние виды спорта перестали быть уделом только северных стран. Современная техника и химия дали возможность лыжникам и конькобежцам тренироваться круглый год, независимо от температуры воздуха. Хоккей с шайбой стал национальным видом спорта даже в некоторых субтропических странах. А трамплины теперь действуют круглый год. Специалисты-химики покрыли горку разгона и приземления вечным снегом – особым пластиком.

Надо отдать должное Организационному комитету Австрии. Он сделал все, чтобы игры состоялись и прошли успешно. Для австрийцев подготовка к Олимпиаде стала делом национальной чести и престижа.

Специально для хоккейных баталий и состязаний фигуристов был построен «Айс-стадион» – «Ледяной стадион», рассчитанный на 10 тысяч зрителей. К крытому стадиону примыкали конькобежные дорожки – также с искусственным льдом. 130 километров труб холодильных установок обеспечивали высокое качество льда даже под теплыми лучами горного солнца. При любой температуре овал стадиона ослепительно сверкал своей ледяной поверхностью.

Куда сложнее было подготовить лыжные и горнолыжные трассы. Здесь трубы холодильных установок не проложишь. И когда вдруг потеплело, устроители Игр встревожились не на шутку. Организационный комитет, правительство земли Тироль, власти Инсбрука обратились к населению с призывом «защи-

тить снег и спасти лыжные трассы». Полк австрийских солдат, поддержанный ватагами школьников и большими отрядами окрестных жителей, корзинами носил снег из ложбин к местам лыжных соревнований. 15 тысяч кубических метров снега пришлось переместить с места на место.

Олимпийский ковчег

Недалеко от берега стремительного и беспокойного Инна, на окраине города, разместилась Олимпийская деревня – восемь одиннадцатизэтажных коробок из бетона и стекла, сверху похожих на раскрытые веера. В нижних этажах современных по архитектуре зданий располагались столовые, парикмахерские, мастерские по ремонту одежды, обуви и другие бытовые службы. Все остальные этажи занимали команды: два этажа – итальянцы, три – американцы, четыре – австрийцы и т. д. На каждом этаже несколько двух- и трехкомнатных квартир. В просторных комнатах стояло по две металлические койки: для руководителей делегаций – помягче, для рядовых спортсменов – жестче, с твердыми матрацами. Черные грубошерстные одеяла, две подушечки: одна – величиной с кулак, другая – чуть больше. Недостаточно удобно и красиво, зато дешево, что было очень важно для организаторов.

Такие спартанские условия не всем пришлись по вкусу. Американская горнолыжница Джоан Сауберт

первой не выдержала таких условий и демонстративно купила себе хорошую большую подушку.

Австрийская расчетливость проявлялась повсюду. Экономили в малом и большом. Дома Олимпийской деревни строились не специально для Игр. Возведенные капитально, они временно – и, естественно, за небольшие деньги – были предоставлены в распоряжение Организационного комитета Игр с последующей сдачей в аренду и продажей нуждающимся в жилье.

Олимпийскую деревню невозможно себе представить без почтового отделения, работавшего с невиданной нагрузкой. Особенно много хлопот доставлял почтальонам блок № 4, где жила советская команда. Каждое утро рассыльный приносил в штабную комнату советской делегации пачку телеграмм, приветствий, писем. Это почта от близких, родных, незнакомых болельщиков из разных концов страны. В них – тревога и надежды, поздравления и забота десятков миллионов советских людей, настроивших свои радиоприемники и телевизоры на волну Инсбрука.

Каждое письмо – выражение лучших чувств людей разных возрастов, профессий, желающих олимпийцам только одного – победы.

Группа военнослужащих телеграфировала: «Видим в Вас ледовых рыцарей Александра Невского. Ознаменуйте 18-летие нашего хоккея результатами 1956 года. Душой и сердцем с вами».

«От всей души желаю вам успешных выступлений. Посылая привет, прошу ответить мне. На старости лет

я по-прежнему болельщик, ко всему прочему заболел филателией. Ни пуха ни пера, дорогие товарищи. С приветом А.А. Дейнека, народный художник СССР, вице-президент Академии художников СССР».

Такие телеграммы нельзя было читать без волнения. Они радовали, подбадривали наших спортсменов, помогали им в трудные минуты борьбы.

Успешным выступлением спортсменов в немалой степени способствовала обстановка товарищеской поддержки, какой-то особой сердечной чуткости и внимания друг к другу, установившаяся в советской делегации. Победам радовались всей командой, вместе переживали и неудачи. Существовал ритуал поздравления олимпийских чемпионов. В коридорах на видном месте вывешивался специальный выпуск стенной газеты с поздравлениями товарищей, фотографией чемпиона, на общем собрании команды ему вручались красивая поздравительная открытка и торт. Ежедневно в коридорах появлялись остроумные листы. Один из них призывал спортсменов овладеть «математикой победы»: «Воля + стойкость + мужество + дерзание, умноженные на мастерство, = победа». В день решающей встречи с канадскими хоккеистами у входа в столовую появился привлекавший общее внимание плакат. На нем была изображена надломленная ветка с кленовым листом и лаконичная подпись: «Своею собственной рукой».

В суете олимпийских будней, в четком распорядке тренировок и соревнований спортсмены не забывали поздравить своих товарищей и с их днями рождения.

1 февраля было сразу два события: день рождения хоккеиста Анатолия Фирсова и лыжницы Риты Ачкиной. В уютном холле, где собрались спортсмены, Риту ждал сюрприз. Когда смолкли поздравления товарищей, вдруг заговорил магнитофон, и Рита услышала совсем рядом голоса своей матери и товарищей по работе, которые будто бы пришли в эту гостиницу, чтобы поздравить ее и пожелать успехов. От неожиданной радости у Риты на глазах появились слезы.

О питании олимпийцев заботились 60 поваров и 200 подсобных рабочих, которые трудились под общим руководством Карла Шмидта, большого специалиста кулинарных дел. Он организовал целую систему питания с учетом вкусов и потребностей спортсменов различных стран мира. Работали французская, славяно-азиатская, восточная и американская кухни. В зависимости от вкусов происходило и расселение спортивных делегаций по разным корпусам (блокам).

В блоке № 4 были размещены советская, польская, чехословацкая, корейская и японская делегации – предпочитающие славяно-азиатскую кухню.

Правда, если наших спортсменов это вполне устраивало, то японцам явно недоставало своих национальных кушаний, и они были вынуждены в специальных электрорварках готовить дополнительно для себя блюда из риса.

По одежке встречали

Население популярного у любителей туризма Инсбрука к началу Олимпиады увеличилось почти вдвое. Большие и малые отели и пансионаты города и прилегающих городов были переполнены. Найти номер было невозможно. Предприимчивые хозяева не терялись. Цена «рядовых» номеров достигала 400 шиллингов. Посмотреть крупнейшие соревнования прибыло около 80 тысяч туристов из 79 стран мира. Для Инсбрука туристы – явление заурядное. Любоваться прекрасной природой Тироля приезжают десятки тысяч туристов. И город живет и процветает за счет богатых гостей. Но такого количества туристов здесь еще никогда не бывало. Особенно много развлекающейся публики прибыло из ФРГ, Франции, Италии, Швейцарии. До итальянской границы от Инсбрука всего 40 километров – около часа езды на автомобиле, до Мюнхена – 113 километров. Были простые туристы, а были и именитые гости. На Олимпийские игры пожаловали королева Нидерландов, князь Лихтенштейна и другие.

И простые, и именитые гости Инсбрука заняли отели и пансионаты в нетерпеливом ожидании спортивных поединков или любых других незаурядных событий. Жаждающую сенсаций публику удовлетворяли своими «находками» газеты. И началось это еще на перроне вокзала, когда появились советские спортсмены, одетые в серо-коричневые пальто и шапки из серебристой нерпы. «Элегантно и внушительно», – писали газеты об одежде наших спортсменов. На сле-

дующий день местная газета «Тирольше курир» восклицала: «Русские на вокзале устроили парад мод». Другие газеты также отметили «богатый наряд русских». Многочисленные гости были поражены.

Оказывается, в том году самым модным мехом в Европе был именно мех нерпы. Носить нерповую шубу могли позволить себе только богатые люди, так как стоила она 20-25 тысяч шиллингов.

Часто наши ребята не успевали предъявлять пропуска и билеты, как многочисленные контролеры с почтительно-предупредительной улыбкой пропускали их на все спортивные сооружения и все соревнования, предоставляя лучшие места. Завидев на улицах спортсменов в серебристых шапках, шоферы останавливали машины и предлагали свои услуги. Стоило нашим спортсменам появиться на улице, как их тут же окружала толпа, жаждущая познакомиться, поговорить, что-то уяснить – многие впервые видели здесь советского человека. Для этих австрийцев было очень приятно перебраться с нашими ребятами приветствиями. Делали они это искренне, с каким-то особым чувством уважения.

Интерес и внимание австрийцев к нашей Стране возрастали по мере успешного выступления советских спортсменов. Пожалуй, ничто так не повлияло на авторитет нашей команды, как успешное выступление фигуристов – Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова, Татьяны Жук и Александра Гаврилова. Дело в том, что в Австрии самые популярные виды спорта – горные лыжи и фигурное катание.

Забывшие короли и новые кумиры

Трудно и, наверное, как-то неудобно в дни Олимпийских игр быть коронованной или какой-нибудь знатной особой. На них никто не обращает внимания, все поглощены спортивной борьбой. А без этого внимания именитый гость превращается в рядового зрителя, которого, несмотря на плотное кольцо широкоплечих молодцев-телохранителей и потеснить на скамейке могут, да и по плечу похлопать в один из острых моментов спортивных баталий. Да, трудно приходилось шаху, его супруге и другим царственным особам. Они получали свою долю внимания от официальных сопровождающих их лиц по нормам дипломатического протокола и от полиции – по нормам полицейского устава. А настоящее, идущее от сердца человеческое внимание, чувство восхищения и уважения на Олимпиаде принадлежало другим.

Подлинным правителем, королем и властителем здесь был спорт и его лучшие представители.

Когда советская делегация появилась в огромной чаше олимпийского стадиона, 55 тысяч зрителей одновременно, как по сигналу дирижерской палочки, восторженно приветствовали наших спортсменов.

На площадке – хоккеисты СССР и Канады. Решается судьба олимпийских золотых медалей. Тысячи желающих попасть на стадион.

Те, кто из всего привык делать бизнес, в эти минуты не дремлют. Спрос на билеты велик, кассы пусты – значит, можно диктовать условия, и дельцы диктуют их: 5 тысяч шиллингов за один билет.

3 февраля руководители Австро-советского общества дружбы пригласили обладательницу четырех золотых медалей Лидию Скобликову, «золотую пару» – Л. Белоусову и О. Протопопова, Ирину Егорову, Татьяну Сидорову, Берту Колокольцеву и Клару Нестерову в свой клуб, где состоялась встреча с активистами общества. Машину пришлось оставить метрах в семидесяти от входа в клуб, так как вся прилегающая к нему небольшая площадь заполнена народом. Несколько десятков метров, которые нужно пройти, чтобы попасть в зал, оказались очень длинными и трудными. Сотни рук с цветами, открытками, блокнотами, ручками. Сотни восторженно улыбающихся лиц. В течение 30-40 минут мы – организаторы вечера – тщетно пытались навести хоть какой-то порядок. Как всегда, всезнающие корреспонденты, фотографы, представители радио и кино прибыли на встречу без всякого приглашения и плотным кольцом окружили стол, за которым сидели наши спортсмены. Они отчаянно работали локтями, отталкивали друг друга, ругались, а двое выясняли отношения между собой, ухватившись за лацканы пиджаков. 25-30 разнокалиберных фото- и кинообъективов нацелились на наших спортсменов. В клубе, рассчитанном максимум на 150 мест, стояла плотная галдящая толпа в несколько сотен человек. «Пришли мы через двери, а вот уходить будем через дымоход», – шутили девчата. Люди все подходили и подходили, они стояли в длинном коридоре, на улице – и ждали. Организаторы встречи растерялись, они не ожидали такого количе-

ства почитателей советских спортсменов. Встреча явно срывалась. Выручили соседи – в этом же доме находился полицейский участок. Двое полицейских закрыли вход в зал, установили очередь в коридоре. Утихомирили журналистов. Полтора часа наши спортсмены отвечали на вопросы, давали автографы. Вначале подписывали все сразу, но после того, как каждый дал по 100-150 автографов, стали давать автографы поочередно. Дети, девушки, юноши почетные главы семейств терпеливо дожидались своей очереди подойти к столу. Многие из них видели так близко советских людей впервые. Все интересовались подробностями о команде, просили рассказать о планах, впечатлениях.

О друзьях и недругах

Местная тирольская, венская и мировая пресса в основном доброжелательно рассказывала о каждом шаге советской делегации, начиная с выхода на перрон Инсбрукского вокзала. Но все-таки тон некоторых буржуазных газет был настороженным, сдержанным. В материалах о нашей команде нередко сквозило: «Посмотрим, на что способны русские спортсмены...»

Были и такие газеты, которые писали о наших спортсменах явно недружелюбно и тенденциозно. Внимание привлекла одна статья местной газеты о команде хоккеистов и ее первых тренировках: «Тре-

нировки советской команды построены на приказе, окрике, о шутках и говорить не приходится. Мировая звезда хоккея Борис Майоров стоит перед Тарасовым как школьник».

Но шли дни. Наши спортсмены проводили тренировки, прикидки, завоевывали медали, а самое главное, своей общительностью, щедростью на улыбки приобретали симпатии у спортсменов-олимпийцев, жителей города. Прошло не больше двух-трех дней, как они стали самыми популярными людьми и Инсбруке.

Ежедневно к нам поступали многочисленные приглашения приехать в молодежный клуб, отделение Австро-советского общества, пионерскую организацию «Молодая гвардия». Трудно было принять все эти предложения. Утром – тренировки, днем – соревнования, все рассчитано по минутам. Но, несмотря на это, никому не отвечали отказом. Наши спортсмены с удовольствием ездили на такие встречи, порой лишая себя часов необходимого отдыха.

Запомнилась одна из таких встреч. Километрах в двадцати пяти-тридцати от Инсбрука есть небольшой городок Оберперфус. Владелец местного отеля и ресторана пригласил наших спортсменов поужинать вместе с жителями городка и канадскими, итальянскими, американскими туристами, проживающими в отеле. Хозяин, бесспорно, был весьма доброжелательно настроен к нам, но, пожалуй, не последнее место в его желаниях занимало стремление повисить на этой встрече авторитет своего заведения и доходы. Совет-

ские спортсмены, да еще олимпийские чемпионы – гости хозяина отеля! Лучшей рекламы своему заведению не придумаешь.

Если хозяина и можно заподозрить в корысти, то двести пятьдесят посетителей, набившихся в ресторан, обвинить в этом было нельзя. Столы стояли впритык, вдоль стен и у дверей пристроились те, кому не удалось сесть. Официанты с большим трудом пробирались к своим клиентам.

Один из завсегдатаев ресторана рассказал нам:

– Почти двадцать лет я каждый день хожу сюда, чтобы поговорить со своими товарищами, выпить кружку пива или чашку кофе. Такого количества посетителей не бывало даже по самым большим праздникам.

Для жителей маленького города эта встреча была торжественнее самого большого праздника. В их ресторане бывали туристы средней руки, проезжие коммивояжеры.

А тут – поверить трудно! – должна приехать четырехкратная олимпийская чемпионка Лидия Скобликова с подругами: Ириной Егоровой, Валентиной Стениной, Татьяной Сидоровой. И они приехали. Как только Лида и ее подруги появились в дверях, грянул духовой оркестр. Девушки шли через тесный людской коридор.

Наших спортсменов приветствовали бургомистр города, хозяин отеля, затем им вручили тирольские сувениры. Самодеятельный хор исполнил в честь гостей тирольские песни и танцы. Потом бургомистр

предложил всем присутствующим поднять бокалы за здоровье и успехи советских спортсменов. Лидия Скобликова от имени советской делегации пожелала здоровья и благополучия всем присутствующим и их семьям.

Наши спортсмены привыкли у себя в стране к тому, что люди проявляют друг к другу внимание, чувство товарищеской поддержки, коллективизма. Олимпийский чемпион, гордость популярнейшего в Австрии горнолыжного спорта, достойный преемник известного Тони Зайлера Эгон Циммерман и его жена не могли попасть на хоккейный матч СССР – Чехословакия: у них не было билетов. Это выглядело нелепо. Владелец золотой олимпийской медали – за воротами стадиона! Как же о нем не позаботились спортивный клуб, где он тренируется, товарищи по команде, честь которой он так блестяще защищал, наконец, спортивные руководители Австрии?!

Как только наши горнолыжники узнали об этой ситуации, они пригласили Циммермана и его супругу на матч. На следующий день многие газеты мира рассказывали об удивительном для австрийцев и обычном для советских людей поступке – чувстве внимания и уважения к спортсмену другой страны.

Шли дни. Спортсмены нашей страны завоевывали медали и сердца австрийцев. Изменился и тон большинства газет. Недоброжелательные и развязные выпады против наших хоккеистов сменились стройным хором, воспевающим их доблести.

Золотой баланс

Среди созвездия спортивных талантов особым блеском засверкал в Инсбруке талант нашей Лидии Скобликовой. Недаром чемпион Франции по конькам Андрэ Куприянов сказал: «Игры в Инсбруке, несомненно, войдут в спортивную историю как «Олимпиада Скобликовой».

Газеты, журналы, радио, телевидение большинства стран мира с удивительным единодушием и восторгом среди лучших называли имя советской спортсменки. Броские газетные заголовки, фотографии, целые полосы... «Королева ледяной дорожки», «Фантастическая королева коньков», «Сверхзвезда Олимпиады», «Потрясающий успех советской спортсменки», «Русская принцесса»... А вот как характеризовал нашу спортсменку американский журнал «Спортс иллюстрейтед»: «Эта привлекательная девушка со стальной волей, пожалуй, лучшая конькобежка, которую знал мир». Этот всеобщий каскад восторгов был вызван беспримерным спортивным подвигом Лидии Скобликовой.

Да, Лида – «сверхзвезда Олимпиады», чемпионка олимпийских чемпионов. Еще ни одному спортсмену за всю историю зимних Олимпийских игр не удавалось завоевать на одних играх четыре золотые медали. Четыре из четырех возможных!

«Лидия Скобликова – спортсменка единственная в своем роде. Можно лишь поражаться темпу ее бега. Что же касается гармонии и ритма, то в этой области она превзошла всех своих соперниц...» Так оценивала

выступление замечательной спортсменки газета «Зюддойчецайтунг» (ФРГ).

500, 1000, 1500 и, наконец, 3000 метров – разные дистанции, каждая из них требует от спортсменки особой тактики, скорости, силы, выносливости. Успешно покорив все четыре, Скобликова показала, что Она обладает большим запасом моральных и физических сил, многообразным, совершенным и редким спортивным дарованием. Чтобы в полной мере оценить талант нашей «королевы коньков», напомним, что раньше она увезла две олимпийские медали из Скво-Вэлли и медаль абсолютной чемпионки мира из японского города Каруидзава.

Под статью своему лидеру оказались в Инсбруке и другие советские конькобежки: Ирина Егорова завоевала две серебряные медали, а Валентина Стенина – одну. Берта Колокольцева и Татьяна Сидорова были удостоены бронзовых медалей. Девять олимпийских медалей – 55,5 очка – итог выступлений наших девушек.

Успешно выступили и советские лыжницы. Три золотые медали из трех возможных – замечательный результат их усилий. В команде появилась вторая королева – «королева лыжни» – Клавдия Боярских, победившая в гонках на 5, 10 километров, а также в эстафете 3 x 5 километров.

Опытные гонщицы Алевтина Колчина, Евдокия Мекшило и уже ставшая двукратной чемпионкой этой Олимпиады Клавдия Боярских были быстрее всех в эстафете 3 x 5 километров и стали чемпионка-

ми Олимпийских игр. Три золотые, одна серебряная и две бронзовые медали – такова олимпийская аттестация лыжниц.

Любопытно отметить, что две спортсменки с Урала – Лидия Скобликова и Клавдия Боярских – завоевали семь золотых медалей – столько же, сколько сильные олимпийские команды Норвегии, Швеции и США, вместе взятые.

Мир уже успел привыкнуть к сюрпризам советских спортсменов. И, тем не менее, их блестящий успех в фигурном катании для большинства зрителей был полной неожиданностью.

Австрийцы – тонкие ценители и знатоки фигурного катания – предсказывали успех своим соотечественникам, немецким, канадским и американским фигуристам. В парном катании они единодушно заранее отдавали пальму первенства западно германским спортсменам М. Килиус и Г. Боймлеру. Уверенность в победе этих спортсменов была настолько велика, что некоторые дельцы от спорта заранее изготовили и продавали фотографии Килиус и Боймлера с надписью: «Чемпионы мира и Олимпийских игр 1964 года».

Нашу же пару – Людмилу Белоусову и Олега Протопопова – спортивная пресса называла «Тенями чемпионов». На последнем чемпионате Европы они получили серебряные медали, и многим казалось, что выше второго места им никогда не подняться.

Но прогнозы не оправдались. В день открытия Олимпиады на «Ледяном стадионе» в присутствии де-

сяти тысяч зрителей советские спортсмены Людмила Белоусова и Олег Протопопов завоевали первое место и получили золотую медаль олимпийских чемпионов, а Килиус и Боймлер оказались на втором месте.

Белоусова и Протопопов не просто победили, они вызвали всеобщий восторг. Когда смолкли последние аккорды музыки Масне, зрители замерли, а затем разразился шквал аплодисментов. На какое-то мгновение все забыли о своей национальной принадлежности, своих спортивных фаворитах, все были покорены неповторимой гармонией движений и музыки, блестящим талантом советской пары.

Парное катание Л. Белоусовой и О. Протопопова – это, пожалуй, не спорт, а искусство. Спортивная техника для них не самоцель, она играет подчиненную роль, помогает выразить сложные человеческие чувства, вызываемые музыкой. Музыка здесь не просто аккомпанемент к движениям, она раскрывается, живет в движениях.

Трудно, очень трудно завоевать золотую олимпийскую медаль. Но есть на олимпиаде особая медаль, которая завоевывается не одним человеком, а коллективными усилиями семнадцати спортсменов. Это золотая медаль в турнирах хоккеистов. Недаром шестикратная чемпионка Олимпийских игр Лидия Скобликова подбадривала ребят перед их решающей встречей с канадскими хоккеистами: «Мальчики, вы должны понять, что все медали, которые мы тут до вас завоевали, засверкают другим блеском, если к ним прибавиться еще ваша медаль».

А медаль эту можно было получить, победив канадских, шведских, американских, чехословацких хоккеистов. Каждая из этих команд претендовала на высшую ступень олимпийского пьедестала. Прежде всего, нашим ребятам предстояло победить канадцев, которые с 1924 года 18 раз выходили победителями первенств мира, играя клубными командами. Правда, после поражения на чемпионате мира в Стокгольме канадская лига любительского хоккея больше не решалась рисковать и впервые в истории направила на Олимпийские игры в Инсбрук национальную сборную. Но и эта чрезвычайная мера не уберегала канадцев от поражения. Наши парни, сочетающие в себе, как писали газеты, «скорость газели с мощностью буйвола», сумели одолеть всех своих соперников, забросив 54 шайбы и пропустив лишь 10. После победы в Инсбруке полный титул сборной команды хоккеистов СССР звучал так: двукратные олимпийские чемпионы, четырехкратные чемпионы мира, восьмикратные чемпионы Европы.

Спортсмены СССР на IX зимней Олимпиаде завоевали 25 олимпийских наград, в том числе 11 золотых, спортсмены Норвегии – 15, из них 3 золотые, а спортсменам Англии досталась всего одна медаль.

Победа в Инсбруке была выдающимся успехом наших олимпийцев. Такого успеха не удавалось добиться ни одной команде за всю историю зимних Олимпийских игр.

Стриптиз за полфунта

В 1966 году я был руководителем группы журналистов, писателей на чемпионате мира по футболу, проходящем в Великобритании. Наша команда предварительные игры проводила в своей группе в городе Сандерленде. После успешного завершения игр в этом городе футболисты и вслед за ними журналисты и писатели перелетели в Лондон, где нам предстояло посмотреть захватывающие полуфинальные и финальные игры на стадионе Уэмбли. Свободного времени у нас было хоть отбавляй. Мы побывали на разводе караулов в Букенгемском дворце, в Вестминстерском аббатстве, Тауэре, Британском музее и т. д. Не обошли вниманием и известный своими стриптиз-клубами район Сохо. В витринах большинства из этих клубов можно было увидеть похожую одна на другую фоторекламу с широковежательным, многообещающим текстом: «Двенадцать самых лучших женщин мира». Все мы много слышали о стриптизе, но ни один из нас не видел его «живьем». В разговорах подобралась небольшая группа смельчаков-единомышленников, выдвинувшая «оправдывающий свои намерения постулат»: «Журналисты должны знать и видеть все». Так, на всякий случай, чтобы не

прослыть легкомысленным, тем более «озабоченным». Постулат постулатом, но каждый из нас сознавал, что при утечке информации, при определенных обстоятельствах мог стать «невыездным». Нас набралось пятеро, и мы рискнули.

Шли в Сохо и думали за один фунт увидеть что-то невероятное. А уходили без всякого чувства удовлетворения. Из двенадцати «самых, самых» только одна черная танцовщица из Мозамбика исполнила все грациозно, пластично, остальные исполняли свою «программу раздевания» монотонно, утомленно, не вызывая никаких эмоций, кроме сочувствия. Потом мы узнали, что у нескольких клубов один хозяин, вот «самые лучшие» и бегают до полуночи взмыленные из одного в другой. Какая уж тут пластичность, музыкальность? Работа – она и есть работа.

Несмотря на взаимные обещания сохранять тайну, информация о нашем «походе» видимо просочилась в некоторые слои нашей группы. Боле того у нас появились «последователи», которые действовали самостоятельно. И к нашему удивлению ими оказались высоко нравственный, осторожный Лев Кассиль и словоохотливый Цезарь Солодарь.

После своего «грехопадения», как всегда, под строгим секретом Цезарь Солодарь рассказывал, как было дело. Гуляя с Львом Кассилем по Сохо, среди стандартных цен за посещение клуба, в один фунт стерлингов, они с удивлением обнаружили на дверях одного из них объявление: «Стоимость одного сеанса – полфунта». Это-то и отбросило все их сомнения и

*Одни на Бейкер-стрит, другие в
военное министерство, а некоторые
в Сохо*

укрепило решимость посетить именно этот сеанс и «живьем» посмотреть этот запретный стриптиз. В установленное время Цезарь Солодарь и Лев Кассиль спустились по плохо освещенной лестнице вниз, в полуподвальное помещение. Там они обнаружили крохотный зрительный зал, мест так на 50, и сцену с занавесом. Их обескураживало одно обстоятельство: время начала стриптиза уже наступило, а в зале кроме них двоих не было никого. Вдруг занавес медленно раскрылся, появился обыкновенный киноэкран, на котором кадр за кадром начала «раскручиваться тугая интрига раздевания» двенадцати лучших женщин мира. Но к огорчению наших коллег не «живьем», не «на яву», а на обычной киноплёнке. Но зато за полфунта. Лев Кассиль страшно смущался всей этой затее, зато его напарник без умолку, под честное слово всем рассказывал о посещении ими «кинострептиза». Пожалуй, это была одна из самых смешных историй за время наших поездок на Олимпиады, чемпионаты мира.

У подножия Фудзиямы

Курс – олимпийский Токио

Пути-дороги. Сколько их опоясывают в разных направлениях земной шар, соединяя страны и континенты! И на этих дорогах в разное время тоже бывает час «пик». Тесно было на мировых дорогах в сентябре и октябре 1964 года. Десятки больших и малых, обычных и специальных самолетов, пароходов, океанских дизель-электроходов из Европы, Азии, Африки, Австралии, Америки брали курс на Токио, где проводились Игры XVIII Олимпиады, имея на борту бесценный груз – самых сильных и самых миролюбивых людей мира – олимпийцев.

Немало километров предстояло преодолевать и нашим советским спортсменам, чтобы попасть в столицу Японии. Казалось бы, Япония – наш сосед, до соседа всегда близко. А ведь между Москвой и Токио расстояние – ни много ни мало, свыше 11 тысяч километров. Готовились в дальний рейс и наши воздушные гиганты Ту-114, чтобы за 11 часов перебросить советских олимпийцев в столицу Олимпиады.

В Находке – морских воротах нашей страны на Дальнем Востоке – делали последние приготовления

пассажирские теплоходы «Урицкий», «Хабаровск». В трюмах парохода «Владимир Маяковский» в персональных каютах-контейнерах, обитых мягким пластиком, размещались необычные пассажиры – олимпийские кони. Среди них был и знаменитый Абсент, на котором Сергей Филатов в Риме завоевал золотую, а в Токио – серебряную медаль.

Мы, первая небольшая частица олимпийской команды, 22 сентября стали пассажирами комфортабельного теплохода «Георгий Орджоникидзе», совершающего регулярный рейс Находка – Иокогама. В 11 часов теплоход дал протяженный гудок и медленно отошел от пирса.

Пассажиры теплохода – преимущественно японцы: делегация женщин-социалисток, мэр города Нигаты, пострадавшего от жестокого землетрясения и получившего моральную и материальную поддержку российского народа; финские, шведские, норвежские журналисты, спортсмены-олимпийцы МНР. Час-полтора прошли в обычной для начала любого путешествия суете, когда пассажиры ищут свои каюты, осматривают теплоход.

Дошла очередь и до нас. Пассажирский помощник капитана хитровато улыбнулся и сказал:

– Для вас у меня приготовлена каюта люкс № 2.

Мы отнесли эту любезность на счет особого внимания к олимпийцам. Спустились по лестнице и остановились у одной из дверей. Помощник капитана достал из кармана ключи и стал открывать дверь, на которой мы прочитали: «Каюта для пассажиров с де-

тьми». На наших лицах недоумение: самому «юному» из нас недавно исполнилось 32 года...

Андрей Иванович, так звали помощника капитана, широким шутовым жестом пригласил нас в каюту. Просторная комната, стены расписаны цветными картинами на темы русских народных сказок, низкий столик, детские стулья. Справа вторая комната – спальня, в ней две двухъярусные койки для взрослых и четыре детские кроватки. Мы остались вполне довольны осмотром наших морских апартаментов, тем более что они включали целый комплекс совершенно необходимых в длительном путешествии удобств. Как выяснилось потом, все каюты первого и второго класса были заняты иностранцами. Оказались свободными лишь каюты 3-го класса, но капитан и его пассажирский помощник проявили трогательную заботу о нас и разместили в одной из самых лучших и удобных кают корабля. Так начался наш путь в Токио.

Рано утром 23 сентября в предрассветной дымке стали появляться очертания береговой полосы. Мы вошли в пролив – слева Хоккайдо, справа – главный остров Японии Хонсю. Ровно через 20 часов пути теплоход подошел к японским островам. Весь этот и следующий день мы плыли вдоль Хонсю. С палубы видна ломаная линия островных гор. Остров кажется безлесным и необитаемым. Вечерняя темнота как бы проявила и оживила его: на мысах замелькали огни маяков, словно ярчайшие бусинки ожерелья, засветились уличные фонари, замерцали синие огни неоновых реклам.

До нас доносилось дыхание жизни до сих пор казавшихся безлюдными японских остров.

Каждому из нас дома не раз приходилось наслаждаться красотой заката. Но здесь, у берегов Японии, Страны восходящего солнца, закат еще более великолепен своей сказочной таинственностью и причудливостью красок. В этот вечер над островами повисли необычные полосы облаков. Они были красными, похожими на яркие ленты в отсвете опускающегося солнца. А оно как бы скатывалось по этим лентам сверху вниз за острова, туда, где осталась наша земля. Там, за 11 тысяч километров, в Москве, солнце было в зените, наступал полдень. А здесь оно скатывалось все ниже и ниже, отдавая власть темноте надвигающейся ночи. Подмигнув нам в последний раз, оно скрылось за островом. Веер лучей его еще некоторое время создавал пурпурного цвета зарево, которое напоминало кратер огнедышащего вулкана. Завтра – Иокогама.

Проснулись от сильной качки. Тревожно трещали деревянные переборки. В иллюминаторах бурлила и пенилась волна. Небо слилось с океаном в свинцового цвета покрывало, которое накрыло наш теплоход. Казалось, что солнце закатилось навсегда. Тихий океан обрушивал на теплоход волны силой в 6-7 баллов. «Орджоникидзе» сбавил ход.

Несмотря на это, ровно в 13 часов наш теплоход бросил якорь на внешнем рейде порта Иокогама. Вокруг нас – американские, японские, итальянские, французские пассажирские, грузовые, военные суда.

Между ними, зарываясь в штормовой волне, сновали буксиры, портовые катера с полицейскими, иммиграционными, санитарными властями на борту. Вскоре катер с властями подошел и к нашему теплоходу. Полицейские чины знали о прибытии группы из состава советской олимпийской команды и в первую очередь для прохождения формальностей пригласили нас.

Мы поочередно подходили к каждому из трех столов, установленных в салоне первого класса. За одним столом сидели три чиновника полиции, за другим – чины иммиграционных властей, за третьим – санитарный кордон. Получив от каждого чина соответствующую отметку в олимпийском удостоверении, мы отправились в каюту собирать вещи. Но не успели мы закрыть двери каюты, как пришел вахтенный и сказал, что в библиотеке нас ждет прибывшая на борт группа японских журналистов.

В читальном зале нас встретили 17 японских журналистов, обвешанных фотоаппаратами, кинокамерами, «блицами». Они приветливо улыбались. «Как советская команда выступит в легкой атлетике, плавании?», «Расскажите о ваших дзюдоистах», «Надеется ли ваша команда на победу?». Такие вопросы интересовали их газеты. Наши ответы не удивили их, чувствовалось, что они уже немало знают о советском спорте.

По расписанию, ровно в 16.00, «Георгий Орджоникидзе» пришвартовался к одному из центральных причалов иокогамского порта. Мы стоим на верхней палубе, ищем взглядами знакомых. На берегу – толпа

Без зонта никуда...

встречающих, человек двести пятьдесят-триста. Представители посольства МНР в Японии и Организационного комитета Олимпиады встречают монгольскую спортивную делегацию. Над толпой транспарант: «Да здравствует дружба между монгольским и японским народами!».

Недружелюбно только моросит дождь, на причале – лужи воды, сверху лица людей не видны, они скрыты за черными крышами зонтов. Женщины-японки одеты в кимоно, на ногах белые чулки и деревянные туфли, завернутые в целлофановые чехлы.

По сторонам огромные пакгаузы для грузов, вереница небольших складов из гофрированного железа. Иокогама – крупнейший пассажирский и торговый порт Японии, морские ворота страны. В городе проживает около 1 400 тысяч человек. По количеству населения Иокогама – примерно четвертый город Японии.

На берегу нас встречали В.И. Саввин, ответственный секретарь Советского олимпийского комитета, и переводчица Фумико, молодая японская девушка, студентка.

Мы смотрели на причал, на толпу встречающих. Перед нами была новая страна, новые люди, о которых мы немало читали, слышали, но видели впервые. «Какая она, эта Япония?» – с такой мыслью садились мы в автобус, который должен был отвезти нас в Олимпийскую деревню.

А за окном уже проплывал незнакомый город. Мелькали уличные огни, дома, стало темно.

Гостеприимство по-японски

Первое утро в Японии было для нас отнюдь недобрым. В городе властвовал тайфун, который в этот период и для японцев был большой неожиданностью. Ветер дул с невероятной силой. Оконные рамы нервно дрожали. Казалось, вот-вот они не выдержат и развалятся. Глухо стонали стены нашего четырехэтажного капитального общежития. На наших глазах ветер свернул в причудливую воронку и сорвал же-

Не плохо полакомиться креветками, крабами, лобстерами и запить все это хорошим японским пивом. Организаторы XVIII Олимпиады устроили в парке отеля «Отани» прием для журналистов. Нас тоже не обошли: Е. Хомусков, А. Добров, М. Шишигин

лезную крышу с соседнего душевого павильона. В воздухе, как куски бумаги, кружились листы кровельного железа, сорванного с соседнего общежития. На втором и третьем этажах нашего дома вырвало незакрытые уборщицами оконные рамы. Выйти на улицу было делом рискованным. Наша переводчица Фумико попыталась выйти из общежития, но не смогла сделать и двух шагов. Ветер срывал одежду, пригибал ее к земле. Ответственный секретарь Олимпийского комитета В.И. Саввин должен был ехать на совещание в Организационный комитет. Когда его машина отъехала несколько метров от подъезда, большой кусок сорвавшейся крыши разбил радиатор, и машина вышла из строя. Охочая до сенсаций пресса, узнав об этом случае, распространила слухи, что ответственный секретарь Олимпийского комитета В.И. Саввин смертельно ранен. Полдня журналисты из разных газет звонили нам в корпус и расспрашивали об обстоятельствах ранения В.И. Саввина. К концу дня тайфун прошел через город. Выглянуло солнце. Установилась мягкая теплая погода.

Вечером, проезжая по городу, мы увидели следы, оставленные тайфуном. В парках и скверах множество вырванных из земли деревьев, корни которых были в деревянных ящиках-опалубках. Любопытно, японцы, зная «проказы» тайфуна, сажают деревья в землю в больших деревянных ящиках, которые хорошо оберегают корни от гибели. После тайфуна деревья поднимают и ящики с корнями зарывают в землю.

26 октября утром в Токио прилетела основная

часть нашей делегации. Мы едем встречать ее в аэропорт «Ханэда». Аэропорт заполнила большая толпа. Работники посольства и торгпредства СССР в Японии, их семьи, наши и иностранные журналисты, представители Японского олимпийского комитета, общества Япония – СССР. Встретить советских олимпийцев пришли японские студенты, рабочие и служащие аэропорта. У многих в руках алые гвоздики – знак особого уважения. Глаза устремлены в небо, все с нетерпением и любопытством ждут появления нашего Ту-114. Это любопытство не удивляет. Советский воздушный гигант прилетает в Японию впервые. Но самолет далеко не главный предмет любопытства. Каждому хочется увидеть Юрия Власова, Валерия Брумеля, Ларису Латынину и других советских олимпийцев. Но вот вдали показалась серебряная птица. Ближе, ближе, и вот уже приземлилась и подрулила к зданию аэропорта. Двое энергичных японцев вскочили на автотрапы и лихо подкатали их к носовому и хвостовому люкам. Но тут оказалось, что оба трапа не достают до люков. Среди служащих порта полнейшее замешательство. Как будут выходить спортсмены? Мы шутим: «Попали в западню, придется лететь в Хабаровск за нашим трапом или спускаться по веревочной лестнице». Работникам Аэропорта Ханэда не до шуток. Они с «полнейшим сервисом» принимали американские «Боинги» и французские «Каравеллы».

А тут такой конфуз – трап короток... Оказалось, что прилетел гигант из гигантов. Минут пятнадцать-

двадцать длилось замешательство. В окнах виднелись знакомые лица спортсменов, они махали руками, улыбались, в открытые двери головного люка собравшихся приветствовали улыбчивый Леонид Жаботинский, Юрий Власов и другие. Всего метр-полтора отделяли их от дружеских объятий, рукопожатий, ярко-красных гвоздик, японской земли. Выручили наши же ребята из экипажа самолета: они опустили аварийную лестницу-стремянку на верхнюю площадку трапа. Так прибытие советской олимпийской делегации в Токио стало первой сенсацией.

Какой он Токио?

Пожалуй, первое, что бросается в глаза человеку, впервые попавшему в Токио, – это огромная масса людей повсюду: на улицах, в магазинах, парках, городском транспорте. Людской муравейник. Чтобы двигаться по улицам, требуется искусство опытного слаломиста. Токио – самый крупный город мира, его население превышает 10 миллионов человек. Здесь очень большая плотность населения. Теснота в Токио невероятная, используется каждый метр земли. Большинство улиц шириной 5-6 метров не имеют тротуаров. Две трети города заставлены маленькими, почти игрушечными двухэтажными домиками из дерева, фанеры, картона. Некоторые из них настолько малы, что похожи на большие фанерные ящики. В первых этажах этих домиков размещены небольшие магази-

ны-лавки, где продают фрукты, овощи, рыбу, мясо, кондитерские изделия, ткани, деревянные туфли, зонтики; или крохотные кафе, ресторанчики с японской кухней, бары. Создается впечатление, что буквально все горожане торгуют. При большой концентрации капитала в Японии самый высокий процент мелких лавочников-торговцев. Внешне это выглядит противоречиво. Но только внешне. Большинство мелких торговцев связано с крупными оптово-промышленными компаниями, для которых иногда выгоднее вести торговлю через лавчонки-магазины, ибо в них значительно ниже торговые издержки, чем в крупных универмагах. Вполне понятно, крупная оптовая орга-

Две трети города застроены игрушечными двухэтажными домиками из фанеры и картона

низация зарплату работникам лавок не платит, помещение, оборудование, транспорт не содержит. Многие японцы днем работают в конторах, а вечером помогают женам торговать в ресторанчике, лавке, баре. Ночью на маленьких улицах темно, уличных фонарей нет, свет на мостовую проникает лишь из окон домов, магазинов. Семьи бедных японцев живут в одной-двух крохотных, семи-, восьмиметровых комнатках, внутреннее убранство которых более чем скромное: маленький столик, пол застлан циновками из рисовой соломы – они служат и кроватью, и диваном, и стульями.

Токио – город резких контрастов. Маленьким, прижавшимся друг к другу фанерным домикам противостоят огромные, устремленные вверх современные дома из стекла, алюминия и стали. Чем ближе к центру, тем выше и внушительнее дома. Центральный район города – Гиндза – сосредоточение импозантных, внушительных зданий. В них расположены крупнейшие банки «Мицубиси», «Токио банк», «Каньво», директораты промышленных компаний, крупнейшие универмаги, государственные учреждения, информационные агентства и газеты. Улицы как бы почтительно расступаются перед мощью финансово-промышленной элиты, становятся значительно шире, чище и ярче, публика – чопорней и наряднее. В японской столице большое количество европейских отелей, а также отелей японского типа. Крупнейшими европейскими гостиницами являются «Отани», «Империал», «Дайцчи», «Сибя-парк-отель». В

*Крупнейший отель Токио «Отани» с
вращающимися верхними этажами*

номерах гостиниц японского типа почти нет мебели, полы в них застланы циновками. Кроватей здесь тоже нет, постель, состоящая из матраца и одеял, стелится на ночь прямо на полу.

В центре города, возвышаясь над всеми современными и сверхсовременными зданиями, стоит 333-метровая телевизионная «Токийская башня».

Какова архитектура Токио? Чрезвычайно пестрая. Здания театров «Кабуки» и «Ниппон Будакан», например, построены в чисто японском стиле.

Есть и другие здания, построенные в национальном стиле, но все-таки для многих, особенно центральных районов характерен «модерн», который растворил в стекле и алюминии черты японской национальной архитектуры.

Вечером центральные районы Токио погружаются в море ярчайших огней рекламы. Это море сверкает, переливается разноцветными волнами гаснущих и вновь загорающих неоновых огней. Одна реклама призывает покупать приемники, телевизоры только фирмы «Сони», другая – те же товары, но только уже фирмы «Соньо», третья убеждает, что деньги лучше всего хранить в банке «Мицубиси», четвертая предлагает пить только кока-колу. Своей крикливостью, назойливостью реклама оглушает, утомляет непривычного к ней человека. Особое место занимает реклама кино. Я пытался найти кинорекламу, где не присутствовали бы полуголая женщина или же современный супермен с пистолетом в руке. Попытка оказалась бесполезной. Почти с каждого рекламного

щита на нас смотрели полуобнаженные и обнаженные женщины, в одиночестве или в компании суперменов с короткой стрижкой. Япония – крупнейшая в мире кинодержава. В 1959 – 1960 годах кинопроизводство достигло рекордной цифры – около 500 фильмов в год. В 1963 году японские фирмы выпустили на экраны около 400 полнометражных лент.

В то же время японское киноискусство переживает серьезный кризис. С одной стороны, многие японские фильмы не выдерживают конкуренции с итальянскими, французскими, американскими фильмами, с другой стороны, японскому зрителю надоело смотреть сексуальные фильмы и фильмы ужасов, которые в большом количестве выпускают на экран некоторые японские и американские фирмы. Владельцы прокатных фирм стараются с помощью рекламы поправить свои дела, но из этого ничего не получается.

Улицы города, всегда очень пестрые и красочные, во время Олимпийских игр приобрели еще более ярких, ярмарочный, маскарадный вид от множества гирлянд из разноцветных флажков, красочных японских фонариков, национальных флагов.

Улицы Токио, как правило, не имеют названий, а дома – номеров.

Европейцу трудно это себе представить. Весь город делится на ряд районов: Гиндза, Сибуя, Синдзюку, Канда, Акихабара и другие.

Мы много раз допытывались у шоферов такси, знакомых японцев, как они ориентируются в таком огромном, чрезвычайно перенаселенном городе. Они

Гиндза – центр города, залитый рекламой

отвечали, что не встречают никаких трудностей и очень хорошо находят нужные улицы по примечательным местам.

Однако с нами произошел случай, который показал, что на самом деле все обстоит не совсем так.

Поздно вечером мы вышли из Дома прессы, где жили журналисты, аккредитованные на Олимпиаде, и стали ожидать такси, чтобы вернуться в Олимпийскую деревню. Не прошло и пяти минут, как водитель, увидев наши протянутые руки, остановился и предупредительно открыл перед нами дверцы автомашины. Мы сели на заднее сиденье, и мой товарищ, неплохо говорящий по-английски, попросил отвезти нас в деревню. Водитель несколько раз переспросил нас, поискал на карте, а затем смущенно сказал: «Извините меня, господа, но я не знаю, где находится Олимпийская деревня».

Мы удивились – деревня находилась буквально в 10-15 минутах езды от Дома прессы. Ничего не поделаешь, нужно было ждать следующей машины. И она вскоре подошла. На этот раз мы решили не сдаваться до тех пор, пока не договоримся с шофером. Мы ошиблись: на этой машине тоже не удалось уехать. Водитель нас внимательно слушал, понимающе кивал головой, но чувствовалось, что он не знает, куда нужно ехать. Мы решили испытать последнее средство и протянули шоферу третьей машины специальный пропуск в деревню, в котором на японском языке был указан адрес Олимпийской деревни. Шофер покрутил пропуск, пошептал что-то губами и, виновато

улыбаясь, протянул его нам. То ли не умел читать, то ли не знал места, указанного в пропуске. Ясно было одно – везти нас он не мог. Мы уже потеряли всякую надежду попасть в деревню, но тут подъехала еще одна автомашина, и нам наконец повезло – водитель сразу же понял нас, и через десять минут мы стояли перед главными воротами Олимпийской деревни.

Получив свои 400 иен, наш «ночной извозчик» высунул из кабины голову в белой фуражке, улыбнулся широкой улыбкой и старательно, по слогам произнес: «До-сви-да-ния!», затем лихо развернулся и умчался.

Утром мы поделились впечатлениями о своих приключениях с нашей переводчицей. Вот что она нам рассказала. Водители такси, которые хорошо знают город, умеют объясняться с иностранцами и не допускают в течение двух лет ни одного нарушения правил уличного движения, называются шоферами экстракласса и в качестве отличительного знака носят белую фуражку. Теперь нам стало ясно, почему такая фуражка была у нашего вчерашнего знакомого.

Нелегко, очень нелегко работать в Токио водителями автомашин. Машины движутся по городу сплошным потоком в два, четыре, шесть рядов в каждую сторону. В городе насчитывается около миллиона автомобилей. Машины на многих улицах движутся со средней скоростью 8-10 километров в час. Большинство автомашин производства отечественных фирм.

Нам не раз приходилось убеждаться в исключительно высокой интенсивности движения. От Токио до курортного города Никко – 150 километров. В

обычных условиях – это 2-2,5 часа езды по асфальтированной дороге. На первоклассной автомашине нам удалось проехать это расстояние за 4 часа 50 минут, т.е. со средней скоростью примерно 30 километров в час. Железнодорожный экспресс Никко – Токио проходит это расстояние за 1 час 45 минут.

Японские шоферы искусно владеют машиной в сложных условиях огромного скопления пешеходов, автомобилей, мотоциклов и велосипедов. Среди этого сплошного, мощного, измеряемого сотнями тысяч лошадиных сил потока, поминутно оглядываясь, крутятся, словно волчки, многочисленные велосипедисты. Для многих японцев велосипед – средство не только передвижения, но и перевозки небольших грузов. Подобно цирковым артистам – жонглерам и эквилибристам – они лавируют в автомобильном водовороте, держа в руке то поднос с чайником или миской супа, то коробку с товаром.

Но тяжелее всех, пожалуй, все-таки пешеходам. Жертвами уличного движения ежедневно становятся сотни жителей японской столицы. В целях воздействия на психику водителей и пешеходов полиция установила на многих площадях большие световые табло, которые беспристрастно ведут статистику жертв уличного движения: «Сегодня в результате уличных катастроф погибло 70, ранено 120 человек».

Простые люди японской столицы вынуждены пользоваться разветвленной сетью метрополитена, где в жаркие дни можно укрыться от палящего солнца и уличной суеты и быстро добраться в нужный

район. Много пассажиров перевозит окружная железная дорога, соединяющая все районы города. Но вся эта довольно разветвленная транспортная сеть с большим трудом перевозит 10-миллионное население города. Поэтому правительство Японии, привлекая частные компании, специально к открытию Олимпийских игр приняло меры к расширению городского транспорта.

Одна частная компания построила первую в столице монорельсовую дорогу, которая соединила центральный токийский железнодорожный вокзал с аэропортом «Ханэда», куда прибывала значительная часть олимпийских команд. Как бы вырвавшись из тесноты уличного движения, на высоте 4-этажного дома пролегла по городу скоростная автомобильная дорога, поднятая вверх на мощных железобетонных столбах. Это великолепное сооружение, построенное японскими рабочими и инженерами, соединило широкой асфальтированной автострадой Олимпийскую деревню с аэропортом «Ханэда» и тремя главными олимпийскими спортивными комплексами: Национальным стадионом и парком «Мэйдзи», спортивным парком «Комодзава» и Национальным крытым стадионом «Йойоги». Общая протяженность скоростной дороги примерно 100 километров.

Водитель, желающий воспользоваться скоростной дорогой, должен заплатить при въезде на нее 150 японских иен своеобразной транспортной пошлины. А если у тебя нет денег, тогда поезжай медленно по забитым транспортом и людьми обычным улицам.

Говорят, при таком порядке все расходы на строительство окупятся в течение двух-трех лет. Японцы называют сумму 200 миллионов фунтов стерлингов, которая была ими израсходована на строительство олимпийских спортивных сооружений и прокладку широких автомагистралей, предназначенных для предотвращения транспортных «пробок» на улицах Токио.

«Государство» в государстве

В последние дни сентября и в начале октября в аэропорту «Ханэда», в морских портах Иокогамы и Токио было особенно многолюдно и оживленно – ежедневно из 94 стран пяти континентов мира прибывали олимпийцы. Здесь пути спортсменов расходились – одни, их было большинство, ехали в Йойоги – один из районов столицы, конники направлялись в Каруидзаву, яхтсмены – в Ойсо. Там их ждали специально построенные и оборудованные комплексы – Олимпийские деревни. Олимпийская деревня в Йойоги – главная и самая большая из них. Она примыкает к тихому большому парку Йойоги, излюбленному месту отдыха токийцев, и занимает территорию в 210 тысяч квадратных метров. В одной части деревни выстроились в стройный ряд 14 четырехэтажных корпусов – общежитий для мужчин, другая состоит из небольших одно- и двухэтажных особняков-коттеджей. Здесь имеется целый комплекс сооружений для

удовлетворения самых разнообразных потребностей спортсменов – столовые, бани-душевые, информационный центр, магазин, прачечные, почта, тренировочный легкоатлетический стадион, плавательный бассейн. Это «государство» в государстве, имеющее свое особое население, свой транспорт, свою администрацию, свои денежные знаки в виде талонов на питание, свой печатный орган – газету «Деревенские новости».

Население этого государства – 6 тысяч самых сильных, самых ловких и быстрых людей – мужчин и женщин из 94 стран, говорящих почти на всех языках и диалектах мира. Но здесь есть один общий и понятный для всех язык – язык мира и дружбы. Миролюбие – главная черта его граждан, они признают только один вид борьбы между собой – честное соперничество на гаревой дорожке, ринге, спортивных площадках и стадионах. А совсем недавно мирные обшечития олимпийцев были солдатскими казармами, где размещались несколько батальонов армии США. Здесь жили летчики реактивных самолетов, патрулирующих в японском небе, ракетчики и артиллеристы, обученные пользоваться тактическим реактивным оружием. Есть что-то особое, знаменательное в том, что на место солдат пришли самые миролюбивые люди земли – спортсмены-олимпийцы. Как известно, еще в Древней Греции во время Олимпийских игр временно прекращались войны, устанавливалось священное перемирие, под страхом смертной казни запрещалось вынимать оружие из ножен. Придет

время, и люди навсегда научатся жить без войн и кровопролития. Олимпийские игры должны приближать людей к этому дню.

Олимпийская деревня – это своеобразное «государство», живущее по своим олимпийским законам дружбы, равенства и справедливости. Спортсмены из США, пожалуй, чувствовали себя здесь гораздо свободнее и лучше, чем у себя дома, в Америке. Они обедали вместе с белыми в одном ресторане, садились на любое место в олимпийском театре.

Здесь не было ни богатых, ни бедных. Тех, кого у подъезда дома всегда ждет «кадиллак», здесь ждал коллективный автобус или персональный велосипед. Те, кому дома по утрам приносили кофе в постель, шли в общую столовую и, вооружившись подносом, занимались самообслуживанием.

Существовала одна-единственная несправедливость: спортсменки-женщины могли ходить по деревне всюду и даже посещать мужские общежития, свобода передвижения мужчин была ограничена – им запрещалось входить в женскую половину деревни. И, видимо, не очень веря в силу этого запрета, организаторы воздвигли между мужской и женской половиной деревни забор из металлической решетки высотой примерно три с половиной метра. Таким же забором была окружена вся деревня.

Это была демаркационная линия, граница, которая ограждала олимпийцев от тысяч любителей спорта, болельщиков, любопытных, часами простаивающих у забора в ожидании любимого спортсмена. Была здесь

настоящая пограничная служба – ее круглосуточно несли наряды солдат и полиции, которым по субботам и воскресеньям помогали отряды бойскаутов в широкополых защитного цвета шляпах. Круглосуточно работали контрольно-пропускные пункты. Войти и выйти из деревни можно было только через них, имея олимпийское удостоверение или специальный пропуск. Дело доходило до курьезов. Один австрийский спортсмен еще до начала Игр потерял свой пропуск. Три дня полиция не выпускала его из деревни. Вопрос об утерянном пропуске обсуждался в Организационном комитете. Наконец, после долгих дебатов было решено выдать австралийскому спортсмену новый пропуск.

Большие делегации размещались в четырехэтажных корпусах, маленькие – в особняках-коттеджах. Группа общежитий объединялась по территориальности в блоки. Местожительство советской делегации – блок «Б», корпуса № 8 и 9. В каждом корпусе 80 комнат, по 20 на одном этаже. В них могли разместиться 240 человек. Комнаты, рассчитанные на трех спортсменов, меблированы скромно, по-солдатски: три кровати с тумбочками, деревянный стол, три стула, встроенные во всю стену шкафы для верхней одежды, белья, других вещей. На этажах оборудованы кухни, душевые комнаты. Каждая делегация имела в общежитии один телевизор. Во время Игр к телевизору подойти было невозможно, с утра до позднего вечера его буквально облепляли со всех сторон наши ребята. Кстати, несколько слов о японском

телевидении. Оно имеет 12 программ, которые одновременно смотрят около 40 миллионов телезрителей. В дни Игр большинство программ посвящалось спорту. Нужно отметить, что телевизионные передачи часто страдали односторонностью, пристрастностью: в основном показывались соревнования, где участвовали японские спортсмены.

Наши соседи слева – спортсмены Румынии, Чехословакии, объединенной команды ГДР и ФРГ, США; справа – спортсмены Монгольской Народной Республики и Венгрии.

Место встреч, дискуссий, отдыха и развлечения для спортсменов – интернациональный клуб. Это большое приземистое здание, внешне мало похожее на место отдыха и развлечений, имеет читальный салон, большой танцевальный зал, музыкальную комнату, кафе-бар. Развлечения в клубе не очень разнообразные – в основном это танцы, в небольшой комнате телевизор, настольный теннис, в баре можно бесплатно выпить молока, съесть мороженое, за деньги – получить чашку кофе, бутылку кока-колы. Тем не менее народу в клубе всегда полным-полно, особенно вечером, когда кончаются тренировки, соревнования. Сесть некуда, в разных концах клуба группы спортсменов – разговаривают, жестикулируют. И говорящие на разных языках понимают друг друга. Кого только здесь не увидишь! Лучшие спортсмены мира собрались в одном месте. Вот небольшая группа окружила американского атлета Шеманского. Идет обмен значками. Кто бы мог подумать, что этот

огромный, редко улыбающийся человек, которого мы привыкли видеть со штангой, страстный коллекционер спортивных значков. Шеманский не чувствует себя здесь одиноким – в разных местах клуба идет активный обмен. Но, пожалуй, чаще спрос превышает предложение. Все хотят получить новый значок, а вот расстаться со своим не каждому хочется.

Прислонившись к стойке молочного бара, как бы оставшись один на один со своими мыслями, медленно, флегматично посасывает молоко через трубочку герой Римской олимпиады эфиоп Бикила. Трудно себе представить, что завтра этот человек будет бежать тяжелейшую дистанцию марафона, которая приведет его к золотой медали. У самой танцевальной площадки, положив ноги на маленький столик, устроились знаменитые американцы – прыгун в длину Ральф Бостон и победитель Токийской олимпиады боксер Фрезер. На танцевальной площадке сегодня, как и всегда, господствуют их товарищи по команде. В твисте, рок-н-ролле с ними могут соперничать немногие.

Совсем рядом с клубом – двести-триста шагов – расположен олимпийский театр. Здесь по вечерам ежедневно показывают кинофильмы, в основном японские, концертные программы, танцевальные шоу. Народ почему-то ходит сюда не очень охотно: из 800 мест, как правило, половина всегда пустует.

29 сентября в театре был организован показ нашего цветного художественного фильма «Гусарская баллада». Нам отвели не очень удобное время – 9 часов вечера. Мы очень опасались, что в зале будет пус-

то. Перед нашим фильмом демонстрировался японский цветной видовой фильм «Фудзияма». Фильм отснят очень хорошо, с большой теплотой. Японские операторы блеснули прекрасным умением владеть кинокамерой. И все-таки он получился растянутым, монотонным, а местами просто назойливым из-за однообразных и многократных планов Фудзиямы, снятых с разных точек. Несмотря на позднее время, собравшиеся ждали советский фильм. Веселая музыка водевиля, комичные ситуации, быстрое развитие событий, прелесть красок с первых же минут увлекли зрителей. Нужно отдать должное нашим японским друзьям – они не просто предоставили нам кинозал, но еще и постарались интересно обставить, подать премьеру советского фильма в Олимпийской деревне. Перед самым началом сеанса в зале погас свет. Все выжидающе смотрели на экран, но он не открывался. Вдруг сверху, с балкона, зал разрезал луч прожектора. Он скользнул по просцениуму и, остановившись, высветил в правом углу небольшой электроорган, за которым сидела молодая красивая японка. По залу разносились бархатные, задорные звуки цыганских мелодий, из которых постепенно вырисовывались «Очи черные». Японцы почему-то считали эту широко популярную мелодию цыганской песни олицетворением характера русского народа. Отзвучал романс, который обошел весь мир, и совсем неожиданно для всех нас в зал полилась другая, близкая всем нам, помнящим тяжелые военные годы, мелодия фронтовой песни «Синий платочек». Как эта простая песня во-

енных лет попала в Японию? Кто принес ее сюда? Ясно было одно – как бы она ни попала сюда, кто-то из наших японских друзей хранит ее как память о мужестве советского народа. Затем музыка смолкла, погас луч прожектора, в темноте исчез электроорган с милой японкой, медленно раскрылся занавес, на экране показалась знакомая киноэмблема студии «Мосфильм».

Олимпийская деревня велика. Пешком ее обойти трудно, поэтому работает внутренний транспорт – по круговой дороге каждые 15 минут ходит большой и удобный автобус. Но им пользуются редко, к его услугам главным образом прибегает обслуживающий персонал – медсестры, работники столовых, информационного центра. У спортсменов самый популярный вид транспорта – велосипед. Администрация деревни поставила у каждого общежития, столовых, клуба, кинотеатра по несколько велосипедов. Порой из средства передвижения велосипеды превращались в средство развлечения: на них устраивались массовые гонки по одному, два, а то и три человека на одной машине, которые выполняли на них сложные фигуры своеобразной «велосипедной джигитовки». На пятый день нашего пребывания пятеро таких «велосипедистов-джигитов» из иностранных команд, получив травмы, попали в госпиталь. А сколько спортсменов отделались легкими ушибами, ссадинами, синяками! Велосипед стал настоящим бедствием. Наши ребята, привыкшие к правостороннему движению, долго не могли привыкнуть к японским прави-

лам движения. Некоторые из них тоже не избежали столкновений и падений. Но, к счастью, все обошлось без серьезных осложнений. С велосипедом связано немало и комичного. Нельзя было без улыбки видеть на велосипедах Юрия Власова и Леонида Жаботинского. Колени у них во время езды поднимались до головы. Но для многих спортсменов велосипед был и хорошим другом. Он помогал отвлечься от тягостных раздумий перед соревнованиями, успокоиться, снять нервное и физическое напряжение, отдохнуть после соревнований.

Жизнь олимпийской деревни с утра до вечера была насыщена большими и малыми событиями. Прибывшая в деревню делегация могла прожить день, целую неделю, но днем ее признания де-юре был день торжественного подъема государственного флага на площади Национальных флагов.

Церемония официального признания советской делегации состоялась 4 октября. Колонна наших спортсменов во главе с Юрием Власовым с песнями прошла по улицам деревни. Повсюду по обочинам дороги стояли спортсмены разных стран, они аплодировали нашим девочкам и ребятам, выкрикивали слова приветствий. Затем на площади Национальных флагов выстроились спортсмены СССР, Индии, Мали, Либерии, Туниса. На трибуне для почетных гостей – представители Организационного комитета, комитет деревни, руководители делегаций и послы стран, участвующих в подъеме флагов. Военный оркестр исполняет государственные гимны. Колон-

ны спортсменов замирают в строю. Солдаты японской армии в сопровождении офицера по очереди поднимают национальные флаги. После этого состоялся торжественный митинг у нашего общежития. Участник трех олимпийских игр заслуженный мастер спорта Игорь Новиков поднимает флаг СССР на площадке между 8-м и 9-м корпусами наших общежитий.

У этого флага ежедневно собиралась вся наша команда, чтобы порадоваться успехам или разделить горечь неудач. Каждое утро ровно в 9 часов был сбор у флага. Здесь поздравляли чемпионов и призеров Олимпийских игр.

Собирались у флага и тогда, когда не было побед. Первая половина Олимпиады для советской команды была трудной. Но временные неудачи не разъединяли команду, а еще более сплачивали коллектив, усиливали решимость победить. В главном – в достижении общей победы – не было отдельных спортсменов, видов спорта, был единый коллектив. По вечерам не расходились спать, пока не поздравят очередных победителей. Кто заканчивал соревнования, помогал товарищам делом, советом, моральной поддержкой. Где было трудно, где решалась судьба победы и нужно было поддержать спортсменов, вселить в них уверенность в собственные силы, туда шли все свободные от соревнований. Может быть, кое-кому покажется надуманным, но это факт: молодая команда ватерполистов завоевала бронзовую медаль в значительной мере в результате всеобщего внимания к

Знамя страны в руках Юрия Власова

ней, большой моральной поддержки всех олимпийцев, наших туристов. Именно такая поддержка помогла и нашим волейболистам собраться и выиграть, несмотря на безнадежное положение, матч с сильной командой Чехословакии.

Восхождение на Олимп

10 октября на Национальном стадионе состоялось торжественное открытие XVIII Олимпиады, смотр боевых олимпийских полков.

Звучат боевые звуки марша. Парад олимпийцев по традиции открывает делегация Греции – страны, которая дала миру первые Олимпийские игры. Проходят делегации стран, в шестнадцатый раз вступающие в олимпийские сражения, идут страны-дебютанты. Тут и делегации, насчитывающие 300 и более спортсменов, и совсем маленькие – по два-три спортсмена.

Впервые за всю историю олимпийского движения так широко представлены страны всех пяти континентов мира: Азия – 20, Африка – 23, Европа – 28, Австралия и Океания – 2, Америка – 21 страна.

Зеленое поле стадиона расцвело красочными цветами национальных флагов и костюмов. Сверху оно стало походить на огромный восточный ковер с ярким и затейливым рисунком. На поле единым строем стоят сильнейшие спортсмены 94 стран – представители всех рас и большинства национальностей мира;

православные и католики, коммунисты и социалисты стояли рядом, объединенные благородными стремлениями к дружбе и миру.

Рано утром 11 октября спортивные фаланги начали двухнедельное восхождение к вершинам олимпийской славы.

Олимпийские игры, повторяясь каждые четыре года, проходят отнюдь не в одинаковой обстановке, имеют свои особенности.

Соревноваться и побеждать было очень трудно. К старым сильным соперникам прибавились новые – выдающиеся атлеты из стран Латинской Америки, Африки, Азии. Шло острое единоборство силы, опыта, характеров, воли и ума.

Не только каждый день, но и каждый час соревнований рождал новые рекорды. Десятки поправок в прежние олимпийские достижения внесли штангисты, стрелки, легкоатлеты, пловцы. Только в предварительных заплывах мужчин на 100 метров вольным стилем прежний олимпийский рекорд был улучшен шесть раз. Женщины в предварительных соревнованиях на дистанции 200 метров брасом трижды улучшили олимпийский рекорд. Пловцы установили 13 мировых достижений, легкоатлеты – 11 мировых и 71 олимпийский рекорд. Новых олимпийских рекордов добились Тамара Пресс в толкании ядра и метании диска, Валерий Брумель – в прыжках в высоту, Ромульд Клим в метании молота. В ходьбе на 50 километров все первые двенадцать спортсменов превысили прежние олимпийские достижения.

Особенно высоким уровнем спортивных результатов отличались соревнования тяжелоатлетов. По сравнению с Олимпиадой в Мельбурне «вес», превышающий олимпийские рекорды, в среднем возрос с 14,7 до 21,5 килограмма. Здесь каждый подход к штанге завершался выдающимся достижением. Штангисты побили 26 прежних олимпийских рекордов и установили 9 мировых достижений. Нашим тяжелоатлетам принадлежит пальма первенства: на их счету 6 мировых рекордов.

Пожалуй, ни одна прошлая олимпиада не знала такой напряженной, полной драматизма и неожиданностей спортивной борьбы. Здесь слабых не было, были только сильные, победу приносило преимущество в сотую долю секунды, один сантиметр, тысячную долю балла. Победу нужно было вырвать в тяжелейшей борьбе равных с равными. Нужна была не только физическая сила, но и воля, и стойкость.

Да, трудной, очень трудной для советской команды была первая половина Олимпиады. Американцы, завоевав в первые дни в своих «коронных номерах программы» – плавании и легкой атлетике – 27 золотых и 26 серебряных и бронзовых медалей, до последних дней прочно удерживали положение лидера и по количеству медалей и очков. К исходу 22 октября, двенадцатого дня соревнований, спортсмены США были еще по-прежнему впереди, имея на 11 золотых, 5 серебряных медалей и 76,5 очка больше, чем советская команда. Правда, разрыв между командами по соревнованиям с первыми днями значительно сокра-

тился, но положение оставалось напряженным, борьба обострилась до предела.

Немало нашлось в эти дни прорицателей-специалистов, которые заговорили о «крупном поражении советского спорта», «о восстановлении временно утраченного превосходства США в мировом спорте». Но незадачливые пророки рано объявили приговор советскому спорту. Советская команда день ото дня набирала скорость в своем разбеге, чтобы совершить свой победный прыжок и вырвать победу на финише.

И наши спортсмены победили в трудной и напряженной, небывалой по накалу и драматизму борьбе. В этой борьбе пальму первенства следует отдать боксу. Здесь было рекордное количество участников и не менее рекордная дорога к победе – длиной в 13 дней. 287 сильнейших мастеров кожаной перчатки из 62 стран мира, разных по технике, силе, темпераменту и характеру начали 11 октября свой «марафон» в зале «Каракуэн». Вместе со всеми отправилась в путь и наша «великолепная десятка»: Станислав Сорокин, Олег Григорьев, Станислав Степашкин, Виликтон Баранников, Евгений Фролов, Ричардас Тамулис, Борис Лагутин, Валерий Попенченко, Алексей Киселев и Вадим Емельянов.

Но этот путь был нелегким, и, чтобы пройти его, требовались выдержка, мужество, ум и искусство стратега. Нужно было умение распределить свои силы на весь длинный путь, прийти к финалу с запасом спортивной прочности. А сделать это было не так просто: слабые на ринг не выходили, каждый бой требо-

вал огромных физических и моральных затрат. Наши ребята настойчиво шли к победе, показывая великолепную технику и подлинно бойцовские качества.

Стремительный, в хорошем смысле «задиристый» Станислав Степашкин в бою с пуэрториканцем Х. Нивесом уже в первом раунде послал его в тяжелейший нокаун. Рефери отсчитал «восемь», и, когда поднял руку, чтобы произнести роковое «девять», раздался гонг, спасший Х. Нивеса от нокаута. Но до конца третьего раунда пуэрториканец так и не продержался. Судья прекратил бой за явным преимуществом.

Агентство АП писало о нашем боксере: «Советский боксер полулегкого веса Степашкин демонстрирует форму, которая достойна золотой медали. В бою с румыном Круду он превосходил соперника по всем статьям. Во втором и третьем раундах румын дважды побывал в нокауте до счета «восемь». Судья вынужден был остановить встречу, чтобы спасти Круду от нокаута».

Трижды судьи присуждали победу за явным преимуществом большому мастеру, виртуозу борьбы на ринге Борису Лагутину. Во время боя с аргентинцем Борис на первых секундах нанес ему несколько сильных ударов. Аргентинец растерялся, ушел в глухую защиту, а затем провел несколько запрещенных правилами приемов. Преимущество Бориса было очевидным, и судья прекратил бой. Аргентинец, считая несправедливым решение судьи, с руганью бросился избивать его. Секундант аргентинца и служители за-

ла оттащили его и посадили в свой «угол». Но, как только они отошли от него, он вновь бросился на судью. Стоявшие наготове работники зала с участием полиции скрутили аргентинцу руки и увели его, рыдающего навзрыд, в раздевалку.

Были и другие подобные случаи. Южнокорейский боксер Хо во время встречи со Станиславом Сорокиным все время пытался нанести удар не только перчаткой, но и головой. Естественно, австралийский судья на ринге Таннер сделал южнокорейскому боксеру несколько предупреждений. Но тот, не обращая внимания на эти предупреждения, продолжал боксировать с помощью опасных движений головой. Судья был вынужден прекратить бой, дисквалифицировать спортсмена и присудить победу Станиславу Сорокину. Руководители, тренеры, спортсмены Южной Кореи не согласились с решением судьи и учинили скандал, а боксер Хо устроил сидячую забастовку.

Наша дружная команда без потерь дошла до одной четверти финала, и тут ее постигла первая неудача. Неожиданно для всех проиграл по очкам довольно легкий бой опытный боксер, герой Римской олимпиады Олег Григорьев. В полуфинале в трудном бою с сильным американским боксером Фрезером потерпел поражение наш сильный и способный, но еще недостаточно опытный тяжеловес армеец Вадим Емельянов. В полуфинале не вышел на ринг из-за болезни Станислав Сорокин.

Семь наших мужественных бойцов – Станислав Степашкин, Виликтон Баранников, Евгений Фролов,

Ричардс Тамулис, Борис Лагутин, Валерий Попенченко и Алексей Киселев – продолжали турнир.

В итоге небывалая, блестящая победа советских боксеров: 3 золотые, 4 серебряные и 2 бронзовые олимпийские медали и первое общекомандное место. Армейцы Станислав Степашкин, Валерий Попенченко, спартаковец Борис Лагутин поднялись на самую верхнюю ступеньку почетного олимпийского пьедестала.

Самым техничным боксером был признан Валерий Попенченко, которому Международная федерация любительского бокса присудила Кубок Баркера. Да, Валерий с первого до последнего выхода на олимпийский ринг показал себя как сильный и умный, я бы сказал, интеллектуальный боксер. Все бои Валерий заканчивал убедительными победами над своими противниками, а в финальном нокаутировал немецкого боксера Шульца. Он не только сам шел к победе, но и своим примером, дружескими советами, добрым словом помогал товарищам.

После финальных соревнований газета «Джапэн Таймс» в статье под названием «Русские определяют класс боксера» писала: «Натиск русских и поляков и явное отступление американцев были характерной особенностью соревнований по боксу на Токийской олимпиаде. Финальные соревнования (10 весовых категорий) были советско-польским делом. Советский Союз имел ни много ни мало как 7 человек в финале, а Польша – 4 – всего 11 человек из 20 участников финала. Только в двух весовых категориях –

легчайшей и тяжелой – не звучали славянские имена. Советские боксеры показали хорошо сбалансированные действия в атаке и обороне... Русские подготовили теперь такую команду в любительском спорте, на которую нам следует равняться».

В Токио была завоевана одна особенно ценная для нас золотая медаль – первая за всю историю советского спортивного плавания. Ее подарила нашей команде шестнадцатилетняя школьница из Севастополя Галина Прозуменщикова, проплывшая быстрее всех 200 метров брасом.

Первую золотую медаль завоевали наши волейболисты – этот вид спорта впервые был включен в программу XVIII Олимпийских игр.

Завоевать звания олимпийского чемпиона – большой спортивный подвиг. Добиться этого звания подряд на трех Олимпиадах – это уже триумф физических и моральных качеств человека. Немногим спортсменам мира удавалось достичь такого рода феноменальных результатов. Среди них – представитель ЦСКА заслуженный мастер спорта 26-летний москвич Вячеслав Иванов, ставший чемпионом XVI, XVII, XVIII Олимпийских игр в гребле поодиночке. Такие спортсмены, как Вячеслав Иванов, не просто побеждают – они вызывают бурю всеобщего восторга, они поднимают на ноги тысячи людей, заставляют их снять шляпы и преклоняться перед величием спортивного подвига.

Дорога каждая олимпийская медаль, но первая, да если она еще и золотая, дороже и значительнее дру-

гих. Ее обладатель становится правофланговым, по нему начинают равняться и другие. Таким правофланговым стал в Токио наш замечательный штангист Алексей Вахонин.

«Чудо-штангист!», «Герой токийского помоста!», «Маленький лев!» под такими заголовками писали японские газеты о замечательной победе советского атлета, открывшего счет золотым олимпийским медалям. Основной соперник Вахонина японец Исиносеки, завоевавший бронзовую медаль, в интервью газете «Асахи» сказал: «Я даже не мог предположить, что Вахонин наберет такую сказочную сумму. Я собирался победить и считал, что для этого будет достаточно достигнуть результата 355 килограмм. Венгр Фельди набрал эту сумму, но она принесла ему только «серебро». Вахонин потряс и зрителей, и своих соперников. Я проиграл, но я в восхищении от победителя».

За первой золотой медалью последовала вторая, третья, четвертая... В Риме Юрий Власов, набравший в сумме троеборья 537,5 килограмм, получил звание чемпиона Олимпиады и специальный приз «За наиболее фантастический результат». В Токио Юрий Власов на 32,5 килограмма превысил этот результат. На целых 32,5 килограмма! Феноменально! Но этого веса оказалось мало, чтобы сохранить звание олимпийского чемпиона. Его завоевал Леонид Жаботинский, сумевший набрать в сумме троеборья 572,5 килограмма.

Ни один из наших штангистов не ушел с помоста

без олимпийской медали. Вслед за Вахониным «золотыми героями» стали Леонид Жаботинский, Владимир Голованов, Рудольф Плюкфельдер. Три олимпийские медали увезли в Хабаровск военнослужащие Владимир Голованов, Владимир Каплунов и Виктор Куренцов.

Хорошо выступили, оправдали надежды своих болельщиков борцы вольного стиля, пятиборцы, фехтовальщики.

Итак, пришел последний, решающий день – 23 октября. Перед ним американцы опережали нас на 75,5 очка и по общему количеству медалей. Казалось, все потеряно и советские спортсмены безнадежно проиграли американцам. И тут, подобно опытному стайеру, советские спортсмены сделали сильнейший рывок, на финишной прямой обошли противника и первыми завершили длиннейшую дистанцию XVIII Олимпийских игр. Этот бурный финиш последнего дня принес советским спортсменам 7 золотых, 10 серебряных, 2 бронзовые медали и 120 зачетных очков.

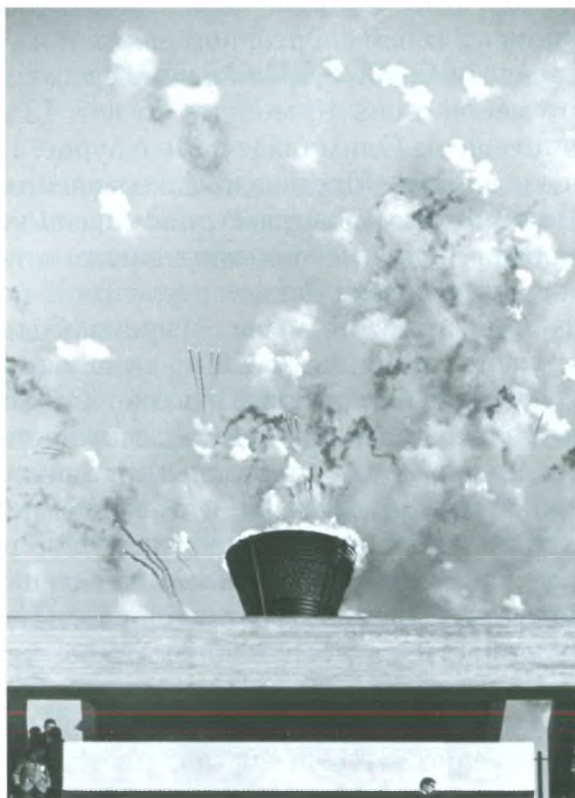
Закончился двухнедельный штурм. Советские спортсмены на вершине Олимпа. Достижения их отмечены 96 медалями: 30 золотыми, 31 серебряной, 35 бронзовыми. Наши главные соперники – пришли на финиш Олимпиады вторыми, у них 87 олимпийских медалей.

Наши спортсмены оказались впереди американских в неофициальном подсчете очков: у нас – 608,3, у них – 581,8 очка. Из 21 вида спорта в 13 победили советские спортсмены.

Прямо скажем, недоброжелатели-специалисты, которые поспешили по первым дням соревнований подвести итоги, в конце Игр попали в неудобное положение. Они многого не учли.

Закончились Олимпийские игры, подведены итоги, определены места. Но не улеглись олимпийские страсти. Олимпиада вызвала в нашей стране большие раздумья у специалистов, тренеров, спортсменов, многочисленных любителей спорта. Есть над чем подумать, поразмышлять. Олимпиада показала, что не все в порядке в нашем спорте, есть недостатки, трудности, ошибки. Ведь не секрет, что кое у кого из наших спортсменов не хватило стойкости, выдержки, кое-кто просто дрогнул. Дрогнули, уступили американцам и итальянцам прославленные наши стрелки.

Но, пожалуй, ничего так не огорчало, ничто так не влияло на общий дух олимпийской команды, как крупные неудачи наших легкоатлетов. Легкая атлетика не просто королева спорта. Она – становой хребет олимпийской команды. Первый тревожный звонок прозвучал в Лос-Анджелесе во время матча СССР – США. В Токио удар был сильнее первого. Атлеты США были впереди наших в подавляющем большинстве видов легкоатлетической программы. 24 медали, в том числе 14 золотых, завоевали они. Наши спортсмены завоевали всего 5 золотых медалей. Не смогли бороться за первое место даже такие талантливые спортсмены, как Татьяна Щелканова, Эльвира Озолина, Петр Болотников, Янис Лусис. Видимо, наша сборная команда легкоатлетов переживала период,

Горит олимпийский огонь, символизируя вечную любовь к спорту

когда молодые талантливые спортсмены еще не получили необходимого опыта, умения и закалки, а ветераны уже достигли потолка своих возможностей и остановились в своем спортивном движении.

Постарели, очень постарели наши легкоатлеты. Из 87 спортсменов лишь 18 моложе 25 лет. 13 атлетов выступили еще на Олимпиаде в Мельбурне, а 34 – на Олимпиаде в Риме. «Постарела» по сравнению с прошлыми олимпийскими играми и вся наша команда. Есть, видимо, и другие причины наших отдельных неудач на Олимпиаде в Токио.

XVIII Олимпийские игры – время больших и трудных испытаний зрелости и силы советского спорта. Как каждый серьезный экзамен, Олимпиада в Токио не только показала силы и возможности нашего спорта, но и выявила его отдельные слабости и недостатки. Время отправляло в историю недели и месяцы, приближая мировой спорт к 1968 олимпийскому году. Гренобль и Мехико ждали сильнейших атлетов нашей планеты.

Чек со взломом

Где-то в середине 60-х годов прошлого века я и мой коллега Петр Соболев были командированы Федерацией спортивных журналистов СССР, которая работала при Комитете по делам физкультуры и спорта, на Международный конгресс Ассоциации спортивных журналистов (АИПС) в Мюнхен.

Ассоциация была влиятельной, довольно богатой, работала на взносы своих членов, а также благотворительные вливания крупных спортивных газет, журналов, редакций телевидения. Достаточно сказать, что президентом АИПС долгие годы был французский владелец газеты «Фрасфрутбол», который одновременно многие годы был директором популярной среди спортсменов и любителей спорта знаменитой, богатой призовыми суммами многодневной велосипедной гонки «Тур де Франс».

Наша федерация имела в АИПС определенный авторитет как за счет успехов советских спортсменов, так и авторитета советских спортивных журналистов, публикации целого ряда из них получали хороший резонанс в мировой печати. На каждом выборном конгрессе один из наших ведущих спортивных журналистов по рекомендации нашей федерации изби-

рался вице-президентом. Влияние этой должности особенно проявлялось при распределении мест в ложах прессы и получении аккредитаций на европейских и мировых первенствах. Наиболее острая борьба развертывалась за получение квот по аккредитации на зимние и летние Олимпийские игры. Но, как правило, все решалось в нашу пользу.

На конгрессе в Мюнхене в первой половине шли дискуссии, а во второй – проходили мероприятия культурной программы. Кто только нас не принимал: мэр Мюнхена, министр спорта и туризма Баварии, генеральный директор автогиганта БМВ – «Баварские

Идет заседание конгресса

моторас верке». Каждый день в нашу честь проводились щедрые приемы. В последний день конгресса нас пригласил в гости мэр знаменитого города Гармишпартенкирхен. Этот город знаменит кроме своих природных красот, курортов тем, что Германия выдвигала этот город в 1936 году на проведение зимних Олимпийских игр. Но они из-за сложной военно-политической обстановки в мире не состоялись.

В Гармишпартенкирхен мы отправились специальным комфортабельным горным поездом. Это нечто среднее между фуникулером и обычным сидячим поездом. Перрон в городе был покрыт коврами, несколько армейских, народных оркестров исполняли немецкие, баварские, тирольские марши, бодрые песни. Мэр поприветствовал нас перед лицом огромной толпы пожелавших увидеть спортивных журналистов со всего мира. Нам бегло показали достопримечательности города, а затем привели в «главную достопримечательность» – ресторан, расположенный в старинном замке. Когда обильный баварский обед, постепенно превращающийся в ужин, подходил к концу, мы с Петром Соболевым вспомнили, что завтра воскресенье, рано утром в понедельник мы улетаем в Москву, а у нас нет ни копейки денег. Незаметно вышли из ресторана, у первого прохожего узнали, где находится самый ближайший банк. Оказалось, совсем рядом – 10 минут хода.

Мы быстро нашли банк – это была 4-этажная новостройка, серая и малопривлекательная. Мы вошли в банк, где за небольшим застекленным бюро сидело

четверо банковских работников. Предъявили им так называемые «тревел-чеки» или как их называли по-русски «дорожные чеки» на определенную сумму. Петр Соболев по-немецки объяснил первому клерку:

– Мы в вашем городе находимся по приглашению мэра, через полчаса в Мюнхен уходит наш спецпоезд, поэтому просим побыстрее совершить операцию.

Но не тут-то было. Служащий сказал:

– Я-я-я, – и передал чек второму клерку, они оба стали читать по строкам, переворачивая чек со стороны на сторону. Затем стали изучать наш чек все четверо служащих, сидящие в операционном зале. Время

А между заседаниями можно и повеселиться

шло, мы начинали нервничать, и тогда один из клерков пошел и вернулся с господином, видимо, их начальником. Тот тщательно рассмотрел все, что было написано в чеке и приказал немедленно выдать нам марки. Он извинился и сказал:

– Господа, извините, дело в том, что с подобным финансовым документом советского происхождения мы встречаемся впервые. Мы не берем под сомнение его финансово-правовую основу, еще раз извините, пожалуйста, и получите ваши марки.

Мы поблагодарили руководителя и его помощников и, быстро развернувшись, бросились к двери. Грузный Петр толкнул дверь, но она не открывалась, он стал тряссти ее обеими руками – бесполезно, она не открывалась. Наше терпение кончалось. Вдруг за нашими спинами раздался дружный гомерический смех клерков. Дверь мгновенно распахнулась и мы, не сказав ни слова, хотя грубые ругательства были на языке, ринулись на улицу. Сработало немецкое правило – «алес унд орднунг». Когда случилось замешательство с нашим чеком, один из бдительных клерков включил сигнализацию, и дверь закрылась. «Чем черт не шутит, люди какие-то непривычные, чеки у них сомнительные тоже», – подумал он. А когда все выяснилось и мы получили деньги, этот бдительный клерк позабыл нажать кнопку, чтобы отключить охранную сигнализацию. Вот такая, почти детективная история произошла с двумя русскими журналистами в тихом и уютном баварском Гармишпартенкирхене.

Спортивная Мекка 1968 года

Олимпийский карнавал

На табло токийского стадиона еще не потухли прощальные слова «До свидания, Токио!», а многие любители спорта, тренеры, спортсмены мысленно уже обращали свои взоры к новой олимпийской Мекке.

На проведение XIX Олимпиады претендовало четыре города – Мехико, Детройт, Лион, Буэнос-Айрес. Мексиканская столица вышла победительницей в добром соперничестве этих великих городов мира.

Мексиканский народ ликовал. Ему выпала большая честь организовать в своей столице игры XIX Олимпиады. Выражая эти чувства, спортивный журнал «Мехико Депортива» писал: «Все без преувеличения жители нашей страны приняли известие о проведении Олимпийских игр в Мехико с большим энтузиазмом и радостью: нашей стране предоставлена великая честь – стать в 1968 году олимпийским центром мира».

Итак, город предстоящей Олимпиады известен. А вот какой он, этот город, было известно совсем не многим. Его климат и проблемы акклиматизации, питание и вода, спортивные сооружения и условия для

отдыха, быт и нравы народа – все это и многое другое хотели знать спортсмены, тренеры всех стран мира.

Олимпийцев ждал один из красивейших городов мира с населением 5,5 млн человек. Мехико-Сити расположен на высоте 2240 м над уровнем моря в огромной чаше плоскогорья, образованной Южным, Западным и Восточным хребтами Сьерра-Медре. Радужные и темпераментные мексиканцы были готовы охотно показать гостям свой любимый город, где каждая улица, площадь, бульвар связаны с историей мексиканского народа.

В центре города, на площади Независимости, мы увидели монументальное сооружение – «Колонну независимости», увенчанную статуей Свободы и величественный «Дворец Реформы». Они воздвигнуты в честь провозглашения Мексики в октябре 1824 года независимой федеральной республикой – Мексиканскими Соединенными Штатами.

У памятника герою мексиканского народа президенту Бенито Хуаресу, под руководством которого народ отстоял свою независимость во время англо-французской интервенции 1862–1867 гг., мы познакомились с одной из ярких страниц истории мексиканского народа. «Уважение права, принадлежащего другому народу, есть мир». Эти слова, высеченные на постаменте памятника, заставляют задуматься каждого.

Гордостью жителей столицы является парк «Чапультепек». Здесь находятся Национальный музей, насчитывающий 60 тысяч экспонатов, Национальная

картинная галерея и Музей современного искусства. Посещение этих музеев дает представление о своеобразной культуре мексиканского народа, сочетающей в себе элементы культуры древних ацтеков, испанских переселенцев и североамериканцев. Это смешение культур накладывает свой отпечаток на литературу, театр, изобразительное искусство, архитектуру.

Столичный университет, в котором занимаются 75 тысяч студентов, – одна из примет высокого уровня развития мексиканской культуры. Университет не только центр научной жизни столицы, но и крупный спортивный центр города. Его спортивный комплекс включает: стадион «Университариос» на 80 тысяч зрителей, плавательный бассейн, игровые площадки, теннисные корты, ипподром, стрелковые тир и ряд других сооружений. Все они были предоставлены участникам Олимпийских игр.

Мехико-Сити – сердце спортивного движения страны. Здесь сосредоточены все основные спортивные сооружения. Великолепны спортивные комплексы «Океания», «Чапультепек», «Арена Мехико». Самым крупным сооружением столицы является комплекс «Сьюдад депортива» – «Спортивный город», занимающий территорию в 2 млн кв. м, на которой разместились 61 футбольное поле, 38 бейсбольных площадок, два бассейна, легкоатлетический стадион. Многие из этих крупнейших сооружений были предназначены олимпийцам. Стадион «Ацтека», на котором предстояло развернуться

Проспекты в руках, а попробуй реши – куда идти?

футбольным сражениям, мог вместить 100-120 тысяч любителей этого вида спорта. Сильнейших легкоатлетов мира был готов встретить стадион «Университариос», а боксеров, борцов, штангистов, волейболистов, фехтовальщиков, гимнастов – спортивные залы «Арена Мехико».

Готовясь к Олимпиаде, городские власти, Организационный комитет провели конкурс на лучший проект нового спортивного комплекса. По этим проектам было построено несколько сооружений: Дворец спорта на 20 тысяч мест, крытый и открытый бассейны, несколько манежей. Хорошие условия были созданы для спортсменов в Олимпийской деревне. Не забыли хозяева Олимпиады и о любителях спорта – туристах. Их ожидалось ни много ни мало – свыше 100 тысяч. А город имел 705 отелей, в которых могло разместиться только 50 тысяч гостей. Поэтому были построены новые гостиницы на 25-30 тысяч человек.

Мексиканские спортсмены участвуют в олимпийских играх с 1924 года. Правда, на Олимпиаде в Токио они заняли лишь 38-е командное место, что сильно встревожило широкие круги демократической общественности, правительство, спортивные организации. Была создана национальная комиссия, которая представила правительству «План реорганизации спорта». Этот план предусматривал широкий круг мер, в частности, по развитию юношеского и молодежного спорта.

Президент Мексики Густаво Диас Ордас заявил, что Мехико широко раскрывает двери спортсменам

всех стран без каких-либо политических, расовых и религиозных ограничений.

Мексиканский народ ждал дорогих гостей, и слова: «Бьенвенидос а Мехико» («Добро пожаловать в Мехико») – звучали повсюду.

Мехико – огромный, разместившийся на большой территории город. Ориентироваться в таком городе новому человеку – дело нелегкое. Гостеприимные хозяева удачно разрешили эту проблему. Почти на каждом углу центральных улиц были установлены транспаранты, на которых изображались эмблемы различных видов спорта с указанием направления движения и расстояния до спортивного сооружения. По всему городу стояли тумбы с картой-схемой города. А кто не разобрался в карте, мог обратиться в специальные справочные бюро, которые были открыты в самых людных местах – на центральных улицах, площадях, у олимпийских сооружений. Здесь можно было получить любые справки. Из других городов страны в Мехико были приглашены полицейские, владеющие иностранными языками. Около всех спортивных сооружений были установлены огромные, ярко раскрашенные фигуры спортсменов, похожие на куклы из папье-маше, символизирующие тот вид спорта, соревнования по которому проходили на этом сооружении.

Все эти изобретения мексиканцев вносили в жизнь города дух приветливости, теплоты, трогательной заботы. Они, как хорошо составленные лоции, помогали нам путешествовать по сложному лабиринту города.

Праздничное убранство города дополняли костюмы продавцов сувениров, напитков, служащих Организационного комитета, пресс-центра, спортивных сооружений. Женщины были одеты в полосатые платья, мужчины – в серо-белые полосатые пиджаки, белые рубашки типа свитера. Им помогали расторопные и дисциплинированные скауты, одетые в куртки стального цвета с погончиками и бордовым галстуком и черные короткие брюки.

Все это дополняло обстановку яркого, многоцветного праздника-карнавала.

Очень нарядно вечером выглядела одна из центральных площадей города – Площадь изящных искусств – Беласартес. В центре ее – здание Дворца изящных искусств, построенное в 1904 году по про-

екту архитекторов Адама Боари и Федерико Морискаля. Здесь ставятся оперные, балетные спектакли, организуются концерты. Во Дворце выступал балет под руководством Игоря Моисеева, другие наши коллективы. В эти дни вся площадь – в олимпийском наряде. В парке, примыкающем к Дворцу, выступают самодеятельные певцы, хоры, оркестры, дарящие свое искусство гостям Олимпиады. На одном из зданий площади сооружен оригинальный рекламный экран, на котором поочередно вспыхивают яркие световые фигуры бегущего атлета, играющего футболиста, «работающего» на перекладине гимнаста и т. д. Здесь уже установлено электропанно, изображающее пьедестал с тремя спортсменами.

Рядом с площадью утопает в огнях самое высокое здание в Латинской Америке – 40-этажная Латино-американская башня. Оригинальные часы этой башни показывают даже доли секунды. Для туристов работает скоростной лифт, который в мгновение доставляет их на крышу башни. Внизу огромный, мерцающий,двигающийся город. Пожалуй, ярче других наряд площади Соколо – это центр города. Здесь расположен кафедральный собор, президентский дворец, мэрия. Над площадью огромные олимпийские кольца со словами «Добро пожаловать», самая яркая часть – фасад президентского дворца. Чувствуется, что над оформлением его работали большие мастера, декораторы, художники. В сложных проемах, карнизах архитектурного рельефа спрятаны узоры разноцветных лампочек. Когда они загораются, фасад

дворца как бы исчезает, а на его месте возникает будто подвешенный в небе расшитый драгоценными камнями ковер.

Оформление магазинов, фасадов большинства домов неизменно содержит олимпийскую тему. Размах, оригинальность, стоимость оформления разные. Все соответствует карману хозяина. В витрине маленького магазина, скромного бара – плакат стоимостью не более пяти песо, на зданиях фешенебельных отелей, правлений крупных фирм, авиационных, торговых, страховых компаний – сложнейшее оформление, стоящее десятки тысяч песо. Дорогое оформление не всегда признак искренней любви к олимпийскому спорту. В нем скорее отражается стремление предпринимателя извлечь из Олимпиады выгоду, побольше заработать на ней.

На крыше 20-этажного здания компании национальной лотереи огромный рекламный щит: «Добро пожаловать в Мехико, братские страны, объединенные миром, культурой и спортом». Рядом с центральным входом сооружено огромное, высотой в восемь этажей, электропанно, на котором разноцветными лампочками выткан причудливый ковер, посвященный олимпийским играм. Владельцы национальной компании не пожалели денег на олимпийское оформление. Они отлично знали, что все их затраты окупятся с лихвой.

В городе Таско, около отеля для иностранных туристов, нас окружили мальчишки. Мы спросили у них:

– Чем вы занимаетесь?

Они с гордостью ответили нам:

– Мы все работаем в туризме.

– В туризме? Что это значит? – удивились мы.

Один наиболее словоохотливый мальчишка разъяснил нам:

– Город наш очень старый и запутанный. В окрестностях много красивых мест, альпийских лугов, горных тропинок. Туристы очень любят бродить повсюду и часто сбиваются с дороги. У каждого из нас есть своя дорога. Как только турист появится на ней, мы предлагаем ему свои услуги проводника.

Эти бедные люди тоже хотели быть гостеприимными. У них было искреннее желание не ударить в грязь лицом перед иностранными гостями. Они, как могли, украсили свои лачуги национальными флагами, развивающимися на крышах, транспарантами «Добро пожаловать в Мехико!»

«Эскудо» – знак дружбы

Сувениры – визитные карточки народа, воплощение его культуры, таланта и, конечно, знак гостеприимства. Но нередко сувенир – это и реклама фирмы, ее товара, ее услуг. Здесь он уже соучастник коммерции. Но самое приятное, когда сувенир оставляет память о стране, событии, человеке.

Италия, пожалуй, самая «сувенирная» страна. В Венеции, например, вдоль лабиринта каналов на

десятки километров тянутся прилавки и киоски, магазины и магазинчики с разнообразной россыпью сувениров. Нет недостатка сувениров и в Лондоне, Париже, Вене. В обычное время их покупают довольно неохотно. Но все меняется во время крупных международных соревнований, куда съезжаются тысячи туристов. Спортсмены, туристы не могут уехать из страны, не купив на память сувенир-безделушку. Это желание умело и активно используют промышленники. Официальная эмблема спортивного соревнования появляется на различных товарах: ложках, зажигалках, рубашках, картах, спичках... Предприимчивые дельцы, ставя эмблемы на самых неходовых, залежалых товарах, пускают их в оборот и зарабатывают огромные деньги.

В общем, сувениры любят везде. Но на Олимпиаде в Мехико любовь к сувенирам приобрела характер всеобщей лихорадки. Каждый мексиканец стремился, во что бы то ни стало получить сувенир от спортсменов, туристов. Любовь к сувенирам, художественным безделушкам – национальная черта мексиканского народа. Сувенирами торгуют на улицах, площадках, в парках, магазинах. Самое интересное – это сувенирные базары. Только в районе нашей гостиницы «Фирейос» было два таких базара. Огромные крытые базары по продаже сувениров находились и в районе Лагунильо, площади Гарibaldi и во многих других районах города.

Базар – это довольно большая площадь, на которой сооружены навесы, прилавки, магазинчики, кое-

где сувениры лежат прямо на земле. По обилию народа, гвалту, ярким краскам они напоминают базары Средней Азии. Не десятки – тысячи различных видов и типов сувениров. Ярчайшие цвета, причудливые формы, разнообразные материалы. Фантазия! Чего только здесь не встретишь. Но больше всего изделий из серебра. Центр добычи серебра – Таско – город, расположенный в 180 км от столицы. Серебро там не только добывается, но и обрабатывается талантливыми художниками, ювелирами, граверами, резчиками. Тысячи колец с камнями и без камней, массивные мужские перстни с вензелями, драгоценными камнями, чеканкой, ажурные цепочки, запонки, серьги, вазы, столовые и кофейные сервизы, настенные украшения – всего не перечислишь. Все это сделано с большим вкусом, самобытно, в духе народных традиций. Множество изделий из камня: с причудливой резьбой часы ацтеков, головы древних богов – Луны, Солнца, Дождя. Мексиканцы – мастера изделий из кожи. Их умелые руки превращают обычную свиную кожу в многоцветные круглые, овальные и квадратные блюда, ремни, кошельки, футляры, картины и т.д.

Медные, железные, деревянные маски – в них воплощены характеры мужественных древних ацтеков, добрых и злых, веселых и мрачных мексиканцев. В павильоне, где продают эти маски, все очень похоже на новогодний карнавал.

Все это многообразие сувениров – прежде всего, свидетельство богатой духовной культуры и трудолюбия мексиканского народа. Подавляющее боль-

шинство их отличает высокая художественность и самобытность. В них – традиции, обычаи, сама история талантливого города.

Центром колоссального по размаху обмена сувенирами стала Олимпийская деревня и прилегающие к ней улицы. Если в самой деревне и были какие-то ограничения, то за ее пределами шло огромное торжище. По вечерам пробиться в деревню было особенно трудно. Сотни людей вокруг потрясали брелками, монетами, значками, пепельницами, маракасами, настойчиво предлагали сделать обмен. Их не интересовало, на что поменять, важно было участвовать в обмене сувенирами. В эти часы перед главным выходом в деревню возникали автомобильные пробки. Любители сувениров не обращали никакого внимания на пронзительные свистки полицейских.

Стоило только откликнуться на просьбу одного любителя автографов, как сразу ты попадал в плотное кольцо и к тебе протягивались десятки рук с ученическими тетрадями, большими и малыми блокнотами, просто клочками бумаги.

Чтобы уехать на соревнования или тренировку, спортсмены приходили на остановку служебных автобусов, расположенную перед центральным входом в деревню. За забором с утра до позднего вечера стояла толпа в ожидании хорошего обмена. Каждый стремился пробиться к самому забору, чтобы через решетку предложить свой «товар». Чего только не приносили сюда! Большие и малые сомбреро, брелки, значки, кастаньеты, маракасы.

Особенно высоко котировались у мексиканцев значки с нашим флагом, серпом и молотом. Мексиканский народ питает искренние симпатии, интерес к нашему народу, но знает о нем, к сожалению, мало. Поэтому «курс» советского значка был особенно высоким. Получить значок от нашего спортсмена для мексиканца – это не простой «чендж», это искреннее стремление пожать руку, поговорить, проявить симпатии к человеку из Далекой страны. Это было гораздо больше, чем простая любовь к сувенирам и увлечение коллекционированием. Наш значок для каждого из них – предмет особой гордости, доказательство знакомства с советским человеком.

Где бы ни появились советские спортсмены, туристы, к ним тут же подходили и настойчиво просили: «Эскудо, эскудо». «Эскудо» – по-мексикански значок. Как-то я зашел с товарищем в большой универмаг «Бланко». Не успели мы сделать и шага, как были окружены молодыми черноглазыми продавцами, которые, показывая на лацканы наших пиджаков, приговаривали: «Эскудо, эскудо». Делать было нечего, приходилось выворачивать свои карманы и раздавать эскудо. Никто раньше и не предполагал, что к нашим значкам в Мексике будет такой интерес. Руководство туристической группы «Спутника» телеграфировало в Москву: «Срочно пришлите восемь тысяч значков». «Курс» советского значка день ото дня возрастал. Появляться в общественных местах становилось все сложнее. Иной раз и на трибунах приходилось молчать, чтобы сохранить инкогнито.

Как-то вечером мы отправились пешком на площадь Гарибальди. Там к нам подошла группа молодежи – девушки, парни лет по 17-19.

– Советико, советико? – обращались они к нам.

– Эскудо, эскудо, – протягивали они руки.

К этому времени карманы наши были пусты. Ребята были настолько приветливы и доброжелательны, что кто-то из моих друзей снял последний значок со своего пиджака и подарил одному из парней. Тот взял его, стал разглядывать, но тут откуда ни возьмись появился интеллигентного вида человек, взял из рук парня значок и, не говоря ни слова, сунул ему в руки какие-то бумажки. Тот не успел прийти в себя, как «интеллигента» уже не было, он растворился в толпе. Парень раскрыл ладонь, там лежали две смятые долларовые бумажки. Наверное, «похититель» был ярым коллекционером.

Однажды к нам подошла маленькая девочка. Мы вначале думали, что она нищенка, и хотели было дать ей мелкие монеты, но она вдруг сказала: «Эскудо». И на этот раз эскудо ни у кого не оказалось. Мы попытались это объяснить девочке, но она и слушать не хотела, шла за нами и настойчиво, а потом уже и слезливо повторяла: «Эскудо, эскудо». Мы обшарили все карманы, но так ничего в них не обнаружили. А подарить ей хоть что-нибудь очень уж хотелось. Я в последний раз решил проверить карманы и в одном из них обнаружил маленький комплект спортивных марок. Девочка, получив марки, просияла, растерла по лицу слезы, и от этого оно стало еще более милым и

забавным. Она долго стояла на тротуаре, смотрела нам вслед и махала рукой.

Говорят, что еще ни на одной из прошедших Олимпиад не было такой сувенирной лихорадки, такого поистине грандиозного «ченджа» на память, в знак дружбы, взаимопонимания и уважения друг к другу.

«Афисионадос» – болельщики по-мексикански

Как известно, болельщики есть везде, где есть спорт, и повсюду они остаются болельщиками. Они беспредельно, самозабвенно любят спорт, готовы отдать за своих любимцев все. Они в высшей степени эмоциональны и пристрастны. Болельщик – это клубок эмоций, выражаемых всегда шумно и бурно, а порой и агрессивно. Говорят, на первом месте в Европе по «эмоциональному» заряду стоят итальянские тиффози. Это от их гнева пряталась национальная сборная «Скуадра Адзура», возвращавшаяся в 1966 году поверженной с Чемпионата мира по футболу в Англии. Опасаясь встречи со своими горячо любящими поклонниками, команда темной ночью прибыла не в Рим, а в миланский аэропорт. Правда, ее и там ожидала группа тиффози, но не с цветами, а с гнилыми помидорами.

Разъяренные бразильские болельщики, узнав о потере своими любимцами титула чемпионов мира, в течение нескольких месяцев осаждали виллу тренера национальной сборной Феолы. А он в ожидании, ког-

да успокоятся их разбушевавшиеся страсти, вынужден был скитаться по другим городам и странам.

Не знаю, какое место занимают в «табели о рангах» бразильские болельщики, но что касается болельщиков мексиканских, то это совершенно уникальные представители «мирового племени одержимых». Афисионадос – это гремучая ртуть, динамит, а может быть, и еще более сильное современное взрывчатое вещество. Ни одно самое полное и яркое описание не может дать исчерпывающей характеристики этого рода мексиканцев. Их надо увидеть в действии. Это «действие» болельщиков я увидел в один из первых дней Олимпиады на стадионе «Ацтека» во время футбольного матча Мексика – Колумбия. К такому матчу готовятся специально, как к серьезному спектаклю. Участник «действия» – болельщик – не только располагает собственными природными данными – эмоциональным зарядом, сильным голосом, но и пользуется для выражения своих чувств полным арсеналом средств их усилия. Говоря театральным языком, каждое такое «действие» имеет реквизит. Это большие и малые барабаны, маракасы, трубы, колокола, трещотки. И все это составляет своеобразный сводный оркестр, насчитывающий на крупных матчах несколько тысяч инструментов, который в период острых ситуаций на поле вступает в игру, и тогда ты становишься слушателем фантастического вулканического оркестра, исполняющего гимн любви футболу. Если вы хотите знать, что такое какофония, послушайте такой концерт во время матча, например,

сборных Мексики и Бразилии. Во всей этой шумовой истерии особую партию исполняют трещотки всех размеров и звучаний. Их звук напоминает треск огромных цикад.

Как правило, в каждом секторе есть свой заводила – «хормейстер». В необходимых случаях, когда нужно поддержать свою команду, он вскакивает с места, хватая в руки шарф, шляпу, если их нет – майку, пиджак, поворачивается к зрителям и начинает дирижировать.

Расторопные предприниматели создали специальную промышленность, выпускающую средства оснащения болельщиков. Те, кто не имеет трубы, барабана и других мощных и дорогих средств выражения эмоций, около стадиона могут в большом выборе найти яркие цветные рупоры-мегафоны из плотной вошеной бумаги, разноцветные флажки, миниатюрные национальные флаги.

Чтобы слишком разбушевавшиеся страсти и эмоции не выплеснулись через края чаши трибун, перед ними протянулся глубокий бетонный ров, его дополняет забор из колючей проволоки. Правда, чтобы не омрачать дух дружбы, колючая проволока на стадионе «Ацтека» была временно снята.

Наверное, самые темпераментные болельщики – футбольные, но, как я убедился, любителям бокса у них темперамента не занимать. Самые длинные соревнования олимпийской программы у боксеров: они продолжаются с первого до последнего дня Олимпиады. Бои проходили и днем, и вечером, заканчиваясь

около полуночи. Здесь было время разыгаться страстям болельщиков. Да и сама острота, динамизм многих поединков никого не оставляли равнодушными. В зале «Арена Мехико», вмещающем 15-17 тысяч зрителей, всегда стоял невообразимый гвалт. Причем он нарастал, как надвигающаяся гроза, по мере приближения финалов. Но эмоции не всегда выражались криками и хоровым исполнением традиционного призыва: «Мехико, Мехико, ра-ра-ра!»

Во время одной из встреч японский судья Тонака дисквалифицировал уругвайца. Мексиканская публика на протяжении всего боя симпатизировала ему. Но тут зал взревел, болельщики вскочили с мест, поднялся невообразимый свист, крик. Зрители с первых рядов предприняли попытку прорваться к рингу, чтобы «объясниться» с рефери. Между тем Тонака хладнокровно собирал у судий протоколы, чтобы передать их судейской коллегии для провозглашения решения. Его невозмутимость еще больше распалила болельщиков, и в него посыпался целый дождь больших и тяжелых однопесовых монет, яблочных огрызков, банановых шкурок. Здесь уже хладнокровия не хватило, нужны были и осмотрительность, и осторожность. С большим трудом полиция и служители зала отбили судью отседающей толпы и увели в судейскую комнату.

Когда в другой раз в одного из рефери возмущенные болельщики стали бросать монеты, то он быстро нашелся, тщательно собрал их, демонстративно пересчитал, положил в карман, церемонно раскланялся и

ушел с ринга. Возмущение в одно мгновение сменилось возгласами восторга и приветствий.

Чрезмерная эмоциональность всегда изменчива.

На ринге – мексиканец Роча, в зале – буйная стихия оваций. Еще бы! Этот боксер – мексиканская надежда, как накануне писали газеты: «Роча – гранд-премьер олимпийского бокса». Но после точных и сильных ударов нашего боксера Чепулиса «премьер» впал в глубокий «гrogги» и проиграл бой. Роча стоял в своем углу, низко наклонив голову, стараясь спрятаться от негодующих взглядов своих поклонников, слезы отчаяния градом катились из глаз. Теперь, пожалуй, добрая половина зала готова была отдать свои симпатии Чепулису. Его преимущество было явным.

Зато когда на ринге нет мексиканских боксеров, болельщики становятся более объективными. 24 октября для американской команды боксеров было днем утраченных надежд. Началось с того, что боксер первого полусреднего веса кубинец Регейферос нанес поражение американцу Велингтону, а в следующей встрече его товарищ по команде Гарбей победил другого американца. Два поражения подряд боксеров США вызывали у мексиканцев неописуемый взрыв восторга и яркие проявления симпатий к спортсменам революционной Кубы. С трибун неслось: «Куба – си, янки – но, Куба – си, янки – но!»

Если на ринге был советский боксер и не было мексиканца, то почти всегда симпатии мексиканских болельщиков были на нашей стороне. Особенно тепло они встречали Бориса Лагутина, Алексея Киселева,

Дана Позняка. Именно во время одного из боев Лагутина мы вдруг с удивлением услышали, как зрители скандировали: «Моско-вич, моско-вич, моско-вич!»

Зрители олимпийских соревнований отличались друг от друга не только своим темпераментом, но и кошельками, туалетами. Подавляющее большинство их – люди богатые. По билетам, как по банковским карточкам, можно было определить состоятельность каждого. Чтобы посмотреть финальный бой боксеров, за самое удобное место нужно было заплатить 12 долларов. От 1 до 12 долларов стоили билеты по гимнастике, баскетболу, легкой атлетике. Самый дорогой билет – 22 доллара – был на праздник открытия Олимпийских игр. Естественно, что рабочий средней квалификации с зарплатой 75-100 долларов в месяц не мог себе позволить такую роскошь. Да и не только рабочий. Для многих тысяч бедняков, безработных пределом мечтаний было посмотреть Олимпиаду по телевизору в офисе или в баре за кружкой дешевого пива. Поэтому и отношение богатого зрителя к происходящему вокруг далеко не всегда выражало чувства простых мексиканцев. Для простых мексиканцев мест на трибунах просто не оказалось. Олимпийский комитет Мексики еще до начала Игр принял решение распределить билеты по такому принципу: 80 % всех билетов – иностранным гостям, 15 % – жителям столицы, 5 % – жителям других городов Мексики. Это положение действовало подобно фильтру: только незначительная группа влиятельных богатых мексиканских семей могла посещать олимпийские соревно-

вания. Большинство же мест на трибунах заполняла разноязыкая масса богатых туристов, съехавшаяся со всех стран мира.

Горожане – украшение Мехико

Как бы хорошо не был оформлен Мехико в дни Олимпиады, все-таки главное его украшение – горожане. О культуре мексиканцев, их характере давал представление сам город с красивыми, широкими улицами и площадями, многочисленными памятниками искусства. Но все-таки наиболее яркие впечатления оставили у нас непосредственные встречи с мексиканцами. Они помогли нам понять душу и мысли, стремления и характер мексиканского народа.

Мексиканцы очень непосредственны, эмоциональны, веселы, я бы сказал, даже немного беспечны. Народная музыка и песни очень сочны и мелодичны. В Мехико много музыкантов, которые ходят по дворам, базарам, улицам со скрипками, гитарами, шарманками. Но не только из любви к музыке, но и для заработка. Естественно, что в дни Олимпиады все эти бродячие труппы активизировались. Но среди звонкого, веселого и часто печального хора бродячих, самодеятельных и полупрофессиональных групп по-особому звучат мелодии в исполнении марьячос – народного ансамбля, состоящего из 6-8 музыкантов: гитаристов, скрипачей, ударника и обязательно трубача. За исключением трубача, все музыканты одно-

временно и певцы. Они одеваются в яркие национальные мексиканские костюмы, белое или черное сомбреро с серебряной или золотой отделкой, черные куртки с двойным рядом блестящих пуговиц, такого же цвета брюки с блестящим галуном. На шее ярко-красный или белоснежный галстук-шарф. Место их традиционного сбора – площадь Гарибальди, самая веселая площадь столицы. Здесь по вечерам собирается по 30-50 таких оркестров. За небольшую плату они играют и поют мексиканские народные песни. По вечерам в дни Олимпиады здесь собирались тысячи горожан и олимпийских гостей – спортсменов, туристов. Любителям экзотики и истинным поклонникам народной песни обязательно хотелось послушать марьячос.

Часто марьячос – активные помощники влюбленных. Их серенады под окном девушки – знак большой любви к ней. В городе после полуночи петь не разрешается. А марьячос имеют привилегии. Вот они и поют до утра серенады возлюбленным. Правило такое: зажегся свет в комнате возлюбленной – значит, она услышала и приняла слова признания. Если же окна темны, дела у жениха плохи: девушка не любит его. Песни марьячос – прекрасная традиция, элемент мексиканского быта, без которого представления о Мексике было бы неполным. Они прекрасные пропагандисты, хранители древней песенной культуры мексиканского народа.

Как ни старались мексиканцы решить транспортную проблему, они так и не смогли добиться этого.

...Автобус во Дворец спорта, где в этот вечер встречались баскетболисты СССР и Бразилии, уже уехал. Видимо, собравшиеся проявили нетерпение, совершенно естественное перед таким матчем, и заставили шофера отъехать от отеля на целых пять минут раньше. У нас был только один выход – ехать на такси. Хотя по опыту мы знали, что в вечерние часы на поездку от отеля до Дворца спорта потребуется не менее пятидесяти минут. Городским транспортом можно было добраться лишь с тремя пересадками примерно за час двадцать – час тридцать. Вместе с моим товарищем мы стояли десять, пятнадцать минут, но такси проезжали мимо нас, «доверху» наполненные пассажирами. Минуты шли, а такси все не было. Вдруг в нашу сторону резко повернула ярко-красная спортивная машина типа «ягуар». Водитель открыл дверцу и предложил свои услуги.

– Я коммерсант, работаю в рекламно-художественной фирме, – представился он. – Кстати, наша фирма изготовляла многие заказы Организационного комитета Олимпиады. Я впервые так близко вижу русских. Горд и доволен этим. Правда, я видел всех ваших артистов, побывавших в Мехико: цирк, ансамбль Моисеева, балет.

Я не мог удержаться от прямолинейного и банального вопроса:

– А как мексиканцы относятся к нам, русским?

– К сожалению, мы очень мало, даже в столице, знаем о вашей стране. Американское радио, да и многие наши газеты распространяют немало нелепостей,

а то и просто глупостей о советских людях. Я еще со времен учебы в университете, анализируя и сопоставляя факты, научился обнаруживать, где правда. Таких, как я, становится все больше среди рабочих, студентов, интеллигентов, но есть и немало сбитых с толку. Думаю, что присутствие советских людей на Олимпиаде раскроет многим глаза, поможет узнать правду о вашем народе. Мы, мексиканцы, очень любим детей, – продолжал он. – Во многих семьях у нас по восемь-девять детей. Я тоже отец, у меня – трое. А вы имеете детей? – вдруг обернулся он к нам.

– Да, – почти одновременно ответили мы. Он успокоился. И снова стал размышлять вслух, ловко лавируя в плотном потоке машин.

– Нас разделяют тысячи километров, океан, у наших народов есть немало хороших черт характера, есть, я думаю, и плохие. Но мы люди, мы отцы, мы хотим счастья своим детям. И для нас это основа для дружбы и понимания.

Вдали показалась фантастическая крыша Дворца спорта.

– Поверьте, я действительно получил удовольствие. Я первый раз везу в своей машине русских.

– Скажите, пожалуйста, почему вы остановили машину, увидев наши поднятые руки? Разве вы узнали, что мы русские?

– Нет, я и не подозревал, что вы русские. Вы стояли около отеля, и я понял, что это иностранные туристы. Столичный муниципалитет, Национальный олимпийский комитет призвали всех владельцев

Все стремились к «Большим руководителям», особенно к «первому».

Мне стало как-то грустно, и я решил прекратить эту борьбу за Олимп.

Вот и показал себя. Все есть – а меня нету

автомобилей оказывать всяческое внимание нашим гостям и при первой же возможности помогать им.

Мы впервые узнали об этом замечательном знаке гостеприимства. И нам стало понятно, почему мы оказались пассажирами и собеседниками коммерсанта. Потом мы еще не раз были свидетелями гостеприимства и доброжелательности мексиканцев.

Однажды нам нужно было добраться от советского посольства до Олимпийской деревни. Мы встали на перекрестке двух улиц, чтобы остановить такси. Как назло, такси одно за другим проходили мимо. Полицейский, стоящий на перекрестке, увидев на лацканах наших пиджаков олимпийские знаки, тотчас остановил первый попавшийся ему на глаза таксомотор. На его заднем сиденье сидел сеньор средних лет с большой коробкой на коленях. Полицейский учтиво наклонился, тихо что-то проговорил ему. Мы слышали лишь: «Советико, советико, извините, пожалуйста...». Затем он сказал шоферу уже тоном, не терпящим возражений:

– Отвезите, пожалуйста, советских журналистов в Олимпийскую деревню, – и не дожидаясь ответа, с чувством человека, совершившего добрый поступок, он пригласил нас занять места в такси. Через сорок пять минут мы были в Олимпийской деревне. Наш сосед в конце своего вынужденного путешествия с нами в противоположный конец города стал улыбаться. А когда мы извинились и поблагодарили его, он уже, как старый знакомый, похлопал нас по плечу, приговаривая: «Амиго, амиго».

Мексиканцы воспринимали Олимпиаду с особым чувством. Сам факт проведения ее в Мехико вызывал у них чувство гордости, тем более что Мексика первой из латиноамериканских стран получила право стать организатором Олимпийских игр.

Это Тахир Кульбаев – мой самый старший и близкий друг. Образованный, остроумный, окончил МГУ.

В одном из многочисленных застолий его отец спросил: «Сын, скажи, что связывает вас с Маратом все эти 40 лет жизни?». Тахир подумал и ответил: «Взаимное понимание»

Мудрый старик был доволен

Аванс без рукописи

Писателя Юрия Валентиновича Трифонова я знал многие годы. В то время он был известным популярным писателем. Широкую известность принесла ему его первая повесть «Студенты». Читающая молодежь, да и взрослые тоже, буквально зачитывалась ею. Одни проживали вместе с героями повести свою жизнь, другие вспоминали о своем прошлом. Такие произведения как «Другая жизнь», «Дом на набережной» поставили Юрия Валентиновича в ряды крупных российских писателей.

Годы сталинских репрессий, судьбы детей, близких, живших трудной жизнью изгоев в обществе, — все это Трифонов описывал объективно остро критически со знанием всей обстановки того времени, ибо сам пережил все, что было связано с ней.

Он был человек из Дома на набережной. Его отец, старый большевик, был репрессирован и погиб в лагере. Не только официальная критика, но и руководящая верхушка писательской организации относилась к его творчеству отстраненно снисходительно, замалчивая и недооценивая его истинное место в российской литературе тех лет. Все эти обстоятельства, вместе взятые, конечно, не могли не отразиться на его

характере. Он был человеком замкнутым, сдержанным, немногословным, застенчивым, трудно сходилась с людьми. Самое большое его увлечение – это спорт, особенно футбол, хоккей, фигурное катание. На этой основе мы и познакомились с ним, а потом наши отношения стали более близкими, приятельскими. Я работал в те годы директором издательства «Физкультура и спорт», избирался вице-президентом Федерации спортивных журналистов СССР, неоднократно был делегатом на конгрессах Международной Ассоциации спортивных журналистов (АИПС) – авторитетной организации среди зарубежных журналистов, она пользовалась признанием и в Международном олимпийском комитете, находилась под патронажем ЮНЕСКО.

Видимо, признавая мое тогдашнее положение в спортивной жизни, меня несколько раз рекомендовали руководителем специализированных туристических групп спортивных журналистов и писателей, пишущих на темы спорта и выезжающих на крупные спортивные соревнования за рубеж. С годами формировалась, «сколотилась» группа талантливых, спортивных журналистов и писателей, которая практически в неизменном составе выезжала на зимние и летние Олимпийские игры, чемпионаты мира. В ее состав входили спортивные журналисты: Александр Добров, Юрий Ваньят, Вячеслав Гаврилин, Лев Лебедев, Борис Федосов, Дмитрий Мамлеев, Лев Бородулин, Петр Соболев и ряд других широко известных в ту пору журналистов. Писательская часть была

представлена как на подбор: Лев Кассиль, Константин Симонов, Сергей Михалков, Юрий Нагибин, Юрий Трифонов, Анатолий Сафронов, Цезарь Солодарь, Александр Кулешов.

В одну или две поездки мы с радостью принимали в свою компанию Николая Петровича и Андрея Петровича Старостиных. С такими группами ездить было удивительно интересно, каждый участник поездки – яркая индивидуальность, талант, неповторимый характер, манеры и привычки. Анекдоты, экспромты, «подначки», розыгрыши, песни занимали все свободное время, а оно было в основном в поездах, поздно вечером – в гостинице и утром – за кофе. Особенно напряженно работали журналисты – собственные корреспонденты центральных газет, ТАСС, АПН. Они должны были написать о самом главном событии текущего дня, сделать обзор по основным видам соревнований, затем продиктовать все это московской стенографистке. Многие заканчивали работу в 2-3 часа ночи.

Сейчас такой объем информации обрабатывает группа журналистов с помощью электронных средств связи. Мне и писателям жилось несколько легче, хотя и мы в течение дня бывали на 4–5 видах соревнований, обязательно проводили значительную часть времени на своем любимом «виде». Было время, бродили по столице Олимпиады, посещали музеи, поздними вечерами вели душевные беседы, делились впечатлениями от прошедшего дня, работали над дневниковыми записями. По итогам каждой такой поездки

в издательстве «Физкультура и спорт» выходил сборник художественных очерков. Еще до поездки я продумывал план такого сборника, состав авторов, с ними определял темы их будущих очерков. Одним из авторов всех этих сборников всегда был и Юрий Валентинович Трифонов. До сих пор испытываю нескрываемую гордость, что в этих сборниках наряду с очерками Льва Кассиля, Юрия Нагибина, Александра Кулешова, Анатолия Сафронова и других авторов был всегда и мой очерк. Пусть читатель не заподозрит меня в «злоупотреблениях» властью директора. После выхода одного из первых таких совместных сборников Юрий Маркович Нагибин сказал мне: «Вы хороший очеркист, я буду рекомендовать вас в члены Союза писателей». Я поблагодарил его за лестную оценку, но подумал про себя, что это дружеская поддержка, комплимент. Через несколько дней я получил рекомендацию о моем вступлении в Союз писателей СССР, подписанную Юрием Марковичем. Его авторитет в Союзе был непререкаем. Я храню ее в своем архиве, как ценный для меня документ.

Однажды мне в издательство позвонил Юрий Валентинович Трифонов и попросил назначить время для встречи. Я предложил встретиться в тот же день. Когда он вошел в кабинет, то я сразу обратил внимание на бледность его лица, усталость и глубокую грусть в его глазах. Мы сели за маленький стол, я предложил ему рюмку коньяку. Некоторое время молча смотрели в глаза друг другу и наконец он сказал:

– Марат Васильевич, я хочу поделиться с вами трагическими обстоятельствами, которые складываются вокруг меня. Вот уже около двух лет мои рукописи не принимают ни в «толстых журналах», ни в издательствах. Сегодня мне не на что жить, я сдал в «комиссионку» все что смог. Занимать больше не у кого. Я пришел к вам, как к порядочному, благородному, уважаемому в издательских и писательских кругах человеку. Я надеюсь, вы первый разорвете «санитарный кордон», окружающий меня. Я прошу вас, – голос его дрогнул, – подпишите со мной авансовый договор, – он замолчал, опустил глаза в ожидании моего ответа.

Я задумался: человек действительно находится в безвыходном, кризисном состоянии. Как я могу помочь ему? Договор с выдачей аванса по существующим правилам я могу подписать при наличии одобренной рукописи художественного произведения. Но я и не в силах ему отказать. Надо найти хотя бы мало-мальски формальные основания для выдачи денег. Тогда с этим обстояло строго, если не сказать сурово.

– Вы можете принести мне завтра авторскую заявку на создание для издательства литературного произведения?

Юрий Валентинович поднял голову, глаза его чуть-чуть посветлели, но глубокая грусть продолжала сидеть в них.

– Да, я принесу вам завтра заявку с предложением издать повесть на спортивную тему. Я давно вынашиваю

идею написать такую работу. Через год, а может быть и раньше, я положу рукопись этой работы вот на этот стол.

Я не удержался и спросил:

– Почему перед вами, известным талантливым писателем закрылись все двери?

– Это тяжелая трагическая для меня история. Два года тому назад скоропостижно, неожиданно для всех скончалась моя жена.

Тут я вспомнил, как однажды в аэропорту его провожала молодая красивая блондинка.

– Мало того, что я пережил тяжелую для меня утрату, так родители покойной стали подозревать меня, посчитали виновником ее смерти. Они обошли всех руководителей Союза писателей, обзвонили всех знакомых, обвиняя меня в случившейся трагедии. Мне кажется, они обращались и в прокуратуру. В результате от меня отвернулись буквально все, даже некоторые близкие товарищи, писатели, редакторы журналов и издательств. Я превратился в злодея, стал изгоем общества. Но я любил свою жену и в трагической смерти ее не виноват, – последние слова он произнес с большим трудом.

На следующий день я подписал авансовый договор с Юрием Трифоновым. А через год, как и обещал, он принес мне готовую рукопись спортивной повести.

Выступление проезидента АСКИ М. Шнишгина на 24-м конгрессе Международной ассоциации издателей в 1992 г., в Дели

На слоне чувствуешь себя магараджей

Розы получать всегда приятно, особенно от красивой женщины

«Звезды» смотрят вниз

Самолет приземлился в аэропорту Индианаполиса. Летевшей этим самолетом сборной команде СССР по баскетболу предстояло сыграть здесь третий матч со сборной баскетбольной командой США из девяти запланированных матчей в турне по 9 городам Соединенных Штатов. В двух предыдущих матчах – в Конандейго, штат Йорк, и Буффало, штат Огайо, наши баскетболисты успешно «справились» со своими коллегами.

Перед вылетом нашей сборной в США Сергей Павлов, бывший в ту пору Председателем Спорткомитета СССР, предложил мне возглавить делегацию в ее сложной поездке.

После небольшого отдыха в отеле сопровождающий нас Джимми Фокс, представитель Федерации баскетбола США, предложил нам посетить самый крупный в США, а некоторые говорят и в Европе, мотодром «500», где состоятся финальные соревнования самых известных гонщиков Штатов, Японии и некоторых стран Европы.

– Зрелище фантастическое! – воскликнул Фокс.

Казалось, весь город двинулся к мотодрому. Шли мужчины и женщины, и стар и млад. Большинство де-

вушек и женщин одеты в мини-юбки, шорты самых ярких расцветок и покроев, в мини вырядились и толстые, широкозадые негритянские женщины. У мужчин на головах привычные бейсболки, кепки – семиклинки с пуговкой посередине – копия наших семиклинок, которые были популярными у нас в стране в 40–50-е годы. Большинство из них в ярких полосатых брюках, джинсах. Одним словом, перед нами проходил парад моды, стиля, выдумки, цветов, привычек.

Автодром «500» – огромное сооружение, включающее современные дорожки гоночного трека, трибуны, рассчитанные на 234 тысячи зрителей, с многочисленными барами, крошечными кафе, стоянки для гоночных автомашин.

На финальные гонки входной билет стоит 5-10 долларов, ну а кто хочет и может смотреть соревнования со всеми удобствами на отдельном сидячем месте – тот должен раскошелиться и купить билет стоимостью в 45 долларов. Но для истинных любителей мотогонок не существует преград. Семьи, компании, отдельные пары с утра выбирают себе удобное место на огромной лужайке, окружающей со всех сторон автодромом. «Аутсайдеры», так их называют, приходят во всеоружии: приносят тугонабитые сумки-холодильники с закусками, несут коробки с пивом, с сэндвичами, кока-колой. Для них это большой праздник, продолжающийся целый день. Одновременно некоторые из них играют в карты. Официально соревнование длится с 10 до 18 часов. Всего на соревнование собирается зрителей до 500 тысяч.

Здесь представлены болельщики из многих штатов Америки, из Канады, Латинской Америки и даже из Европы. Как не посмотреть за драматическими гонками и лично не увидеть их победителей-финалистов, которые быстрее всех, преодолев 200 кругов в 500 миль длиной, в торжественной обстановке получают приз и «маленькую» призовую сумму в 1 млн долларов. Чтобы стать финалистом нужно уметь искусно управлять своей машиной и «лететь» на ней со средней скоростью в 170-180 миль в час. Один из лучших гонщиков Марк Доногью добивался на этом мотодроме максимальной скорости – 220-240 миль в час.

Обо всем этом рассказал нам владелец автодрома «500» Тони Холман, когда мы по его приглашению посетили небольшой уютный дом для приема почетных гостей. Его финансовое положение красноречиво характеризует такой факт: недавно он подарил местному муниципалитету 112 тысяч долларов для строительства технического колледжа в местечке, где он родился. Сейчас в колледже уже учатся 2 тысячи студентов.

Господин Холман сердечно распрощался с нами и что-то сказал Джимми Фоксу. Мы направились на автодром, Фокс нас поторапливал, а то мы не успеем поучаствовать в церемонии открытия автогонок. Но тут как назло нам навстречу шла группа девушек, одетых в разноцветные платья. Выглядела эта группа девушек впечатляюще, красиво. Фокс решил разъяснить ситуацию:

– В эти дни в городе проходит сессия НАТО, и эти девушки одеты в платья национального цвета той или другой страны-участника сессии НАТО.

– А как быть с нами? – пошутил я.

– Мы представляем страны Варшавского договора.

Девушки дружным хохотом откликнулись на шутку. Фокс сказал мне вечером, что это неприятная шутка-реплика понравилась всем американцам, которым он рассказывал об этой встрече. Однако Фокс торопил нас. Когда мы подошли к входу в автодром, то увидели десятка два ярко-красных открытых автомобилей. К Фоксу подошел руководитель церемонии открытия гонок и попросил, чтобы каждый из нас сел в одну из машин, которые будут открывать гонки, торжественно проезжая по кругу вдоль всех трибун, заполненных зрителями. В каждой машине стояли специально подобранные девушки, одетые в черные юбки и белые кофточки. Мне повезло – меня пригласили в первую машину. Как только наш красный автопоезд въехал на стадион, трибуны буквально взорвались аплодисментами, криками приветствий, пожеланиями победы. На всем протяжении нашего медленного почетного движения диктор непрерывно объявлял по радио: «По мотодрому проезжает сборная СССР по баскетболу!»

Перед нами по стадиону прошла колонна скаутов в 250 человек, которая, размахивая флажками, приветствовала зрителей.

Как только последняя автомашинка закончила свой круг, раздались звуки гимна США. Открытие автого-

нок состоялось. Все это грандиозно и восхитительно, такие события навсегда остаются в душе и памяти.

После исполнения гимна нас пригласили на почетные трибуны. Нам удалось посмотреть только три заезда, во втором заезде гонщик не справился со скоростью, машину бросило к барьеру, и она перевернулась. К счастью, гонщик остался жив, но был на санитарной машине отправлен в госпиталь. После этого мы уехали в отель – вечером предстояла тяжелая игра.

Зал, вмещающий 15 тысяч зрителей, был переполнен до отказа. Интерес к матчу был велик, т.к. американцы никак не могли поверить, что наша команда уже дважды выиграла встречи с командой «Олл Стар» – «Все звезды» в Конандейго и Буффало, к тому же в зале находились участники проходивших в городе автогонок, самое же главное Индианаполис – центр американского любительского спорта, здесь находится штаб-квартира АЮЮ – Союза организаций любительского спорта. В то же время хозяева всячески стремились проявить доброжелательность, гостеприимство. В зале висели плакаты: «Добро пожаловать в наш город советским баскетболистам», «Россия, желаем Вам успеха», «Товарищ, вперед к победе» и тому подобное.

Наши хозяева, во что бы то ни стало, хотели выиграть этот матч. Для этого они пригласили в команду лучших баскетболистов из семи штатов. Как выяснилось в ходе матча, они не ограничились этими мерами и включили в игровой состав ряд профессионалов. С

первых минут стало ясно, что это будет напряженный, полный драматических ситуаций матч. На 3-й минуте счет – 8:2 в пользу хозяев. Сидящие в зале бурно выражали свой восторг, требовали от своих «звезд» победы. Неистовое ликование длилось 15 минут. Но тут счет сравнялся – 15:15. С каждой дальнейшей минутой все больше и больше стали проявляться лучшие качества нашей команды и ее отдельных игроков. Первый тайм закончился 43:40 в пользу нашей команды. Минимальный перевес во 2-м тайме, игра еще больше обострилась, американцы настойчиво атакуют, бросают мячи с дальних дистанций, играют в жесткой манере, на «грани фола». За 6 минут до конца встречи американцам удалось сравнять счет – 72:72. Зал восторженно бурно ликует. «Всем звездам» не только помогали стены, активная моральная поддержка всего зала, но в немалой степени присутствие на матче высших спортивных руководителей любительского спорта США – президента Национального Олимпийского Комитета господина Бака, Президента федерации баскетбола, Президента АЮЮ господина Келли. Начальство, как известно, не любит проигравших.

Последняя пятиминутка проходила под непрерывный рев трибун. В этой тяжелейшей ситуации исход игры решили ветераны советского баскетбола Модестас Паулаускас, Сергей Белов, которые сами, проявляя блестящую технику, тактическую зрелость, самоотверженность, увлекли за собой всю команду и буквально «вырвали» победу у именитых олимпийских баскетболистов со счетом 80:78. Паулаускас

принес команде 27 очков, Сергей Белов – 22 очка, Александр Белов – 10 очков. Они были героями этой игры, «заработав» втроем 59 очков. Победа наших ребят была убедительно блестящей еще и потому, что против нее играла команда, половину которой составляли игроки профессиональных клубов. После матча мне передали майский номер журнала «Лайф», в котором на целой полосе красовался Артис Гилмор и сообщалось, что он имеет контракт на сумму 2 млн 200 тысяч долларов с профессиональным клубом «Кентукские полковники». Еще несколько игроков, игравших против нас, имели в кармане контракты с другими профессиональными клубами.

После матча президент АЮЮ Келли, президент федерации баскетбола США Лионс пригласили нашу делегацию в приемный зал, поздравили с победой, пожали каждому игроку нашей команды руку и вручили подарки. Затем состоялся короткий а-ля фуршет. Поражение не располагает к душевному разговору с противником, глаза невольно смотрят вниз. На следующий день в газете «Буффало ивнинг ньюс» было напечатано: «Если спортсмены, находящиеся за тысячи миль от дома, окружены шампанским, но не пьют, а пьют только тренеры – это настоящая дисциплина». Но многие газеты опубликовали аналитические материалы о состоявшемся накануне матче, отмечая блестящую, высокотехническую игру нашей сборной, выделяя особо Модестаса Паулаускаса, Сергея Белова, Александра Белова, Алжана Жармухамедова.

Похороны состоялись

В Цинцинати (штат Огайо) устроители турне поселили нас в 4-звездочном отеле. Его достоинство состояло в том, что он находился в 15 км от города, в стороне от федеральных дорог. Под окнами бассейн, из которого есть выпływ прямо в ресторан. Ресторан, бассейн оформлены в морском стиле, на стенах якоря, спасательные круги, муляжи акул, в стенках бассейна аквариумы, где беснуются причудливые рыбы. Рядом с бассейном площадки для баскетбола, волейбола, пинг-понга. Это, пожалуй, был лучший отель из тех, где нас размещали после «Шератона» в Конандейго.

Напротив отеля стоит корабль-парусник с поднятыми парусами, флагами расцвечивания. Полная имитация «живого» корабля. В помещениях парусника ресторан, бар и небольшой зал для массовых мероприятий. Все это мы увидели, когда я, Александр Болошев, Иван Едежко, Александр Сидякин были приглашены господином Шварцем для участия в пресс-конференции. Господин Шварц занимал высокие посты в любительском спорте США, он президент федерации бокса АЮЮ, руководитель организации любительского спорта в Цинцинати. Он известен в

США, как опытный тренер и специалист по боксу. В молодости Шварц тренировал профессиональных боксеров, некоторое время даже Кассиуса Клея. Сейчас в Цинцинати он обучает боксу подростков в нескольких спортивных школах. Волевой, приветливый, признанный авторитет в городе, таким Шварц представлялся мне.

Пресс-конференция прошла вяло, журналистов собралось мало. Мы отвечали на вопросы: «Есть ли в СССР профессиональный спорт?», «Получают ли спортсмены денежное вознаграждение от своих спортивных организаций?». Установилась пауза и я решил воспользоваться ею:

– Господин Шварц, почему Вы разрешаете играть против нашей команды профессионалам?

Шварц посмотрел вопросительно на нашего сопровождающего Джимми Фокса, оба немного засмутились, оторопели от неожиданного каверзного вопроса:

– Против Вашей команды наши профессионалы не играют, это запрещено правилами любительского спорта, – парировал Шварц.

– Как же тогда объяснить игру против наших баскетболистов Артиса Гилмора, имеющего контракт с профессиональным клубом «Кентукские полковники», Хилмона Менгельта, Макданиэльса? – вопрос был «ниже пояса» и обескуражил на некоторое время моих собеседников.

В начале они стали отрицать принадлежность этих баскетболистов к профессионалам. Тогда я взял в сумке майский номер журнала «Лайф» и открыл его

на странице, где красовался Артис Гилмор, а внизу было напечатано: «Артис Гилмор заключил контракт с профессиональным клубом «Кентукские полковники» на сумму в 2 млн 200 тыс. долларов».

Мои оппоненты поняли, что «попались», но опыт подсказал им, как можно достойно выкрутиться из этого положения:

– Да, господин Шишигин, вы в принципе, по форме правы – Гилмор и другие названные вами баскетболисты – профессионалы, а по существу нет, т.к. имея контракты с профессиональными клубами, они еще ни разу не сыграли в их составе.

Я понял, что дальнейшая дискуссия бесполезна, более того для нас она может быть и вредной.

Когда мы встали и двинулись к выходу, путь нам преградил бледный, взволнованный Джимми Фокс:

– Вход в парусник заблокирован большой группой агрессивно настроенной еврейской молодежи из местной сионистской организации.

Решительный Шварц сказал:

– Идемте, я сам с ними поговорю, кажется, я умею это делать.

Мы с некоторой опаской вышли из помещения, впереди нас шел Шварц. Перед входом в парусник стояла группа еврейских подростков, примерно 20-25 человек. В руках они держали огромный плакат «Освободите советских евреев». Выкрикивая злобно бранные слова, размахивая кулаками, они ринулись к нам, но Шварц и подоспевшие полицейские преградили им путь. Шварц схватил за руку одного из де-

монстрантов, судя по всему организатора этой выходки, и сжимая ее, выразительно и твердо бросал ему прямо в лицо какие-то слова, как мы поняли по-еврейски. Толпа постепенно распалась, расселась по машинам, стоящим рядом. Шварц попрощался с нами, извинился за этот инцидент и сказал, что этого больше не повторится.

Мы отправились в отель, завтра вечером предстоял шестой матч со сборной США.

Утром в день матча в гостиницу приехали журналисты местной газеты и телевидения и предупредили меня, что сионистская молодежная организация готовит ряд провокационных выходов против нас, цель которых помешать предстоящему матчу или даже сорвать его проведение. Это уже выглядело серьезно. После некоторых раздумий я принял решение сделать официальное заявление Джимми Фоксу и Карлу Словоцкому, руководителю спортивных организаций АЮЮ в Цинцинати. Я предупредил их, что если против советской команды будут предприняты действия оскорбительного характера, наносящие ущерб физическому состоянию и моральному достоинству наших спортсменов, мы тут же покинем город, сделав заявление для печати. Не ограничившись этим, я послал телеграмму в Государственный департамент США.

Как выяснилось потом, Джимми Фокс и Карл Словоцкий не пропустили мимо ушей мое заявление. Они связались с Госдепом, мэром и комиссаром полиции города. Перед выездом из отеля я видел, как волнуется Фокс, он предлагал мне выехать из отеля порань-

ше, чтобы не столкнуться с сионистами. Я не поддержал его. Когда наш автобус подъезжал к спортзалу, то мы увидели перед его главным входом толпу подростков и юнцов в 100 – 150 человек пикетирующих вход в зал с плакатами в руках: «Там, где нет свободы – нет баскетбола», «Русские, освободите 3 миллиона евреев» и с другими «лозунгами» оскорбительного характера. Оказаться в окружении этой воинственно, зло настроенной толпы было рискованно. Трясущемуся от волнения Фоксу пришло мудрое решение, и он крикнул водителю автобуса: «Быстро к служебному входу». Это избавило нас от встречи с основной частью провокаторов. В душе я негодовал: меры, принятые мной, оказались пустышкой. В зале обстановка напряженная, в проходах стояли полицейские, парни из сионистской организации снуют по проходам между рядами и раздают изданную ими программу. Оглядывая трибуны зала, я вдруг увидел на некоторых из них другие приятные, вселяющие уверенность плакаты: «Привет советским баскетболистам», «Здравствуйте, советские товарищи». Правда, тут же висели и уже известные нам лозунги типа: «Свободу советским евреям» и тому подобное. Но постепенно обстановка в зале меняется. Ко мне подошли двое рослых мужчин, показали бляхи детективов и спросили:

– Какие плакаты, лозунги на русском языке наиболее злобные и вы хотели бы их убрать?

Я ответил:

– Все кроме трех плакатов, приветствующих нашу команду, я бы отправил на свалку, они отрицательно

действуют, нервируют наших спортсменов, омрачают атмосферу матча.

Между тем американская административная машина медленно, но эффективно начала действовать. Через несколько минут после нашего разговора с детективами на большинстве трибун сионистских плакатов уже не было видно. Добрые чувства вызывало поведение и отношение к нам многих американцев. Они доброжелательно улыбались, пытались похлопать по плечу, пожать руку, вручить сувениры. Это были настоящие американцы. Организаторы матча подобрали группу девушек спортсменок, одели их в красные майки с буквами СССР на груди. Они ходили по проходам между трибун, вдоль первых рядов и на ломаном русском языке скандировали: «По-бе-ду», «По-бе-ду». Когда на площадку по очереди вызывали спортсменов, то эти девушки перед каждым из них выполняли шпагат, или кувырок, или реверанс.

Вот так бы все дружелюбно, гостеприимно встречали советскую команду, которая по приглашению за тысячи миль прилетела в Штаты, чтобы показать свое мастерство народу, который баскетбол считает национальной игрой №1. Но, видимо, это из разряда мечтаний. Раздаются первые аккорды Государственного гимна СССР и тут в зале оглушительно взывает сирена. В течение 30-40 секунд продолжалась эта гнусная, злая какофония. Наконец, вой прекратился и мы снова услышали свой гимн.

Я увидел, как полицейские схватили на противоположной от нас трибуне девушку и парня с сиреной.

Зрители бросали им в след бумажные стаканы, пачки из-под сигарет. Большинство зрителей в знак одобрения дружно топали ногами. Но на этом матче все менялось как в калейдоскопе. Наши ребята выиграли первый тайм со счетом 52:45. Во время перерыва к нам на скамейку прорвалась группа наиболее оголтелых сионистов. Они злобно кричали, размахивали перед нашими лицами руками, бросали свои программы с антисоветским текстом. Лохматые, бесноватые – все они выглядели омерзительно. Особенно бесновался маленький шупленький, лохматый подросток. Как выяснилось потом, это был предводитель сионистов Давид Зеленый. Но тут мы увидели, как со всех сторон их окружают, берут в кольцо, оттесняют от нас парни с накаченными бицепсами, крепкими шеями и широкими плечами. Действовали они весьма решительно. Как только кто-нибудь из хулиганствующих сионистов пытался проявить себя, как тут же его настигал боксерский удар. Минут через 5 рядом с нами не было ни одного мерзавца, но осталась группа ребят боксеров. Теперь стало ясно, что все это дело рук нашего друга – господина Шварца, который к концу первого тайма сумел созвать по телефону группу своих учеников из спортивных школ города.

Вопреки своим заявлениям организаторы нашего турне вновь включили в состав сборной команды США профессионалов Гилмора, Менгельта, Хилмана. Видно им уж очень хотелось в шестом по счету матче добиться первой победы. Но не удалось это сделать и с помощью именитых профессионалов. Окон-

чательный счет матча – 97:88. Повисает в воздухе сионистский плакат «Где нет свободы, там нет баскетбола». Оказывается, в СССР есть баскетбол, у которого есть чему поучиться и нашим американским коллегам. Да и за свободой в США не поедем. Насмотрелись на эту свободу в Цинцинати, на своей шкуре прочувствовали все ее прелести.

Накануне матча местная газета «Цинцинати эсквайер» писала: «...их баскетбольная команда хоронит американцев». Что же, журналисты оказались прозорливыми.

Ковбои вылетают из седла

Амарилло в Техасе встретил нас 45-градусной жарой. На площади в окружении большой толпы людей стояло пять черных лимузинов, каждый размером с правительственный ЗИЛ.

К нам подошли три господина в черных костюмах. Они приветствовали нас от имени городских властей, приглашали осмотреть город и его окрестности. Двое из трех представляли местный муниципалитет, а третий был руководителем местной организации АЮЮ – Ассоциации любительского спорта, Дон Фловерсом. Заметив, что нас несколько удивила большая толпа людей, Дон Фловерсом объяснил:

– Два часа тому назад состоялось торжественное открытие нового аэропорта, на который вы только что прилетели. Но узнав, что через 1-2 часа в Амарилло прилетает сборная СССР по баскетболу, многие, как Вы видите, остались, чтобы встретить и поприветствовать Вас. Еще бы, нога советского человека не ступала на эту землю. Вы пионеры. А вот нога русского ступала. В 1908 году в Техас приехала группа эмигрантов, в основном они были из Одессы. Поэтому вскоре у нас появился город Одесса, который существует и поныне.

Жаркое солнце неумолимо пекло наши головы, пот лился ручьями по нашим лицам. Хозяева заметили это и пригласили садиться по машинам. Дон пригласил меня в свой лимузин, в нем было так прохладно, что вначале я ощутил чувство легкого озноба. Понял, что в автомобиле работает кондиционер. Посмотрел, как рассаживаются мои коллеги, и увидел, как, садясь в машину, они тут же стремились «по-нашенски» открыть окна, чтобы с ветерком проехать по городу. Водители машин с недоумением смотрели на них, а потом дружелюбно закрывали окна в машинах. Тут и до них дошло – есть кондиционер. В те годы у нас в стране машин с кондиционерами не выпускали, а иностранных тогда были единицы.

Дон оказался словоохотливым, сердечным человеком и всю дорогу до отеля рассказывал о Техасе, своем городе.

– Народ в Техасе малообразованный, консервативный, живет отшельнически, замкнуто. В десять часов вечера город засыпает. Я это по себе и своей семье знаю, – добавил он. – В молодости было много планов, хотел стать профессиональным баскетболистом, но дальше городской команды не дошел. Окончил экономический колледж, служил в банке, теперь являюсь вице-президентом самого крупного банка в Амарилло. Как-нибудь обязательно покажу вам его.

После того как мы разместились в отеле, нас пригласили на обед. Дон пригласил меня за один столик с собой, и наша беседа продолжалась между блюдами и бокалами вина.

– Амарилло – крупный железнодорожный узел. Центр перевозки мяса, мясного скота по всей стране. Город имеет крупный аукцион по продаже скота. После обеда я приглашаю всех вас посетить этот аукцион.

Аукцион построен в виде амфитеатра, где оборудованы места для покупателей, продавцов скота и зрителей. Внизу полукруглого аукциона огромный стол с трибуной посередине. Ведущий аукциона сидит за этой трибуной, «вооруженный» молотком и микрофоном для объявления результатов проведенных продаж. Справа от него за столом располагается секретарь, ведущий протокол, оформляющий документы о совершенной купле-продаже, слева помощник ведущего аукцион. Под трибуной установлен телевизор, на экране которого показывается весь ход аукциона. Ведущий – это актер, он бросает по ходу торгов шуточки, вызывающие дружный хохот, что-то наговаривает про себя. У него спросили, что за слова он в этом случае произносит. «Я тридцать лет здесь работаю и тоже не знаю, что это за слова я бормочу» – улыбаясь, ответил ведущий. Между амфитеатром и столом небольшое поле, куда выгоняют бычков из одного загона, а после сделки ковбой перегоняет их в другой загон. В год аукцион зарабатывает примерно 80 млн долларов. Покупатели – фермеры, владельцы предприятий по производству мясных продуктов, ресторанов, магазинов. Недалеко от аукциона находится откормочное предприятие, на котором одновременно размещается 50-70 тысяч бычков и коров.

Скот откармливают 3-4 месяца, затем отправляют на бойню, небольшое количество продают фермерам. Техасские бойни самые крупные в США и вторые после аргентинских.

Вечером нас пригласили на ужин в ковбойский кабачок, стилизованный под старый салун. Дон пошутил:

– А то вы можете подумать: аукцион есть, откормочная фабрика работает, бойни самые большие в стране, а где же мясо и кушанье из него?

На стенах салуна развешаны седла, кнуты, чайники, шляпы, на полу – котлы, телеги, брички. В центре большого зала под потолком муляж головы быка. Но прежде чем мы сели за стол, нас пригласили к огромной плите-мангалу, около которой сутились повара. Перед плитой на столах – большие железные противни, на которых лежат нарезанные куски мяса для разных бифштексов: «по-ковбойски», «по-ньюйоркски» и других типов и сортов. Один из поваров подошел к нам и спросил:

– Какой бифштекс Вы хотели? Можно жарить и самим, с нашей помощью, конечно.

Каждый их нас выбрал понравившийся ему кусок мяса и показал повару.

Нас посадили рядом с мэром города, работниками муниципалитета, напротив сидели «наши противники» – игроки сборной команды, которая будет завтра играть против нас. Мэр произнес речь, в которой приветствовал первых советских людей, ступивших на землю Амарилло, пожелал красивой игры и достойно-

го победителя. Зал бурными аплодисментами встретил слова своего мэра и тут же все выпили по бокалу виски.

Я сидел, расслабившись, в надежде на беспечный отдых и смакование сочных бифштексов. Но тут услышал голос мэра:

– А теперь я представляю Вам руководителя советской делегации, господина Марата Шишигина и прошу его сказать несколько слов.

От неожиданности я растерялся, в голове ни одной мысли, зато рот полон мяса. Другого выхода не было, надо выступать. Медленно поднялся, выигрывая время, оглядел присутствующих в зале, большинство из них активно расправлялись с бифштексами. И тут мне пришла простая мысль:

– Многоуважаемый мэр, уважаемые дамы и господа! От имени делегации благодарю вас за приглашение посетить ваш прекрасный город. Я с большим удовольствием съел бифштекс по-ковбойски и вдруг почувствовал, как по моим жилам потекла ковбойская кровь, и теперь я вполне чувствую себя ковбоем.

Я не ожидал, но моя речь произвела на хозяев огромное впечатление, они встали и долго и шумно аплодировали. Мэр встал рядом со мной с бокалом виски и предложил выпить вместе. Мы дружно опрокинули бокалы, вызвав новый взрыв аплодисментов.

Этот вечер в кабачке запомнился мне на всю жизнь душевностью, радушием простых американцев.

Поздно вечером мы проехали с Доном Фловерсом по городу, он показал мне его банк, предложил после

этого посетить его дом, но я, сославшись на усталость, отказался.

Засыпая, я подумал: «Бифштексы и виски – это хорошо, но как завтра сыграют ребята?»

Игра состоялась в спортивном зале городского культурного центра. Зал универсальный, в нем можно играть даже в хоккей. Впервые за все время пребывания в Штатах игра носила спокойный, дружеский характер, временами напоминала обычную тренировку. Зрители в отличие от других городов были приветливы, справедливы и, казалось, одинаково радовались мячу, заброшенному «своими» или гостями.

Старший тренер Кондрашин реже выпускал на площадку Паулаускаса, Сергея Белова, Алжана Жармухамедова, давая им отдохнуть перед предстоящими играми. Хозяева площадки во втором тайме делают попытку изменить ход игры. Но тщетно. Итоговый счет – 107:83. Впервые количество заброшенных нашими ребятами очков перевалило за «100». Это был рекорд американского турне. После окончания матча представитель мэра города и руководитель местной организации АЮЮ вручили каждому из нас по настоящей ковбойской шляпе. Нашей радости не было предела. Это был самый желанный, приятный подарок за всю поездку по городам США. Ребятам шляпы так понравились, что они не снимали их до прилета в Москву. Это было хорошее напоминание о нашем пребывании в далеком Техасе.

Вот с этой великолепной сборной командой, пожалуй, лучшей за всю историю нашего баскетбола, я проехал по 10 городам США, где она убедительно выиграла 9 матчей, проиграв лишь один. «Баскетбольная» Америка переживала шок

Серый кардинал

Дверь открылась, в нее тотчас же прошмыгнули двое, похожие один на другого как две капли воды, и тут же растворились. Скорее всего, они смешались в группе избирателей, которые, придя на выборы в Верховный Совет или в другой высокий государственный орган, любили поговорить «за жизнь», мечтательно представив ее восхитительные перспективы. Прекрасные же перемены они связывали с листом белой бумаги, с заголовком «Бюллетень», который они торжественно и мечтательно опускали в высокую тумбу.

Вслед за двумя «невидимками» в зал для голосования вошел человек, который, куда ни погляди, выглядел необычно. Во-первых, он был высок, эдак под 2 метра, не меньше; во-вторых, он был тощ и узколиц. Серый габардиновый макинтош, застегнутый на все пуговицы и имевший длину до пят, болтался на нем, как на вешалке. На голове этого человека была серая шляпа, как-то несуразно приплюснутая с двух сторон. На ногах у него были черные туфли, которые утопали в калошах черного цвета. Да-да, именно в калошах – больших, почти музейной редкости, 70-х годов прошлого столетия. Да и были они как-то не по

сезону, на дворе было погожее весеннее утро. Вытянутое лицо по цвету было подстать серому макинтошу. Данный человек, не глядя по сторонам, проследовал к столу регистрации и выдачи избирательных бюллетеней. Работники избирательной комиссии стояли с бледными лицами по стойке «смирно» за столами в ожидании.

– Суслов Михаил Андреевич, – несколько хрипловатым, но четким голосом произнес избиратель. Стоявшие вокруг группки избирателей нарочито громко, старательно захлопали в ладоши и обратили свои сияющие лица в сторону Суслова.

Михаил Андреевич, не реагируя на эти торжественные приветствия и чувства, адресованные ему, второму лицу в государстве, повернулся направо и, не заходя в кабину для тайного голосования, опустил свой бюллетень в ящик. Не исключено, что на этом участке кандидатом в депутаты был он сам или кто-то из его близких соратников. Что уж тут заходить в кабину для тайного голосования и обдумывать свой политический выбор. Михаил Андреевич тут же после своего волеизъявления двинулся к выходу. Но тут... тут случился казус, просто настоящий конфуз. К нему решительно наперерез метнулся, нервно рванулся курчавый человек.

– Михаил Андреевич! – превозмогая чувство смятения и, может быть, даже страха, произнес Борис Панкин, это был именно он. – У меня, у нас есть важные вопросы, которые Вы могли бы разрешить... Мы ВААП – молодая организация, делаем первые шаги,

нуждаемся в вашей помощи, – выпалил проситель.

Не снижая скорости движения к выходу и не подавая руки просителю, высокое государственное лицо произнесло:

– Товарищ Панкин, если у вас есть вопросы ко мне, к ЦК КПСС, то потрудитесь, как положено, записаться ко мне на прием.

Ускорив шаг, он скрылся за дверью. Волевой, многоопытный Борис Панкин был раздавлен, обескуражен таким поворотом дел. Он несколько секунд стоял посреди зала с тяжело опущенной головой и отвисшей челюстью, бледный и растерянный.

Мы, его заместители, пять человек, специально накануне проинструктированные им, стояли в шеренгу в стороне зала, обомлев от столь неожиданной нелепой ситуации, и сочувственно смотрели на своего руководителя.

Не будем скрывать, наш руководитель был страшно унижен. Он, который надеялся продемонстрировать перед нами, его подчиненными, как лихо он будет решать насущные проблемы лично с Михаилом Андреевичем Суловым – самым влиятельным человеком в верхах партии, считавшимся вторым по значимости лицом в ЦК КПСС, а значит, и в государстве, которого за спиной прозвали «серым кардиналом», оказался полнейшим банкротом. Вот так запросто, по-партийному, демократически хотелось руководителю новой организации решить с Михаилом Андреевичем Суловым все проблемы, но он жестоко просчитался.

Это случилось весной 1974 года, спустя год после присоединения СССР к Женевской конвенции «Об охране авторских прав» и создания в сентябре 1973 года Всероссийского агентства по авторским правам.

Никита Хрущев в гостях у Тито

На этот раз мои югославские друзья решили провести совместное заседание советско-югославской рабочей группы по сотрудничеству в области книгоиздания на острове Бриони (на самом большом острове архипелага Брионских островов в Адриатике). Такие группы существовали в то время с десятками стран и, как правило, оказывали положительное влияние на процессы взаимных переводов и издания литературных произведений писателей этих стран. Достаточно обратиться к нашему опыту. Советско-югославская рабочая группа начинала свою работу в середине семидесятых годов прошлого столетия. В это время издавалось примерно 20 переводных книг советских авторов в Югославии и 10 произведений югославских авторов – в СССР. Работа совместной рабочей группы оказалась эффективной и в творческом, и организационном отношениях. К концу 1990 года, когда она, к сожалению, распалась, в республиках СФРЮ ежегодно издавалось 110-120 переводных книжек, главным образом русских авторов. С 1978 года сопредседателем рабочей группы с советской стороны был я, с югославской стороны – Мартин Жндершич. Мы оба старались

привнести в нашу работу принципиальность, творческий подход к решению спорных вопросов, взаимное уважение, дружелюбие. А спорных вопросов действительно было хоть отбавляй. В отделе пропаганды ЦК КПСС перед каждой моей поездкой требовали, чтобы я добивался исключения из тематических планов в югославских издательствах книг наших диссидентов, эмигрантов.

Очередное заседание группы СССР – СФРЮ на острове Брион: выступление на совместном заседании группы, слева от меня – Мартин Жндершич, мой коллега, сопредседатель группы

Речь шла, прежде всего, о книгах А. Солженицына, Р. Медведева, В. Войновича, А. Зиновьева, А. Антонова-Овсеенко и других. Надо отдать должное моим югославским коллегам: мы всегда находили взаимоприемлемые решения. Сейчас вспоминаешь об этом с досадой и горькой улыбкой. Еще бы: книги названных и многих других инакомыслящих писателей в наше время массовыми тиражами беспрепятственно издаются по всей нашей стране и ближнему зарубежью.

Члены рабочей группы: Огнен Лакичевич, генеральный секретарь группы, Видок Перич, член правления, Мартин Жндершич и Марат Шишигин, сопредседатель рабочей группы

Дружеский шарж на советского сопредседателя

Мы с Мартином стали друзьями, «дружили семьями», проезд каждого в страну был для нас не только сложной работой, но и радостным праздником.

Устроить заседание на Брионах, как я узнал гораздо позже, было делом непростым. Главный остров Брионского архипелага имел особый статус. На нем была главная резиденция Президента СФРЮ Иосипа Броз Тито. Имеющиеся на главном острове две-три гостиницы принимали только специальные делегации, в основном правительственного, международного уровня, здесь проходили заседания, конгрес-

Подобные заседания проходили в Белграде, на озере Блед, Киеве, Ереване, Баку. Вот фото заседания рабочей группы в Минске

сы ОПЕК, ЮНЕСКО, МАГАТЭ и т. п. Никакого массового туризма здесь не существовало. Остров – само очарование. Думаю, это один из самых красивых островов мира. Сафари с полным набором редких зверей, по его полянам спокойно разгуливали стайки жирафов, павлинов, страусов. Ну, а те, кто не умел пользоваться свободой, сидели в скальных расщелинах, превращенных в удобные для них клетки. По утрам, перед заседаниями мы небольшой группой энтузиастов ходили купаться. Выходя из гостиницы, нас как бы встречали антилопы, газели, которые разрешали их погладить, потрогать за уши и рога. Можно рассказывать до бесконечности о красотах этой земли. Для меня самое точное определение – райский остров.

Друзья приготовили для нас большой сюрприз. В один из последних дней нашего заседания Мартин после завтрака сказал:

– Сегодня у нас будет небольшая морская прогулка.

У небольшой пристани нас ждал катер военно-морских сил СФРЮ. Красивые, складные как на подбор матросы ловко подхватывали нас под локти и по зыбкому трапу переводили на качающийся на ветру катер. Море в этот день было беспокойным. Минут через пятнадцать-двадцать впереди показался остров. Наши друзья таинственно сообщили нам, что впереди остров Ванга, на котором размещалась последняя резиденция Иосипа Броз Тито. Здесь в последние годы Президент принимал руководителей страны, друзей, правительственные делегации, высоких гостей из других стран. Здесь побывали Сукарно, Неру, Хрущев.

Александр Авеличев – русский самородок, талантливейшая личность, известный всему миру издатель. Долгие годы он успешно возглавлял крупнейшие в стране издательства «МГУ», «Прогресс»; один из активных ревнителей и организаторов процессов демократизации печати. Ему принадлежит идея создания в нашей стране Ассоциации издателей, организатором которой он был вместе с Эдуардом Мачульским и другими

Но о визите Никиты Сергеевича Хрущева специальный рассказ.

Катер подошел к уютному причалу, на котором нас встречал высокий, загорелый мужчина лет 60. Он представился, как управляющий делами бывшего президента СФРЮ, а ныне хранитель резиденции, главный человек на острове. Переводчик нам был не нужен. Милойко, так он просил обращаться к нему, хорошо говорил по-русски.

Резиденция бывшего Президента была небольшой и скромной и по помещениям, и их внутреннему убранству. На досуге Тито увлекался фотографией и слесарными работами. Для этого были отведены две небольшие комнаты, одна была увешана цветными и черно-белыми фотографиями. Вот его последняя жена Йованка, вот портреты братьев, его военных сподвижников времен Второй мировой войны.

В слесарной мастерской стоял верстак с клещами для зажима металлических предметов. На полках лежали напильники, молотки, на стенах висели ножовки по металлу и т. п. У Тито было и другое увлечение. В окружающем резиденцию саду была его заветная полоска, спускающаяся к морю, – плантация апельсинов. Он никому не доверял заниматься этой полоской земли и ухаживал за апельсинами сам. Когда апельсины созревали, он укладывал их в специальные коробки и просил отправлять по одному и тому же адресу. Это была школа в маленьком хорватском городке. Так поступал он до самой смерти.

В одной из комнат резиденции хранились подарки

от гостей из разных стран, посетивших остров. Среди их множества были подарки и от советских гостей. Бутылка трехзвездочного армянского коньяка, бутылка рядовой «Столичной», хохламские матрешки, плошки. Все это удивляло какой-то сверхпростотой, заурядностью, даже какой-то случайностью, непризидентским уровнем. Особенно рядом с нарядным французским коньяком «Курвазье», английскими «Джином» и «Виски».

Официальный зал для приема гостей назывался «Бандунгским» – здесь Тито вел переговоры о подписании «Бандунгской конвенции», положившей нача-

*Заключительное заседание совместной рабочей группы
СССР – ГДР*

ло движению неприсоединения. Посередине стоял низкий стол, в окружении дивана и кресел. Ничего дорогого, никакой позолоты, вычурности, свойственного подобным сановным залам.

После осмотра зала управляющий подмигнул нам лукаво и сказал:

– Это все или почти все в резиденции Президента Югославии, покажу вам последний объект.

Он пригласил нас в сад и по узенькой гравийной тропинке повел вниз к берегу моря. Пройдя шагов двести, мы увидели типичный хорватский дом – белые стены, бурая черепица, резные деревянные крыльцо и окна. В небольшой комнате стояли три стола, накрытые расшитыми скатертями. В углу стояла барная стойка, обильно заставленная бутылками с вином, сливовицей, гроздовой, коньяком. В противоположном углу был проем с лестницей, ведущей в подвал. Управляющий предложил спуститься вниз. На довольно большой глубине, это ощущалось по прохладе, был сооружен винный подвал, его высокие стены походили на пчелиные соты, в каждом отверстии лежали бутылки. Я спросил у Милойко:

– Сколько здесь хранится бутылок?

Он сказал:

– Около четырехсот, – и добавил: – здесь все известные югославские вина, есть и французские, итальянские, венгерские. Близких для Тито гостей он всегда приглашал сюда, говоря: «А теперь пойдем в библиотеку», – и, делая паузу, добавлял: «Только в винную».

Когда мы поднялись наверх, на столах стояли бо-

калы для вина, рюмки для крепких напитков, полный джентльменский набор напитков на все вкусы.

– Прошу вас, дорогие гости, советские и югославские издатели, наполнить сосуды любым напитком по вашему вкусу и выпить за нашу дружбу и братское сотрудничество. Игнорировать такой призыв было невозможно и все дружно выпили свой любимый напиток. Когда мы вернулись к резиденции, управляющий сказал:

– А теперь, перед расставанием я расскажу вам небольшую историю, связанную с визитом на остров Ванга Генерального секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева. Тито, как и всех других высоких государственных лиц, принимал Никиту Хрущева здесь. После обеда он пригласил Хрущева в «Бандугский» зал для переговоров «с глазу на глаз». Вы хорошо знаете, отношения между нашими странами не отличались стабильностью, нередко дружба сменялась острыми конфликтами. Поэтому вопросов для обсуждения было предостаточно. Естественно, и у Тито, и у Хрущева была своя охрана. Охранники разместились в прилегающих боковых комнатах, вместе с ними был и я. Пили крепкий кофе, сок, ели фрукты. Разговор двух лидеров вначале был неспешен. Однако часам к десяти вечера стали доноситься взаимные резкие реплики. Часам к одиннадцати стали слышаться слова грубых обвинений, которые превратились в перепалку, сопровождалась крутым русским матом. Охрана насторожилась. Разговор крепчал с каждой минутой. Когда мы почувствовали, что

«высокие договаривающиеся стороны» взяли друг друга за воротники, охрана той и другой стороны приняла решение: если словесная потасовка, превращающаяся в физическую, в ближайшие минуты не прекратится, охранники войдут в зал, чтобы разнять лидеров. Принять такое решение, да еще и исполнить

Межрегиональная ассоциация полиграфистов (МАП) и ассоциация издателей (АСКИ) всегда принимали самые энергичные меры к достижению единства интересов издателей и полиграфистов.

Но вот сейчас они, кажется, близки к цели

его для охраны было делом чрезвычайно рискованным, опасным, грозило непредсказуемыми последствиями. Но вдруг накал страстей стал постепенно стихать. Мы услышали с чувством облегчения, как стукнули распахнувшиеся двери зала, выходящие к морю. Запохрустывала гравийная дорожка под ногами уходящих Тито и Хрущева. Мы поняли – они идут в дом «винной библиотеки». Напряжение сошло с наших лиц окончательно, когда мы услышали, как Тито спустя несколько минут запел любимую хорватскую песню. После того как они исчезли за деревьями, оттуда раздался знакомый мотив «Калинки» «в исполнении» Никиты Сергеевича. Когда же Тито начинал новую песню, Хрущев, не зная слов, пытался подпевать ему. Потом голоса стихли. Видимо, лидеры приступили к дегустации югославских напитков.

...Вернулись на большой Бриони глубокой ночью. Теперь кроме проблем советско-югославского книгопечатания мы еще узнали о мало кому известном эпизоде из взаимоотношений всемирно известных лидеров двух дружеских стран.

Сикейрос в «Мире»

Меня нашли в зале «Арена де Мехико», где до глубокой ночи шли боксерские поединки. Во время перерыва ко мне подошел стройный молодой человек в черном костюме. Извинился и учтиво представился:

– Моя фамилия Попов, зовут Виталий, пресс-атташе посольства. Вас, Марат Васильевич, я знаю: вы выступали у нас в посольстве перед сотрудниками и членами их семей. Меня просил наш Посол найти вас и передать приглашение посетить его завтра в 11 часов утра в Посольстве. Это не меняет ваших планов? – предупредительно спросил он.

– Нет, не меняет, если Посол не хочет объявить мне о чрезвычайном выезде из Мексики в 24 часа, как это произошло недавно с вашей сотрудницей за ее «большую любознательность» и общительность, – улыбнувшись, сказал я.

Он принял мою тяжеловатую шутку и сказал:

– Насколько мне известно, вас ждет приятная беседа и не менее приятное предложение. Если вы согласны, мой автомобиль «Ягуар» красного цвета ждет вас в 10.30 у подъезда отеля.

Пожав руки, мы расстались. Я был немного удивлен, что еще за приятное предложение? Остаться в

Мехико в качестве представителя «Межкниги»? Но это никак не входило в мои планы. Заинтригованный, я отправился на трибуны, чтобы досмотреть еще три встречи.

Утром следующего дня я спустился к подъезду, там меня ждал яркий «Ягуар», вдоль которого разгуливал в белой рубашке-распашонке Валерий Попов. Он приветливо махнул мне рукой и пошел навстречу.

Через 25 минут мы въехали в небольшую скромную территорию посольства. Валерий тут же провел меня в приемную Посла Подвойского и проинформировал дежурного референта о моем визите. Референт исчез за массивными посольскими дверьми, тут же вернулся и как мог протокольно сказал: «Посол ждет вас».

Из-за стола навстречу мне поднялся среднего роста человек с загорелым лицом, седыми висками, лет 40 от роду, не больше. Он приветливо улыбнулся, пожал руку и спросил:

– Кофе? Чай? Коньяк? Текила?

– Для крепких напитков рановато, хотя я и нахожусь с ними в крепкой дружбе. А вот ваш прекрасный кофе, пожалуйста. Тем более я уверен, что он будет лучше, чем нам подадут в отеле за завтраком.

С начала беседы у нас установились, как мне почувствовалось, откровенные, «на равных» отношения. Мы быстро нашли общих московских знакомых, в том числе дипломатов. Я рассказал ему, как меня дружески принимали в Вене, вначале Посол Филатов, а после него – Поцероб, большой любитель и знаток шахмат. Я просидел у него в кабинете больше часа и

вызвал большое удивление у сотрудников. Ко мне после этого стали относиться с особым вниманием.

– Вот видите, я не ошибся, решив обратиться именно к вам с довольно важной для нас просьбой. Вам хорошо известно, что здесь, в Мексике, живет талантливый, широко известный в Латинской Америке и, как мне кажется, недостаточно оцененный взыскательной художественной публикой в Европе – Давид Сикейрос. Он человек, по сути своей, революционных устремлений, входит в руководство Компартии Мексики, активно поддерживает ее. Он знал первого советского Посла в Мексике Коллонтай, встречался с Владимиром Маяковским. Часто бывает в Союзе, проявляет любовь к его народу, живописи, скульптуре, архитектуре. Имеет в Москве много друзей. Во время визитов его обязательно принимает кто-нибудь из руководителей КПСС, словом, он наш человек.

– Извините, – прервал я его, – на днях с группой наших кинооператоров, Анатолием Сафроновым и Василием Чичковым я побывал в Куэрनावак в гостях у Сикейроса. Его гостеприимная жена Анжелика угостила нас прекрасным обедом. Мой рот до сих пор полыхает от приправы, которая, кажется, называется «чиле». Но это приятная горечь.

– Он ничего не говорил с вами о планах и намерениях своего племянника?

– Времени было мало, вопросов, особенно у киношников, много, так что нам с Анатолием Сафроновым остались считанные минуты.

– Так вот, – продолжал Посол, – видимо, под влиянием рассказов о своем пребывании в Москве, других городах страны у его племянника Давида давно возникло желание поехать на работу в Москву. Да да, на работу, а не в туристическую поездку. Он закончил технологический факультет столичного университета, образованный, воспитанный человек. Он уже место работы выбрал для себя – издательство «Мир», крупнейшее наше издательство по выпуску научно-технических изданий, учебников, в том числе и на испанском языке. Он хотел бы получить контракт на 2-3 года в качестве редактора-стилиста. Нам нравится его стремление поехать в Москву. Но ему, особенно его темпераментной жене Марте, хочется узнать побольше о климате, условиях быта, питании, то есть обо всем, с чем она первая непременно столкнется. Нам известно, Марат Васильевич, что вы большой профессионал, издатель, журналист, уважаемый в обществе человек. Поэтому, когда сам Сикейрос и его племянник высказывали пожелание о встрече с одним из членов Олимпийской делегации, то другого выбора у нас не было. Это не комплимент, это действительность. Племянник Сикейроса Давид предлагает поужинать у него в семье, познакомиться и поговорить обо всем в обстановке полной откровенности и непринужденности. Если вы согласны, то в качестве вашего помощника и переводчика будет известный вам Валерий Попов. Сикейросы вас ждут завтра к 8 вечера. Попов в вашем полном распоряжении, он хорошо знает город, его окрестности и пока-

жет вам все, что вы еще не сумели увидеть. Возникнут вопросы – я к вашим услугам.

На этом мы и распрощались.

На следующий день в восемь вечера красный «Ягуар» подкатил к солидному старинному дому в боковой улице от авениды Инсургенте.

Нас встретила в подъезде у лифта молодая консьержка в белом переднике и, улыбнувшись, со знанием дела сообщила: «Вас ждут на пятом этаже».

Только мы раскрыли лифт, а на площадке уже нас встречал круглолицый человек с добрыми глазами, это был племянник Сикейроса, тоже по имени Давид. Рядом с ним стояла полноватая, круглолицая, рыжеволосая, с приятным энергичным лицом женщина – жена Марта. Из-за их спины выглядывали три пары карих девчоночьих глаз, а это были три дочери хозяев, погодки, примерно от 5 до 8 лет. Они непрерывно стрекотали, гортанно говорили и смеялись.

Мы вошли в большую прихожую и представились друг другу. Марта без умолку говорила, говорила, приветливо улыбалась:

– Пожалуйста, посмотрите нашу квартиру, в ней пять комнат и холл-прихожая. Со временем будет тесно: девочки растут, придется их расселять, интересы разные появятся. Благо, что все три девочки пока в одной комнате могут спать, а если бы был еще мальчик, пришлось бы Давиду снимать квартиру побольше. Пусть меня благодарит, что я подарила ему девочек.

Комнаты были обставлены мебелью со вкусом, правда, как показалось мне, уж слишком много было

всякого рода шкатулок, ваз, безделушек из камня, серебра. Но это дело вкуса хозяев. Стены украшены безупречно подобранными картинами, прежде всего, дяди Давида Сикейроса, несколько работ Диего Риверы, Эль Греко, были и другие, но я, к сожалению, их не знал.

Марта пригласила в гостиную, посередине которой стоял стол, основательно нагруженный блюдами, рюмками, бокалами. Сервиз был из дорогого серебра. Вспомнилось: «Я не то на серебре – на золоте едал». Потянулись традиционные тосты: за гостей, за мексиканский народ, за талантливого дядю Сикейроса, которого хорошо знают во всем мире, за отличную организацию Олимпиады в Мехико за встречу в Москве.

Затем разговор перешел на московские темы. Заговорил Давид, хотя было совсем не просто прорваться через непрерывный разговор Марты:

– Я люблю вашу страну, хотя знаю о ней очень мало. Но интуиция, внутренний голос говорят мне: мы должны поехать в Россию, чтобы узнать ее, познакомиться с обычаями, нравами, а самое главное – ее великой культурой. Мне кажется, нет ни одной страны в мире, к которой бы проявлялся такой всеобщий интерес. Я регулярно выписываю журнал «Советский Союз», с трудом осилил Достоевского, прочитал основные произведения Толстого, немного Чехова, Пастернака. И это весь мой багаж русской литературы. Но я имею намерения поехать на два-три года в Москву, чтобы стать специалистом вашей страны.

Намерения-то у нас есть поехать к вам, правда, больше всех до последнего времени против них возражала Марта – она боится холода и снега. Но, сейчас, мне кажется, она сдалась. Посольство направило в Министерство образования СССР просьбу о заключении контракта между мной и издательством «Мир». Почему я выбрал «Мир»? Ну, прежде, потому, что я инженер по компьютерным машинам и средствам связи, во-вторых, я знаком с поступающими к нам учебниками, монографиями издательства «Мир». Мне хочется, самому участвовать в этом процессе, тем более некоторые переводы на испанский язык, извините, небезупречны. Марат, мы знаем, что Москва – это сосредоточение театров, концертных залов, музеев. Большой театр, ансамбль Моисеева, знаменитая консерватория... Но о вашем быте мы не знаем ничего. Есть ли в домах горячая вода, мусоропровод, лифт, существуют ли очереди за продуктами.

Меня некоторые из этих вопросов удивляли, но я подробно один за другим отвечал на них. Марта была верна себе:

– А морозы, а снег? Я не выдержу – замерзну, – продолжала она.

– Во-первых, снег вам понравится, только купите меховую шапку себе и девочкам. Морозы в Москве редко опускаются ниже 10 градусов.

Вся семья дружно нас провожала и скандировала: «До свидания в Москве...»

...С тех пор прошло 3 месяца. Однажды ко мне в издательство позвонил Давид. Я был рад его звонку,

расспросил о работе, Марте и девочках.

– На работе все идет хорошо, а вот дома, Марат, есть проблемы.

– Что случилось?

– Ничего особенного, но жить очень не удобно. Комнаты обставили старой фанерной мебелью, но самое страшное – это кровати. Они покрыты ржавой металлической сеткой, на них постланы старые ржавые матрасы, а сверху солдатские одеяла. Я не видел еще в жизни подобных кроватей.

По мере его рассказа меня несколько раз бросало то в жар, то в холод, желваки ходуном ходили по щекам.

– Марат, – продолжал Давид, – я все это говорю по-дружески, ты единственный человек, которому я все это могу сказать. Если сможешь, я знаю, ты влиятельный человек в книгоиздании, помоги мне. Марта грозитя уехать.

Я как мог, успокоил Давида и обещал предпринять меры.

Повесив телефон, я был некоторое время в замешательстве. Что делать? Что предпринять? Выход есть только один. Я набрал телефон приемной Николая Александровича Михайлова, Председателя Государственного Комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. У меня сложились с ним добрые взаимоотношения с первого дня, когда он подписал приказ о моем назначении. Завистники в аппарате Комитета поговаривали: пришел какой-то малоопытный молодой директор и не вылезает из кабинета Председателя.

Николай Александрович любил спорт, особенно теннис, но у нас с ним были и другие основания для взаимных симпатий. Я попросил референта соединить с Николаем Александровичем, объяснив, что у меня неотложное дело. Через 30 секунд в трубке проворковал (он немного грассировал) голос Михайлова:

– Здравствуйте, Марат Васильевич, хотите порадовать, что завершили работу над энциклопедией «Теннис»?

Я извинился и сказал, что могу показать ее через две недели.

– Но сейчас у меня к вам есть, как мне кажется, неотложный разговор не по телефону.

– Сейчас же приезжайте, я жду вас, – и повесил трубку.

Вышел на улицу, сел в машину и через 15 минут был в приемной Председателя на Петровке, 26.

На столе традиционные чай, сушки с маком, лимон.

– Рассказывайте, что случилось? Я чувствую, вы не на шутку взволнованы. Я рассказал о посещении Давида Сикейроса, в его резиденции в Куэрнаваке, беседе с Послом Подвойским и его просьбе посодействовать работе в издательстве «Мир» племяннику Сикейроса Давиду, где он с большим желанием стремится поработать, изучить русский язык, основательно познакомиться с культурой России.

И тут же я подробно рассказал Николаю Александровичу о сложном положении, в котором находится в Москве семья Давида из пяти человек, родные племянника Сикейроса.

Мне показалось, что моя тревожность и нотки гнева передались и Михайлову. Он попросил референта соединить его с директором «Мира» Замчевским.

– Товарищ Замчевский, вы знаете, что у вас в издательстве работает по контракту родной племянник известного мексиканского скульптора, художника Давида Сикейроса? Слышали? Но о деталях его работы и быта не знаете? Но вам хотя бы известно, что Давид Сикейрос, художник, скульптор с мировым именем находился в дружбе с Коллонтай, Маяковским, а сейчас он входит в руководство Мексиканской компартии? Нет? Я понял, что вы ничего этого не знаете. Через два дня доложите мне лично, какие меры вы приняли, – и резко бросил трубку.

Через неделю мне позвонил Давид.

– Марат, огромное спасибо, мебель нам заменили, ржавые матрасы убрали, да еще 1 000 рублей добавили к зарплате. Я с первой нашей встречи поверил в тебя, спасибо еще раз. Но, Марат, Марта неумолима, она требует расторгнуть контракт и уехать домой. Нам действительно трудно живется. Я на работе, Марта с тремя девочками одна, няню за эту зарплату не возьмешь. Извини, это не каприз, но моя семья не может есть мороженое мясо, а если идти на рынок, то наших денег хватит с трудом на полмесяца. Я это все тебе говорю откровенно, как другу. Будем надеяться, но едва ли мы останемся на два года.

В середине декабря в квартире раздался звонок. Я услышал голос Давида:

– Марат, прощай, мы на аэродроме. Объявили по-

садку. Марта с дочками тебя целуют. Спасибо тебе за все, «мучас грасиос», ты сделал все что мог. Да свидания в Мехико.

Я часто вспоминаю эту славную семью, в чем-то наивную, романтическую, безусловно любящую нашу страну вопреки трудностям, которых она вдоволь натерпелась. Думаю с горечью и о том, сколько у нас еще черствости, бездушья, отсутствия внимания к конкретному живому человеку. Сколько из-за этого мы потеряли друзей! И чувство собственной вины щемит сердце.

О Сергее Михалкове

Михалков – человек уникальный, единственный в своем роде. Другого, хоть чуть-чуть похожего на него, природа не сумела создать, не смогла сосредоточить в одном человеческом существе столько доблестей и талантов. Не впадая в преувеличение, скажу: он был великим и любимым детским писателем. Его книги выходили миллионными тиражами и тотчас же исчезали с прилавков книжных магазинов. Невозможно найти девочку или мальчика, которые бы не читали книг Михалкова. Он много сделал для развития детской литературы, повышения ее авторитета в обществе. Трогательно и эффективно опекал издательство «Детская литература».

Его популярность в обществе была феноменальной. Он не только писал книги для детей, но и басни для взрослых. Он был русский Эзоп, в своих баснях он едко высмеивал нравы и порядки советского общества. Он был творцом-непоседой: он создал популярный киножурнал «Фитиль» и написал ряд пьес для театра. Михалков – создатель Государственного Гимна СССР, перешагнувшего пропасть перемен и ставший Гимном нового времени. Предпринятые попытки создать новый гимн не увенчались успехом

и были отвергнуты народом. Такого случая история не знает.

Было время, когда мы были довольно близки и часто встречались. Обычно я приходил к Сергею Владимировичу по понедельникам к 9 часам на улицу Воровского (ныне Поварскую). Он открывал дверь сам, реже его экономка, кормилица Полина. Он всегда, кроме лета, был в кальсонах или пижамных брюках. Тут же несколько деланно, с нарочитой грубостью, иногда и легким матюком ворчливо говорил: «Полина, т... м... Марат пришел, а у тебя ни чаю, ни кофею. Быстрее поворачивайся». Чай чаще всего

В 1998 г. мне выпала честь от имени российских издателей поздравить с 60-летием Генерального директора ярмарки Курта Вайдхааса

Без помощи этого боевого офицера, «страна» могла остаться без очередного «выдающегося» юриста

пили с сухариками, медом, вареньем. Но его тянуло в кабинет – поскорее заняться делами, а их у него всегда было по горло. Телефон звонил непрерывно. У него была редкая в наше время черта характера – помогать людям, соучаствовать в их бедах. К сожалению, избирательности в этом у него не было, он помогал всем, кто просил о помощи. На это он безотчетно тратил бездну времени и сил. И у нас с ним разговоры начинались с вопроса о помощи писателю или решения какой-нибудь важной проблемы. Много говорили о детской литературе, интригах в писательском сообществе, о вопросах для обсуждения на Всесоюзном Совете по детской литературе.

Я тогда был заместителем председателя этого Совета. Весь наш разговор он пересыпал шутками, анекдотами, забавными житейскими историями.

Вот одна из таких рассказанных историй.

«Как-то я отдыхал в Крыму. Руководители винодельческого комбината «Массандра» прослышали, что я недалеко от них отдыхаю, и пригласили на дегустацию своей винной продукции. Все было поставлено на широкую ногу, стол был сервирован рюмочками с наперсток, стопочками, фужерами и еле подъемными хрустальными бокалами редкой старинной работы. Всяческих закусок еще больше. Я находился в центре внимания. После пробы определенного сорта вина недопитое надо было сливать в большую хрустальную вазу, стоящую посередине стола. Таковы правила дегустации. Я, правда, вопреки этим правилам не всегда сливал – было вкусно, и я допивал до конца.

Наконец, я устал от этих проб, малоинтересных разговоров и, чтобы как-то подвести дело к концу, обратился к главному виноделу:

– Пожалуйста, в одну из бутылок без этикетки слейте содержимое из дегустационной вазы и закройте, как полагается, пробкой.

Моя просьба привела хозяев в замешательство.

– Что Вы, что Вы, Сергей Владимирович, да мы любое понравившееся Вам вино сейчас же, целый ящик, погрузим в Вашу машину, а затем будем присылать это вино в Москву к каждому празднику.

Я не ожидал такого поворота событий.

– Дорогие друзья, я благодарю вас за сердечное гостеприимство, а что касается бутылки, наполненной из дегустационной вазы, то это я хочу привезти ее моему близкому другу, который считает себя крупным знатоком вина. Вот я ему и налью бокал из вашей бутылки и спрошу: «Скажи, пожалуйста, какого сорта вино ты пробуешь?»

Тут мои хозяева расхохотались, и главный винодел вручил мне бутылку с таинственной смесью».

Я тоже хохотал, когда Сергей Владимирович закончил свой рассказ. Каждый раз, уходя от Михалкова, у меня поднималось настроение, появлялся новый интерес к жизни, общение с ним как бы вливалось в меня заряд энергии. Он чрезвычайно жизнелюбивый человек, и как никто другой умел захватывать окружающих его людей этой любовью к жизни.

В сущности, Сергей Владимирович скромный, ранимый, порой беззащитный человек. За его легкос-

тью, бравадой, иронией в оценках и взглядах на многие окружающие события скрывался глубокий, большой ум. Его коллеги подшучивали над ним за его традиционные опоздания на официальные мероприятия. Место в Президиуме любого авторитетного собрания он занимал всегда с опозданием на 3-5 минут после того, как он уже полон и все слушают вступительное слово председательствующего. А подшучивающим на этот счет коллегам он с добродушной улыбкой говорил: «Скромность – лучшее средство к неизвестности». Он мог так поступать, ибо подлинную известность, высокий авторитет в обществе он заработал не манерой опаздывать.

60 лет в этот день исполнилось и Михаилу Киселеву – директору издательства «Высшая школа»

О Михалкове можно рассказывать без конца. Когда Сергею Владимировичу исполнилось 70 лет, мы с Дмитрием Мамлеевым, тогдашним Первым заместителем Председателя Госкомиздата СССР, поехали поздравить его в Союз писателей России на Комсомольский проспект. Время сознательно выбрали ранее – 12 часов дня: в эти часы желающих поздравить любимого друга, уважаемого писателя еще не так много. Мы оказались провидцами. В приемной нам сказали, что у Сергея Владимировича кроме Юрия Васильевича Бондарева никого нет (Бондарев в те годы был первым секретарем Союза писателей России, а Михалков – председателем). Вошли, обнялись, расцеловались с нашим другом, вручили, как полагается, приветственный адрес от Госкомиздата СССР и подарок. Сели за стол, выпили по рюмке «Ахтамара» – и потекла беседа обо всем, прерывающаяся: «А помнишь...»

Вдруг открывается дверь, и на пороге появляется рослый, загорелый бывший заведующий отделом культуры ЦК КПСС Василий Филимонович Шауро, с которым юбиляра связывали долгие годы большой дружбы. Выпили еще по одной рюмке коньяку за здоровье и успехи Михалкова. С появлением своего близкого друга он как-то еще больше оживился, повеселел и, естественно, впал в полосу шуток и «подначек».

– Слушай, Василий Филимонович, вот ты 25 лет руководил культурой, литературой. Помню, присутствовал на всех пленумах, съездах Союзов писателей

СССР и РФСР, но я никогда не слышал, чтобы ты выступал, – Сергей Владимирович ехидно хихикнул и сказал, – ну скажи, почему ты так ни разу за 25 лет и не произнес ни одной речи?

Василий Филимонович улыбнулся и ответил:

– Если бы я выступал с речами на ваших съездах и пленумах, то разве я бы 25 лет в ЦК КПСС проработал? – ответ был достоин «подначке» и вызвал у нас смех.

Сергей Владимирович любил заграничные командировки, активно работал по расширению сотрудничества с писательскими организациями бывших стран социализма. Много сил и времени он отдавал работе в Международном Совете по детской литературе (Ай-Би-Би-Ай), в котором имел высокий авторитет, многие годы избирался на конгрессах вице-президентом Совета.

В зарубежных командировках он никогда не выпячивал свою персону, вел себя с коллегами на равных, советовался по щекотливым вопросам, непрерывно шутил, сыпал анекдоты, «байки».

В мае 1984 года в Праге проходило очередное координационное совещание представителей Союзов писателей социалистических стран по вопросам сотрудничества в области детской литературы. Михалков и я были участниками этого совещания. Совещание проходило в спокойной, дружеской обстановке. На второй день совещания сообщения, выступления как-то потускнели, стало скучновато. Я посмотрел на Сергея Владимировича и увидел в его

глазах непривычную для него тоску. Решил его как-то растормошить и говорю:

– Сергей Владимирович, я предлагаю Вам написать басню-экспромт, чтобы до перерыва этого заседания ее закончить.

Он ехидно посмотрел на меня из-под очков, а затем стал что-то активно набрасывать на листе блокнота, писал, вычеркивал, что-то шептал про себя.

Когда объявили перерыв, он повернулся ко мне и, улыбаясь, с чувством удовлетворения прочитал:

– Прага 15 мая 1984 года. Басня.

Покорного осла настолько нагрузили,
Что он уже тащить поклажу был не в силе.
И честно отслужив, издав последний вздох,
Он свой закончил путь, точнее сказать – издох.

Мой милый друг Марат,
Подумай и учти,
Что мы с тобой уже
Ослы почти!

Эту басню, как и все другое, связанное с Сереем Михалковым, я храню в своем сердце и памяти, как самое дорогое для меня.

О Борисе Пастухове

В своих «воспоминаниях» я не мог не написать о Борисе Пастухове, о личности, глубоко мне симпатичной, духовной, близкой и, безусловно, выдающейся.

Я знаю Бориса Николаевича почти 45 лет. Мы работали в комсомоле, я был его прямым подчинённым. Мы знали друг о друге почти всё, вместе радовались успехам, горевали, когда у кого-либо из нас что-то не получалось.

Всё это, как я полагаю, даёт мне моральное право выразить своё отношение к этому человеку. Борис Николаевич – человек разносторонний, многогранный, эрудированный, природа щедро одарила его редкими качествами и, прежде всего, талантом руководителя.

Я всегда искренне недоумевал (в молодости – больше, в старости – меньше), почему, когда власти ищут на высокую государственную должность умного честного авторитетного человека, среди претендентов на такую должность Борис Николаевич Пастухов даже не фигурирует? По показаниям опытных специалистов, он неизлечимо болен трудоголизмом.

Скажу прямо, как есть, пусть сердится – работать с ним трудно, я бы даже сказал тяжело. Однажды, я

Пастухов! Ты настоящий человек

работал с Борисом Николаевичем над докладом об итогах работы отрасли за год. Режим был прямо таки казарменный: в 9 часов утра – за стол, потом, в 9 часов вечера – подъём, и 30 минут времени на «руководящий» обед. Часам к 6 вечера я тихо сползал с кресла от усталости. Необходимые умные мысли в это время явно покидали меня. Хотя утром они и обнаруживались, как утверждал Борис Николаевич.

Именно в это время Борис Николаевич приходил в творческий экстаз от нашей дневной работы. Он брал в руки самые длинные ножницы и начинал ими орудовать как виртуоз-шпажист. Он решительно вырезал те места, которые нам ещё утром нравились и были написаны нами согласованно. Подклеивал к обрезанным листам новые полоски, и что-то судорожно писал на них. Он не терпел в это время никаких реплик, тем более предложений и замечаний.

Затем он откидывался на спинку кресла, впадал в благодущие, механически обрезал ножницами лоскутки ранее вставленных вкладок и приклеек. Глаза его из-под очков светлели, он начинал острить и подковыривать. Я сидел, крамольно думал, а нужен ли был в таком книжном варианте доклад «Об итогах работы за год...», чтобы прочитать его полуспящей аудитории за 1 час 45 минут. И приходил к окончательному выводу – не нужен. Нужны ответственные, по возможности резкие тезисы, раскрепощающие душу. Да, традиции, традиции... «они брали нас за глотку».

Я почти был убеждён, что Борис Николаевичу нравился сам процесс анализа фактов, формулировок

выводов, рекомендаций, необычные повороты мысли, решения неординарных вариантов. Он жил, радовался всему этому процессу. Ибо это была работа над реализацией важной государственной задачи, но «по-пастуховски».

Как он работал в молодости, так он работает и сейчас, когда ему уже скоро исполнится 72 года. Работать с радостью – это, значит, работать ни ради карьеры, ни ради газетных публикаций, орденских планок, а ради дела.

Личность Бориса Пастухова многогранна и неисчерпаема: одна из этих граней – любовь к людям, верность им, помощь, даже если кажется, что помочь уже ничем нельзя.

Уважаемый Борис Николаевич! Извини, что плохо написал, напишу лучше – обещаю. За оценки простите, а любовь и дружбу оставьте до конца.

Ваш Марат Шишигин

Мои последние Игры

Мюнхен стал пятнадцатым по счету городом, которому было представлено право проводить очередные, на этот раз XX, Олимпийские игры.

Мы едем в туристическом автобусе по улицам Мюнхена. Двадцать часов вечера, улицы пустынные, окна домов плотно занавешены – здесь рано ложатся спать. Только на центральных улицах, ярко освещенных рекламой, толпы гуляющих. Едем и удивляемся: не чувствуется, что завтра в городе открываются Игры! Невольно вспоминается олимпийский Мехико. Огромные рекламные щиты, посвященные Олимпиаде, многоцветье флагов стран-участниц, скульптурные фигуры спортсменов, олицетворяющие виды спорта, ярко раскрашенные киоски – справочные бюро, сувенирные базары и люди, искрящиеся весельем. Все это создавало в городе прошлой Олимпиады обстановку всеобщего праздника.

Здесь – иначе. Правда, это лишь первое впечатление. Впереди – три недели, за которые предстоит узнать город XX Олимпиады. Многочисленные проспекты, справочники, альбомы сообщали: Мюнхен – столица земли Баварии – основан в XII веке, в нем 1,4 миллиона жителей, он второй по промышленному

потенциалу город ФРГ, в нем есть старинный университет (по числу студентов он занимает первое место в стране), 22 государственных и частных театра и многое, многое другое.

Мюнхенцы не без гордости заявляют, что их город, особенно его центральную часть, почти не затронули архитектурные новшества, как это, например, произошло с их соседом – Франкфуртом-на-Майне. Современные здания из стекла и бетона здесь редкость – они на окраинах. Именно это и придает городу своеобразный колорит.

Центр Мюнхена – площадь Мариенплатц, посередине которой возвышается готическая башня городской ратуши. Это самое оживленное место в городе. С утра до глубокой ночи здесь толпятся люди. В час пик на площади невозможно протиснуться, даже на ближайших улицах останавливается движение. Все стремятся посмотреть на работу оригинальных часов, расположенных на башне ратуши. Ежедневно в 10 часов 50 минут под мелодичный перезвон в проеме башни появляется фигура пляшущего солдата в яркой одежде, за ним следуют еще несколько фигурок в баварских нарядах.

Это «представление» заканчивается ровно в 11 часов громкоголосым пением петуха.

В дни Олимпийских игр буквально в сотне метров от ратуши стихийно возник «черный рынок» по продаже билетов на наиболее интересные олимпийские соревнования. Процедура продажи напоминала большой аукцион: владелец билетов называл первоначальную цену, а покупатель называл сумму, которую он готов был заплатить за билет.

чальную стоимость, а затем цена возрастала. Особенно бойко шла торговля билетами на соревнования боксеров, гимнастов, баскетболистов. Цена билетов на праздник торжественного открытия Олимпийских игр была взвинчена до баснословных размеров – билет стоимостью 30-40 марок продавался за 500-700 марок. Причем спекуляция велась в открытую, на глазах властей и полиции, которые рассматривали ее как обычный «гешефт» предприимчивого человека. Такое отношение к спекуляции олимпийскими билетами беспрецедентно. Помнится, как решительно ее пересекали власти Инсбрука, Токио, Гренобля. Что же, здесь был другой взгляд на вещи – бизнес есть бизнес!

Листая проспекты, мы насчитали в Мюнхене свыше 26 музеев и частных собраний, представляющих, судя по их названиям, все направления в живописи, графике и скульптуре. Осмотр музеев мы начали со «Старой пинакотеки». Это галерея гордится самой большой в Европе коллекцией картин Рубенса, здесь выставлены произведения Гойи, Тициана, Брейгеля и других выдающихся живописцев.

Побывали мы и в Музее современного искусства. Главное место в большой экспозиции музея занимают картины формалистского и откровенно абстракционистского плана, фантасмагорические живописные построения Сальвадора Дали, иррациональные конструкции поклонников поп-арта. Один из «шедевров» поп-арта выглядит так: посередине небольшого зала стоит обшарпанный «фольксваген» в натураль-

ную величину, за ним выстроились в два ряда около двух десятков саней типа северных нарт. «Произведение» называется «Стая». Не будь этой надписи, никто не смог бы и подумать, что все это нагромождение из автомобиля и саней – «произведение искусства». Другой экспонат: кусок брезента с многочисленными резиновыми трубками белого цвета. Читаем надпись: «Мягкая ванна».

Работы В. Кандинского – западные искусствоведы называют его основателем школы абстрактного искусства – широко представлены в Доме-музее художника Ленбаха. Здесь экспонируется множество ранних живописных работ В. Кандинского, посвященных русской природе и выполненных в реалистическом духе. Поздние же его работы, начиная примерно с 1911 года, написаны в откровенно формалистической, абстракционистской манере. Большая часть этих картин носит название «Импровизация» или «Композиция». В том же музее представлены многочисленные работы других художников-абстракционистов из группы В. Кандинского.

В Мюнхене много художников. Некоторые считают его в этом отношении конкурентом Парижа. Есть в городе и свой Монмартр – Швабинг, район художников, артистической, писательской богемы и самых разнообразных увеселительных заведений. Здесь 320 больших и малых ресторанов, кафе, баров. Яркая реклама «нахт-клубов» и «стрип-клубов» зазывает посмотреть за сходную цену на «16 самых красивых женщин мира».

Жизнь в Швабинге замирает только к утру. И днем и ночью прямо на тротуарах художники выставляют для продажи свои работы: живопись, графику, скульптуры, сувениры. Есть работы талантливые и серьезные, есть претенциозные и бездарные поделки в стиле авангардистов, откровенная порнография.

Наверное, ни в одном городе мира нет такого количества пивных, как в Мюнхене. Это, пожалуй, одна из самых характерных особенностей облика мюнхенских улиц. Маленькие, на пять-шесть столов, и огромные пивные комбинаты с десятками залов, отличающихся друг от друга обстановкой, цветом пива, кружками, специальными закусками. «Пивная пивных» города – «Хофбройхаус», имеющая около 20 залов, вмещающих 500-700 посетителей. Пиво для мюнхенца что-то вроде чайной церемонии в Японии – культ, ежедневный ритуал, предмет гордости. За пивом здесь отдыхают, обсуждают проблемы, спорят, занимаются политикой. Мюнхенцы любят шутить, что у истинных баварцев в жилах течет не кровь, а пиво.

Чтобы ежедневно наполнять пивом десятки тысяч кружек, существует «пивная индустрия», состоящая из сотен больших и малых пивоварен и пивоваренных заводов. Владельцы крупных пивоварен имеют парадные выезды лошадей для доставки пива своим клиентам. Подобные выезды носят рекламное назначение. Представьте себе такую сцену. Вдруг на плотно забитой автомобилями улице появляется «пивной выезд». Шесть откормленных лошадей, запряженных

попарно в огромную телегу, установленную в три ряда дубовыми бочками, торжественно цокая, движутся по асфальту. Автомобили вежливо «расступаются», объезжают выезд. Лошади – как на подбор, сбруя украшена позолотой, маленькими колокольчиками, лошадиные головы – плюмажем. Телега – целое сооружение высотой в три-четыре метра, раскрашенное в разные цвета. Бочки с пивом – в гирляндах из живых или искусственных цветов. На высоком облучке под многоцветным навесом восседают кучер и два-три грузчика, одетые в яркие жилеты...

Есть у мюнхенцев и свой праздник – «Октоберфест», праздник пива и песен, который проводится каждую осень. На него собирается до 2 миллионов гостей из ФРГ и других европейских стран.

«Октоберфест» – это и огромная ярмарка (здесь идет бойкая купля-продажа), это и дегустация пива, это и фестиваль профессиональных ансамблей; это и карнавал с фейерверком, масками, массовыми играми. «Октоберфест» не единственный массовый праздник Мюнхена. Интересно проходят здесь народные гуляния, посвященные масленице, традиционному фестивалю музыкального искусства.

Мы совершили много поездок, прогулок по городу и окончательно убедились: Олимпийские игры почти не изменили привычной жизни горожан и не стали для них ярким, всеобщим праздником.

Олимпиада жила полнокровной жизнью на окраине города в Обервизенфельде, где на площади в три квадратных километра разместилась Олимпийская

деревня, пресс-центр и комплекс спортивных сооружений. Все эти многочисленные и разнообразные сооружения Обервизенфельде были соединены паутиной дорог и дорожек, переходов и акведуков. С самого раннего утра и до позднего вечера десятки тысяч людей, автобусов, автомобилей заполняли эти артерии. Движение было интенсивным, многоголосым, ярким. Здесь жили, соревновались, тренировались, развлекались десятки тысяч людей.

В центре этого комплекса возвышался олимпийский стадион, имеющий 80 тысяч зрителей. Его окружали несколько оригинальных сооружений: «Спорт-халле» для соревнований по гимнастике и гандболу, баскетбольный зал, олимпийский трек, стадион для хоккея на траве и другие.

Известно, что ФРГ является одной из наиболее посещаемых стран мира. Туристские проспекты сообщают, что в 1971 году в ФРГ побывало более 7 миллионов гостей – туристов, делегатов, политических деятелей.

XX Олимпийские игры привлекли в Мюнхен и его окрестности около 4 миллионов спортсменов, официальных лиц, туристов. Немецкий центр туризма, туристические фирмы и бюро широко использовали Олимпиаду для пополнения своих касс и увеличения банковских счетов. Проспекты, плакаты пестрели броскими фразами: «Каждый гость ФРГ – король», «Добрый ночи в немецкой кровати» и т. п. Они предсказывали, что Олимпийские игры в Мюнхене станут «самыми домашними», «самыми корректными», «са-

мым веселым праздником в мире» и не скупилась на другие обещания и добрые пожертвования...

Но так ли уютно проходила в действительности эта широко разрекламированная «Олимпиада немецкого гостеприимства»?

Взглянем на все эти обещания трезво. В них, конечно, были добрые устремления прогрессивных сил ФРГ, но в них содержались и определенные политические цели, и откровенная реклама, в которой были заинтересованы владельцы гостиниц и пансионатов, туристические организации, развитая «туристическая индустрия», нуждающаяся в новых импульсах. «Индустрия туризма» ФРГ располагает широкими возможностями принимать туристов с любыми вкусами, но особенно с толстыми кошельками. Заграничный гость может выбирать себе пристанище от роскошных апартаментов в гостиницах высшего разряда до дешевых постоялых дворов или небольших частных пансионатов. Гостиничное дело поставлено на широкую ногу. Свыше 60 крупных отелей входят в так называемую систему предварительного заказа номеров Международного объединения гостиниц, которое связано с компанией «Америкэн экспресс». В ряде городов ФРГ работают гостиницы, принадлежащие известным международным компаниям «Хилтон», «Интерконтиненталь».

Есть еще и система «суперотелей», где денежные люди могут жить по-царски. Эти отели, как правило, располагаются в древних замках, дворцовых ансамблях и т. д. Сутки «царской жизни» стоят 160- 200 ма-

рок. Существует приблизительно 700 так называемых гостиниц для молодежи. Они размещены в бетонных коробках, имеют маленькие номера с двухъярусными кроватями и скромным сервисом. Любители автопутешествий пользуются системой кемпингов, насчитывающей свыше тысячи придорожных стоянок, оборудованных палатками или легкими строениями типа бунгало для ночлега, столовыми, магазинами. Широко рекомендуется в ФРГ и пеший туризм. Туристические организации недавно оборудовали европейскую тропу № 1, которая позволяет пешком пересечь всю страну от Фленбурга до Констанца на Баденском озере.

XX Олимпийские игры ушли в историю. Для нас эта Олимпиада была юбилейной: 20 лет назад в Хельсинки советские спортсмены впервые вышли на олимпийские старты. С тех пор, участвуя в пяти летних Олимпийских играх, наши атлеты не раз добивались выдающихся успехов.

Какое же место в истории советского спортивного движения заняли XX Олимпийские игры? Что принесли они нашему спорту?

Небывалую, блестящую победу. И говорить так мы имели полное основание.

Еще никогда раньше советским спортсменам не удавалось завоевать на одних играх 50 золотых медалей. Такого успеха не удавалось добиться ни одной другой команде за всю послевоенную историю. Только в 1904 году, на III Олимпийских играх, у себя дома, в Сант-Луисе, спортсмены США получили 75 зо-

лотых медалей. Этот рекорд объясняется довольно просто: американские спортсмены в то время практически не имели конкурентов и боролись за первые места между собой, так как многие сильнейшие европейские команды из-за высокой стоимости проезда и по иным причинам не участвовали в III Олимпийских играх. Характерно, что основные конкуренты американцев – спортсмены Германии, занявшие второе место, завоевали всего 5 золотых медалей.

На этот раз, в 1972 году, соперники у атлетов США были иные. В Мюнхене советские спортсмены одержали победу над американской командой по всем показателям: по количеству золотых медалей и очков в неофициальном зачете, по числу первых мест спорта (спортсмены СССР были первыми в 10 видах спорта и опередили атлетов США в 16 видах спорта). Было замечено, что уж очень часто советские журналисты, да и иностранные тоже, рассказывая о выступлении советской команды на XX Олимпийских играх, употребляли слово «впервые». Впервые золотых олимпийских наград добились наши баскетболисты, впервые – ватерполисты, впервые – легкоатлеты-спринтеры, прыгуны в воду с трамплина... Впервые на Олимпийских играх советские легкоатлеты (мужчины) выступили лучше американских. Они завоевали 9, а американцы – 6 золотых медалей. Впервые после этого заговорили о конце гегемонии американцев в легкой атлетике, тем более что их обошли еще и спортсмены из ГДР. Наш советский спортсмен спринтер Валерий Борзов впервые в истории совет-

ской легкой атлетики выиграл в беге на дистанциях 100 и 200 метров и завоевал серебряную медаль в эстафете 4 x 100 метров. За всю историю послевоенных олимпиад «золотого дубля» на двух спринтерских дистанциях добивался Боб Морроу в Мельбурне.

Валерий Борзов, Василий Алексеев, Ольга Корбут были в Мюнхене, без преувеличения, самыми популярными олимпийцами. Известный лондонский Музей восковых фигур мадам Тюссо заинтересовался маской Ольги Корбут. Правда, это далеко не самое весомое свидетельство ценности человеческой личности... Есть и другие, позначительнее. Вот одно из них:

«Шесть советских девушек покорили 12 тысяч зрителей. Композиция зрелости и красоты, которую они показали, вновь обеспечила СССР бесспорную золотую медаль. Любимицей публики стала грациозная Ольга Корбут из белорусского города Гродно. Когда 17-летняя школьница во время вольных упражнений блеснула бриллиантовым гимнастическим фейерверком, буря восторга разразилась в зале. После выступления Ольги на брусьях буря превратилась в ураган. Дерзкая и озорная, она с такой сумасшедшей скоростью летала от перекладины к перекладине, что у пораженных зрителей перехватывало дыхание». Так о нашей спортсменке писала мюнхенская газета «Абендцайтунг» в дни Олимпиады.

Да, Ольга Корбут не просто побеждала – она вызывала всеобщий восторг. Восхищение вызывали и замечательные победы Валерия Борзова, Василия Алексеева и многих других наших спортсменов. Мил-

лионы людей во всех уголках земного шара восхищались мужеством, силой, благородством, обаянием посланцев Советского Союза.

Оглавление

От автора	5
Иван-да-Анна	11
Дезертиры	57
Искушение	84
Маленький праздник в 1942-м...	87
Прощай, Урал!	92
Ботинки всмятку	118
Учиться быть мужчиной	127
Бурный 1962-й...	146
Кубинская одиссея	187
Короли и Королевы Инсбрука	227
Стриптиз за полфунта	248
У подножия Фудзиямы	252
Чек со взломом	297

Спортивная Мекка 1968 года	302
Аванс без рукописи	331
«Звезды» смотрят вниз	338
Похороны состоялись	345
Ковбои вылетают из седла	353
Серый кардинал	360
Никита Хрущев в гостях у Тито	364
Сикейрос в «Мире»	377
О Сергее Михалкове	388
О Борисе Пастухове	397
Мои последние Игры	401

Шишигин Марат Васильевич

Окна в прошлое

Художественное оформление и макет

Н. Дубовик

Компьютерная верстка

А. Щербаков

Корректор *С. Крусман*

Оригинал-макет подготовлен

рекламной группой компаний

OSCAR

123056, г. Москва, ул. Красина, д. 3, стр. 1

ИД № 05929 от 28.09.2001

Подписано в печать 05.04.2005 г. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага мелованная. Печать офсетная. Гарнитура «Петербург».

Печ. л. 26. Тираж 1000 экз.

Заказ № 1591

Издательство ЗАО «Книга и бизнес»
103050, Москва, Благовещенский пер., 12, стр. 2

Отпечатано

в ГМП «Первая Образцовая типография»
115054, Москва, ул. Валовая, д. 28

ВЛКСМ

Марат Шишигин - кандидат юридических наук, заслуженный работник культуры РФ, почетный президент Ассоциации книгоиздателей России, автор очерков, книг, монографий. Неоднократно избирался секретарем Союза журналистов России, награжден орденами «Знак Почета» и «Дружбы народов».

В 1952-м окончил Московский юридический институт. С 1960 по 1964 гг. — сотрудник сектора творческой молодежи ЦК ВЛКСМ. Участвовал в проведении Международного форума молодежи на фестивалях молодежи и студентов в Москве и Хельсинки.

Член Национального олимпийского комитета СССР, руководитель Отдела печати и информации Госкомспорта СССР. В качестве пресс-атташе и спортивного обозревателя участвовал в Олимпийских играх (Инсбрук, Токио, Гренобль, Мехико, Мюнхен). С 1967 по 1973 гг. — директор издательства «Физкультура и спорт». С 1973 по 1977 гг. — заместитель председателя Всесоюзного агентства по авторским правам (ВААП).

Участвовал в создании правовых основ использования произведений литературы, музыки, живописи.

С 1977 по 1990 гг. — член коллегии Госкомиздата СССР. Занимался творческими вопросами книгоиздания, активно развивал печатное дело в союзных республиках. С 1990 по 2001 гг. — первый президент Ассоциации книгоиздателей России (АСКИ).

В настоящее время на общественных началах работает помощником депутата Государственной Думы РФ, занимается литературным творчеством.